

Per. A-1169
-298

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

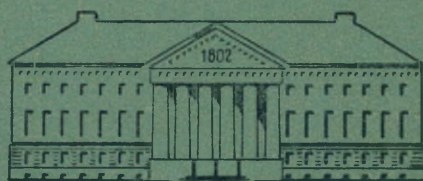
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893. a. VIHK 298 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

XIV

TARTU 1972

22 A-1109
-298

TARTU RIIKLIKU ULIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS

TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK 298

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
XIV

Tartu 1972

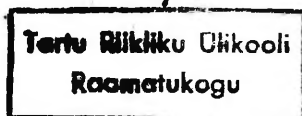
Redaktsioonikolleegium:

E. Laasik, J. Mäll, A. Uustal (esimees), P. Vihalem,
V. Kelder (vast. toimetaja)

Редакционная коллегия:

Э. Лаасик, И. Мялл, А. Уустал, П. Вихалем,
В. Кельдер (отв. редактор)

P₁

70249

V. I. LENIN POLIITIKAST

Õigustead. dokt. A. Uustal

Riigi- ja haldusõiguse kateeder

V. I. Lenin pöörab oma töödes palju tähelepanu poliitikale, tema olemusele, teda mõjustavatele teguritele ja klassiiseloole. Kuigi Lenini seisukohtade avaldamisest on möödunud enam kui pool sajandit, aitavad need veel tänapäeval orienteeruda kodanlike riikide poliitika keerdkäikudes ja paljastada selle tegelikke eesmärke. Selles väljendub V. I. Lenini suurus, tema võime aastakümneteks õigesti ette näha rahvusvaheliste suhete arengut.

Valitsevad klassid, teostades poliitikat ekspluateeritavate hulkade eest varjatult, tehes sellest privilegeeritud seisuste ja ühiskondlike kihtide «eraasja», ümbritsesid välispoliitika tavaliselt tiheda saladuseoreooliga. Nad püüdsid näidata seda keeruka kunstina, mille mõistmine ja teostamine on jõukohane vaid neile, vähestele väljavaliituile. Sellega ühes kohtamegi sagedasti kodanlikus literatuuris poliitika ja diplomaatia määratlusi, mis teevad nendest kunsti.

Tuntud inglise diplomaadi H. Nicolsoni määratluse kohaselt on diplomaatia «läbirääkimiste kunst».¹

Marksismi klassikute suureks teeneks on see, et nad rebisid maha valitsevate klasside saladiplomaatiat ja välispoliitikat varjavad ning samaaegselt ka ilustavad loorid ning avasid rahvahulkadele nende tegeliku olemuse. Tulemuseks oli see, et haihtus oreool, millega kodanlikud poliitikud ja teadlased ümbritsesid diplomaatia ja välispoliitika, ning ilmnes, et nende eesmärgid, nende teostamise meetodid määratakse valitseva klassi kitsaste, omakasupüüdlike klassihuvidega. K. Marx näitas, et «... rahvaste üksteise kallale ässitamine, ühe rahva kasutamine teise rahva orjastamiseks ja sellega ühes absolutistliku despootse võimu edaspidise eksisteerimise kindlustamine — sellele olid suunatud kõigi senini eksisteerinud riikide valitsejate ja nende diplomaatide kunst ja tegevus.»²

¹ H. Nicolson. The Evolution of Diplomatic Method. New York, 1954, p. 2.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 160.

Sellega ühes näitasid marksismi klassikud, et töölisklass on võimeline teostama oma, ekspluataatorlike klasside poliitikast erinevat demokraatlikku poliitikat. Töölisklass, seades oma revolutsiooniliseks ülesandeks kodanliku korra vägivaldse kukutamise ja uut tüüpi riigi moodustamise, pidi sellega ühes paratamatult asuma poliitika juhtimisele. Selle ülesandega edukamaks toimetulemiseks soovitasid marksismi klassikud töölisklassile juba varakult hakata tundma õppima «diplomaatia saladusi».

«Proletariaat, kui ta tahab võita kodanluse», märkis V. I. Lenin, «peab endale välja arendama oma d, proletaarsed «klassipoliitikud» ning niisugused, et nad ei oleks halvemad kodanlikest poliitikuist.»³

V. I. Lenin arendas edasi K. Marxi ja F. Engelsi seisukohti vastavalt uue ajaloolise epohhi — imperialismi tingimustele. Ta paljastas väga üksikasjalikult poliitika olemuse ja klassiiseloому, näidates, et kodanluse väited «üldrahvalikust», «monoliitset» poliitikat on täielikult väärad ja määratud kodanluse huve teeniva poliitika reaktsiooniliste eesmärkide varjamiseks ning mitmesuguste demagoogiliste võtetega sellele üldrahvaliku heakskiidu ja toetuse kindlustamiseks. Lenin hoiatab töötajaid, et nad väga üksikasjalikult analüüsiksid poliitikas teostuvaid üritusi klassiseisukohalt ega laseks end petta või valele teele meelitada kõlavate loosungitega. Ta märkis: «Poliitikas on inimesed alati olnud ning jäävad alati pettuse ja enesepette rumalateks ohvriteks, niikaua kui nad ei õpi mistahes kõlbeliste, usuliste, poliitiliste ja sotsiaalsete fraaside, deklaratsioonide ja lubaduste tagant üles otsima ühe või teise klassi huvisid.»⁴ «Poliitikat hinnatakse mitte deklaratsioonide, vaid reaalse klassisisu seisukohalt. Missugust klassi sa teenid?»⁵

Sagedaseks nähteks on, et imperialistlikud riigid annavad oma reaktsioonilisi ekspansionistlikke huve teenivatele välispoliitilistele üritustele kõlavad demokraatlikud eesmärgid. Oma ajal USA reaktsiooniliste kodanlike ringkondade poolt laialt propageeritud kava Euroopa majanduslikuks orjastamiseks (Marshalli plaan) reklameeriti kui sõjas kannatanud Euroopa riikide majanduslikku abistamist. Tegelikkus näitas, et sellised «abistavad» eesmärgid suruti täielikult tagaplaanile monopolistide rikastumispüüetega. Ulatuslikult reklaamitakse praegu USA monopolistlike ringkondade poolt Ladina-Ameerika maade majanduslikku abistamist erilise programmi «Liit progressi nimel» kaudu. Kuid ka siin peab kõlav nimetus varjama ürituse ekspansionistlikke eesmäärke.⁶

Olenevalt poliitiliste jõudude vahekordest võivad töötavad

³ V. I. Lenin. Teosed. 31. kd., lk. 60; vt. ka В. Попов. Ленин и Советская дипломатия. — «Новое время», 1970, № 30, стр. 19.

⁴ V. I. Lenin. Teosed. 19. kd., lk. 7.

⁵ V. I. Lenin. Teosed. 29. kd., lk. 321.

⁶ А. Алексин. «Тихая» интервенция. — «Коммунист», 1970, № 10, стр. 92—106.

hulgad tagasi lükata kodanluse poolt kavandatud reaktsoonilised üritused, sundida kodanlust muutma oma rahvavaenulikkude poliitikat, kuid ilma kodanliku korra kukutamisetä on sellistel töölishulkade poolt saavutatud võitudel ajutine iseloom. Pärast ajutist kaotust püüab kodanlus leida alati uusi võimalusi kaotuse korvamiseks ja endise reaktsoonilise poliitika jätkamiseks. Näiteks Prantsusmaal 1954. a. lükkas demokraatlike jõudude ühisriiane parlamendis tagasi Euroopa kaitseühenduse loomise kava, mille raames püüti anda Lääne-Saksamaa revanšistidele võimalust taasrelvastumiseks. Teatavasti saavutas reaktsoon hiljem siiski selle eesmärgi.

Lähtudes poliitika klassiiseloolest, on sügav erinevus kodanlike ja sotsialistlike riikide poliitika vahel. Kodanlike riikide poliitika väljendab valitseva kodanliku klassi huve ja püüab neid kindlustada. See on tegelikult rahva vähemiku poliitika, mida püütakse sagedasti teostada rahva enamuse huvide vastaselt. Selline eesmärk tingib ka selle teostamise viisina sagedasti saladiplomaatia kasutamise, mida teostatakse varjatult rahvahulkade eest. V. I. Lenin märkis, et kapitalistid ei usu, et poliitikas võib «otse ja avalikult» rääkida.

Täiesti erinev on sotsialistliku riigi üldrahvalik poliitika, mida teostatakse avalikult rahva ees (välja arvatud vaid üksikud juhud, kus selline avalikkus otseselt kahjustaks julgeoleku kindlustamise vajadusi).

On saanud tavaks, et sotsialistlike maade partei-, ja valitsusdelegatsioonid esinevad pärast olulisi rahvusvahelisi läbirääkimisi avaliku ettekandega läbirääkimiste tulemuste kohta. NSVL Ülemnõukogu istungjärkudel esineb välisminister tavaliselt aruandega valitsuse välispoliitika kohta, millele järgnevad sõnavõttud ja saadikute seisukohtade avaldamine. Selliste aruannete tulemusena toimub sotsialistlike maade välispoliitika rahvahulkade pideva kontrolli all, mis ühtlasi kindlustab selle üldrahvaliku laadi ja kogu rahva toetuse. Üldrahvalik toetus sotsialismimaade poliitikale annabki talle erilise jõu ja tugevuse võrreldes kapitalistlike maade välispoliitikaga.

«Äsus poliitikas on jõu tulemus, silmakirjalikkus on nõrkuse tulemus», märgib V. I. Lenin.⁷ Kodanlus, püüdes varjata oma tegelikku poliitikat mitmesuguste valelike loosungitega, näitab sellega oma nõrkust.

Kodanlikud teadlased ja poliitikud eraldavad tavaliselt ja vastandavad välispoliitika sisepoliitikale ning isegi seavad esimese tähtsamale kohale võrreldes viimasega. V. I. Lenin näitas selle seisukoha täielikku ekslikkust ja vastandlikkust tegelikkusega. Riigi poliitika, olles teatud valitseva klassi (või klasside) poliitika, on ühtne ja lähtub ühistest põhiseisukohtadest. Ainult erineva teosta-

⁷ V. I. Lenin. Teosed. 17. kd., lk. 134.

mise sfääri alusel võime rääkida sise- ja välispoliitikast. V. I. Lenin märkis: ««Välispoliitika» eraldamine poliitikast üldse või — veel enam — välispoliitika vastandamine sisepoliitikale on täiesti väär, ebamarksistlik, ebateaduslik mõte.»⁸

Kodanlikud poliitikud ja teadlased, eraldades välispoliitika sisepoliitikast, püüavad sagedasti näidata, et riik, kes teostab ilmselt reaktsioonilist sisepoliitikat, võib siiski arendada demokraatlikku välispoliitikat. Sellised seisukohad lükkab ümber tegelikkus. Reaktsioonilise sisepoliitikaga on alati seotud ka reaktsiooniline, rahvusvahelist rahu ja rahvaste julgeolekut chustav välispoliitika. Omal ajal ilmnis väga kujukalt selline sise- ja välispoliitika seos fašistliku Saksamaa, Itaalia ja imperialistliku Jaapani poliitikas. Tänapäeval Ameerika Ühendriigid, teostades siseriigis laialdast pealetungi kodanike demokraatlikele vabadustele ja õigustele, on oma reaktsioonilise välispoliitikaga loonud tõsise ohu rahvusvahelisele rahule. Häbiväärne agressioon Vietnamis, USA vahelesegamine teiste maade siseasjadesse, kontrrevolutsiooniliste vandenõude organiseerimine ja finantseerimine on leidnud demokraatlike jõudude üldise hukkamõistu. Suureks ohuks rahule on see, et USA soosib Iisraeli agressiivset tegevust araabiamaa vastu ega aita kaasa Julgeolekunõukogu 22. novembri 1967. a. otsuse elluviimiseks.

V. I. Lenin näitab, et poliitika aluseks on majandus ja valitseva klassi majanduslikud huvid määravad tema põhilised eesmärgid: «Meie riigi valitsevate klasside majanduslikud huvid, majanduslik olukord määravad meie riigi sisepoliitika kui ka välispoliitika põhi-alused. Neid seisukohti ... ei tule hetkekski unustada, et mitte pead kaotada diplomaatiliste konksude rägastikus ja labürindis...»⁹. Ta nimetab poliitikat ka «kontsentreeritud majanduseks»¹⁰, «majanduse kontsentreerituimaks väljenduseks, selle üldistuseks ja lõpuleviimiseks.»¹¹.

Nende seisukohtade alusel ilmneb sotsialistliku riigi poliitika täielik erinevus kodanliku riigi omast. Kodanliku riigi poliitika, lähtudes kapitalistide huvidest, jääb alati reaktsiooniliseks, lähtudes siseriigis ekspluateerimise kindlustamisest, rahvusvahelisel areenil aga püüdes suurendada oma kapitalistide kasumeid majandusliku ekspansiooniga, teiste rahvaste ekspluateerimisega ja nende territooriumide anastamisega.

Sotsialistliku riigi poliitika lähtub kogu rahva huvidest. Tema eesmärgiks siseriigis on parem inimeste materiaalsete ja kultuuriliste vajaduste rahuldamine, uue, kommunistliku ühiskonna ülesehitamine. Rahvusvahelisel areenil seavad sotsialistlikud riigid oma

⁸ V. I. Lenin. Teosed. 23. kd., lk. 30.

⁹ V. I. Lenin. Teosed. 27. kd., lk. 330.

¹⁰ V. I. Lenin. Teosed. 33. kd., lk. 283.

¹¹ V. I. Lenin. Teosed. 32. kd., lk. 13.

eesmärgiks soodsa rahvusvahelise olukorra kindlustamise grandioosse ajaloolise ülesande teostamiseks siseriigis. Kuna sotsialistlikes maades puuduvad ekspluataatorlikud klassid, siis ei saa need riigid taotleda rahvusvahelisel areenil selliseid eesmärke, nagu seda on teiste maade anastamine ja nende rahvaste orjastamine. Nad on alati valmis ulatama abistava käe kõigile rahvastele, kes võitlevad välismaise ülemvõimu likvideerimise või kapitalismi kukutamise ning uue ühiskonna ülesehitamise eest.

* * *

Esimene sotsialistlik riik tekkis üksi kapitalistlike riikide keskel ning ühes sellega tõusetus küsimus tema suhetest ümbritseva kapitalistliku maailmaga. Äärmised pahempoolsed jõud eesotsas Trotskiga püüdsid isoleerida sotsialistlikku riiki rahvusvahelisel areenil. Lääntudes sellest, et koostöö kapitalistlike riikidega võib teatud määral kaasa aidata kapitalismi kindlustamisele ja niiviisi raskendada proletaarsete revolutsiooni võitu, jõudsid trotskistid järeldusele, et sotsialistlik riik ei tohi arendada mingisuguseid suhteid kodanlike riikidega. Trotski väitis, et «revolutsioonilisele klassile on lubamatud tehingud imperialistidega.» Buhharin kirjutas 1918. a. märtsis, et «rahulikku koostelu meie vahel — Nõukogude Vabariigi ja rahvusvahelise kapitalismi vahel — ei saa olla.»¹² Nende seisukohtade eksslikkus on ilmne. Loobumine heanaaberlikust koostööst kapitalistlike maadega oleks andnud nõukogudevastastele jõududele kogu maailmas suurepärase võimaluse laimu levitamiseks Nõukogude riigi vastu, nagu valmistaks ta ette sõjalist interventsiooni kogu kapitalistliku maailma hävitamiseks. See omakorda oleks soodustanud sotsialismi vaenlaste konsolideerimist ja aidanud kaasa nende ridade täienemisele. Koostööd kapitalistlike riikidega vajasime ka selleks, et kiiremini likvideerida kodusõjaga tekitatud majanduslikku laost ja saavutada edusamme uue ühiskonna ehitamisel.

V. I. Lenin, nähes õigesti, et ainult igakülgete heanaaberlike suhete arendamine ümbritseva maailmaga kindlustab soodsad võimalused sotsialismi arenguks, naeruvääristas äärmiste pahempoolsete seisukohti. Ta märkis, et «sotsialistlik vabariik keset imperialistlike suurriike ei saaks säärase vaadete seisukohalt... eksisteerida ilma kuu peale lendamata.»¹³ Vladimir Iljitš, asudes seisukohal, et sotsialistlik riik peab arendama igakülgeid suhteid kapitalistlike maadega, määras samaaegselt kindlaks üldised põhimõtted, millest pidi lähtuma selline koostöö. Nendeks olid: mõlema süsteemi → nii sotsialistliku kui ka kapitalistliku — täielik võrdõigus-

¹² Д. Томашевский. Ленинский принцип мирного сосуществования и классовая борьба. — «Коммунист», 1970, № 12, стр. 103.

¹³ V. I. Lenin. Teosed. 27. kd., lk. 51.

likkus ning vastastikune kasu saamine lepingulistest suhetest. «Me lükkame tagasi kõik punktid röövimise ja vägivalla kohta, kuid kõik punktid, mis sisaldavad heanaaberluse tingimusi ja majanduslikke kokkuleppeid, võtame rõõmuga vastu», kirjutab V. I. Lenin.¹⁴

Kooskõlas selle V. I. Lenini seisukohaga on sotsialistlikud riigid alati valmis arendama koostööd kõigi kapitalistlike maadega, kes seda soovivad. Kuid nad lükkavad otsustavalt tagasi kõik kapitalistlike riikide katsed neile peale sundida ebavõrdseid lepinguid, mis annaksid võimaluse vahele segada sotsialistlike maade sisesajadesse ning pidurdada nende arengut sotsialismi teel. 1922. a. Genua konverentsil lükkas noor Nõukogude riik tagasi imperialistide nõude tsaari ja ajutise valitsuse võlgade tasumiseks ja välismaalastele erilise soodustatud režiimi kehtestamiseks, kuigi nende tingimuste vastuvõtmisel lubasid imperialistid tunnustada esimest sotsialistlikku riiki ja alustada temaga normaalset suhtlemist.¹⁵

V. I. Lenin näitas seejuures, et kapitalistlikele riikidele on koostöö arendamine sotsialistlike maadega objektiivseks vajaduseks, mida nad ei saa ignoreerida. «Nõuavad ju kõigi kapitalistlike riikide kõige pakilisemad, elulisemad, praktilisemad ja viimaseil aastail teravalt ilmsiks tulnud huvid, et kaubavahetust Venemaaga tuleb arendada, korrastada ja laiendada. Kui aga seda laadi huvid on olemas, siis võib vaielda, võib tülitseta, võib mitmesugustes kombinatsioonides lahku minna ... aga lõppude lõpuks rajab see põhiline majanduslik vajadus ikka ise enesele tee», kirjutab V. I. Lenin.¹⁶ Kuigi nende seisukohtade avaldamisest on möödunud pool sajandit ja nad puudutavad toleaeegseid suhteid Nõukogude Venemaaga, kehtivad nad täielikult tänapäeva sotsialistlike ja kapitalistlike maade suhete kohta. Kapitalistlikud riigid ei saa ulatuslikult piirata suhteid sotsialistlike maadega, ilma et nad tekitaksid tõsist kahju oma majandusele. Suurbritannia valitsevad ringkonnad, piirates lühinägelikult majanduslikke sidemeid sotsialismi-maadega, suurendasid sellega maksebilansi defitsiiti ja süvendasid oma majanduslikke raskusi.

V. I. Lenin püstitas sotsialistlike ja kapitalistlike maade vaheliste suhete alusena erineva süsteemiga riikide rahuliku kooseksisteerimise põhimõtte, mis on tänapäeval kujunenud rahvusvahelise õiguse üldtunnustatud põhimõtteks.¹⁷

Kooskõlas nimetatud põhimõttega alustas noor Nõukogude riik oma esimestest olemasolu päevadest alates taotlusi heanaaberliku,

¹⁴ V. I. Lenin. Teosed. 26. kd., lk. 227.

¹⁵ Н. Н. Любимов, А. Н. Эрлих. Генуэзская конференция. М., 1963, стр. 19.

¹⁶ V. I. Lenin. Teosed. 33. kd., lk. 237.

¹⁷ Vt. lähemalt P. Л. Бобров. Основные проблемы теории международного права. М., 1968, стр. 89 и сл.; Г. И. Тункин. Теория международного права. М., 1970, стр. 40 и сл.

rahumeelse koostöö arendamiseks kõigi riikidega. Nimetatud soov leiab otsese väljenduse meie riigi esimeses välispoliitilises dokumendis, V. I. Lenini koostatud rahudekreedis. Selles suures rahvusvahelise tähtsusega aktis teeb Nõukogude valitsus ettepaneku kõigile «sõdivatele rahvastele ja nende valitsustele» viivitamatuks läbirääkimiste alustamiseks «õiglase demokraatliku rahu» sõlmimiseks.¹⁸ On arusaadav, et normaalsete rahumeelsete suhete arendamise eeldusena tuli kõigepealt lõpetada agressiivne Esimene maailmasõda, mis rahvastele oli tekitanud tohutuid ohvreid ja kannatusi, ning sõlmida rahu.

Tuleb märkida, et Nõukogude riigi suhtes ei olnud V. I. Lenin ainult poliitika teoreetiliste aluste rajaja, vaid ka selle tegelik kavandaja ja teostaja. Paljud meie riigi välispoliitilised aktid oli koostanud Lenin või nad olid koostatud tema otsestest näpunäidetel. Omaaegne Nõukogude riigi välisasjade rahvakomissar G. Tšitšerin märgib oma mälestustes esimeste revolutsioonile järgnenud aastate kohta, et sel ajajärgul tungis Vladimir Iljitš riigi elu kõigisse peensustesse, mõistes kohe iga küsimuse olemust, ja andis sellele täpse poliitilise hinnangu. Tema nõuanded oleval olnud diplomaatiakunsti ja paindlikkuse musternäidisteks.¹⁹

Viies ellu erineva süsteemiga riikide rahuliku koosseksiteerimise poliitikat, teatas Nõukogude valitsus 27. juunil 1918 Suurbritannia diplomaatilisele esindajale saadetud noodis: «Venemaa töötav rahvas ja tema tahet väljendav töölis-talupoegade valitsus on mures ainult selle pärast, et elada rahu ja sõpruses kõigi teiste rahvastega. Uhtegi rahvast ei ähvarda sõjaga Venemaa töötav rahvas...»²⁰

V. I. Lenin, analüüsides oma töödes sotsialistlike ja kapitalistlike maade vahelisi suhteid, määrab kindlaks ka üldprintsüübid, millest need suhted peavad lähtuma, et nad vastaksid rahuliku koosseksiteerimise tingimustele. Selliste üldprintsüüpidena ilmnevad V. I. Lenini töödes: suveräänsuse ja territoriaalse terviklikkuse austamine, mittevaheliseegamine, mittekallaletung, tüliküsimuste lahendamise rahulik teel, koostöö arendamine võrdõiguslikkuse alusel ja vastastikkuseks kasu saamiseks ja lõpuks rahvaste enesemääramise õiguse austamine.

Nagu nähtub nende printsüüptide lähemast vaatlemisest, tähendaks nende kõrvalekaldumatu täitmine sõdade kõrvaldamist riikidevahelistest suhetest. V. I. Lenin, taotledes esimese sotsialismimaa sidemete pidevat laiendamist ümbritseva kapitalistliku maailmaga, näitab, et rahulik koosseksiteerimine ei tähenda ainult passiivset riikide kõrvuti eksisteerimist rahvusvahelisel areenil ja hoidumist kallaletungist üksteisele, nagu püüavad näidata seda üksikud kaas-

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957, стр. 11.

¹⁹ Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика. Воспоминания о Ленине Т. III. М., 1969, стр. 483—484.

²⁰ Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957, стр. 376—377.

aegsed reaktioonilised kodanlikud autorid (Schwarzenberger, Jessup).²¹ Selline passiivne kooseksisteerimine süvendaks tahes-tahtmatult umbusku rahvusvahelisel areenil ja sillutaks teed konfliktidele. See on aktiivne protsess, mis nõuab riikidelt pidevalt laienevate suhete arendamist vastastikku kasulikel tingimustel. Ainult sellises olukorras suudab nimetatud põhimõtte edukalt täita rahvusvahelise rahu kindlustamise ülesannet. Nagu nähtub riikidel lasuvate kohustuste eeltoodud loetelust, võivad neid edukalt täita nii sotsialistlikud kui ka kapitalistlikud riigid, ilma et nad tekitaksid mingit kahju oma ühiskondlikule korraldusele ja majanduslikule olukorrale. Nende kohustuste täitmist riikidelt nõuavad tänapäeval ÜRO põhikiri ja mitmed erinevate riikide gruppide vahel sõlmitud aktid (Araabia Maade Liiga põhikiri, Bändungi konverentsi otsused, Aafrika Ühtsuse Organisatsiooni põhikiri jm.). Sotsialistlikud riigid lähtuvad oma suhete korraldamisel kapitalistlike maadega kõrvalekaldumatult leninlikest erineva süsteemiga riikide rahuliku kooseksisteerimise printsiipidest. NSV Liidu ja Tšehhoslovakkia Sotsialistliku Vabariigi vahel 6. mail 1970 sõlmitud sõpruse, koostöö ja vastastikuse abistamise lepingus (art. 7) märgitakse: «Kõrged lepinguosalisel pooled teevad, järjekindlalt teostades erineva ühiskonnakorraga riikide rahuliku kooseksisteerimise poliitikat, kõiki jõupingutusi rahvusvahelise rahu ja rahvaste julgeoleku kaitsmiseks imperialismi ja reaktiooni agressiivsete jõudude rünnete eest...»²² Neid tunnustavad ka blokivälised maad ja kapitalistlikes maades tegutsevad demokraatlikud jõud. Kuid kahjuks ei taha imperialistlikud riigid senini neid printsiipe tunnustada rahvusvaheliste suhete alusena ja selles peitub teatud oht rahvusvahelisele rahule.

Kommunistlike ja töölispartei Moskva nõupidamisel 17. juunil 1969. a. vastuvõetud põhidokumendis toonitatakse selle leninliku printsiibi jälgimise suurt tähtsust rahvusvahelise rahu kindlustamisel. Selles märgitakse: «Rahu kaitsmine on lahutamatu seotud võitlusega selle eest, et peale sundida imperialistidele erineva ühiskonnakorraga riikide rahulikku kooseksisteerimist...»²³

Rahuliku kooseksisteerimise põhimõtte austamine ei tähenda sotsialistlike maade poolt «rahu» kehtestamist ideoloogia valdkonnas ja kapitalistliku ideoloogia tunnustamist. V. I. Lenin rõhutas korduvalt, et rahulik kooseksisteerimine on eriliseks klassivõitluse vormiks perioodil, mil rahvusvahelisel areenil eksisteerivad koos kapitalistlikud ja sotsialistlikud riigid. «See üleminekupe periood peab paratamatult olema võitlusperioodiks sureva kapitalismi ja sündiva kommunismi vahel,» märkis V. I. Lenin.²⁴

²¹ Vt. lähemalt Г. И. Тункин, указ. раб., стр. 40 и сл.

²² ENSV UT, 1970, nr. 215.

²³ Kommunistlike ja töölispartei rahvusvaheline nõupidamine. Tln., 1960, lk. 281.

²⁴ V. I. Lenin. Teosed. 30. kd., lk. 84.

Sel ajal, kui elas ja töötas V. I. Lenin, oli Nõukogude riik rahvusvahelisel areenil ainukene sotsialismimaa. Kuid Vladimir Iljitš, vaadates tulevikku suure teadusliku ettenägelikkusega, tuli ühiskonna arenguseaduste alusel järeldusele, et tulevikus eksisteerivad koos Nõukogudemaaga ka teised sotsialistlikud riigid. Sotsialistlike revolutsioonide toimumise suhtes maailmas arendas V. I. Lenin edasi K. Marxi ja F. Engelsi seisukohti. Viimased olid arvamusel, et sotsialistlikud revolutsioonid toimuvad kas ühel ajal või enam-vähem ühel ajal kõigis eesrindlikes kapitalistlikes maades. See pärast ei olnud nende arvates sotsialistlikel riikidel oma välispoliitikas vaja arvestada olukorda, kus rahvusvahelisel areenil pikema perioodi vältel eksisteerivad koos erineva süsteemiga riigid. Samuti ei olnud Marxi ja Engelsi arvates sotsialistlikel riikidel vaja pikema ajaloo perioodi vältel arvestada ohtu, mis tuleneb kapitalistlikust ümbrusest.

V. I. Lenin tuli oma kuulsas töös «Imperialism kui kapitalismi kõrgeim staadium» järeldusele, et üheaegne sotsialistlike revolutsioonide teostamine imperialismiperioodil on võimatu. Samuti leidis ta, et imperialistlike riikide ebaühtlase hüppelise arengu tulemusena murrab sotsialistlik revolutsioon läbi «kapitalismi kõige nõrgemas lülis». Ja alles hiljem koos revolutsioonilise situatsiooni kujunemisega ja revolutsiooniliste jõudude arenguga toimuvad sotsialistlikud revolutsioonid ka teistes maades. Hilisem sotsialistlike revolutsioonide praktika kinnitas V. I. Lenini seisukohtade õigsust. Sotsialistlik revolutsioon murdis esmalt läbi imperialismi kõige nõrgemas lülis — Venemaal. Talle järgnes Mongoolia ning alles aastakümneid hiljem paljud Kesk- ja Kagu-Euroopa ning Aasia riigid.

Selline revolutsioonide areng tõstis päevakorda küsimused tööliste poliitikast ja rahvusvahelisest koostööst üksteise toetamisel revolutsioonide ettevalmistamisel ja läbiviimisel ning sotsialismimaade ühise kaitse organiseerimisel kapitalistliku ümbruse vastu. Marksismi klassikud seadsid proletariaadi rahvusvahelise koostöö aluseks proletaarsete internatsionalismi põhimõtte. Proletariaadi revolutsiooni võitluse esimese programmilise dokumendi — «Kommunistliku Partei manifesti» esilehel ja lõpus seisis aastakümnete jooksul äärmiselt populaarseks muutunud loosung «Kõigi maade proletarlased, ühinege!».

V. I. Lenin näitas, et sotsialistlikus revolutsioonis võitnud maa töölisklass peab osutama igakülgset abi oma klassikaaslastele, kes vaevlevad veel imperialismi ahelates. Ta kirjutas: «Proletaarne internatsionalism nõuab: esiteks, ühe maa proletaarsete võitluse huvide allutamist selle võitluse huvidele ülemaaailmses ulatuses; teiseks nõuab see kodanluse üle võidu saavutanud rahvuselt, et ta

oleks võimeline ja oleks valmis tooma rahvusvahelise kapitali kukutamiseks suurimaid rahvuslikke ohvreid.»²⁵ Kuid see abi, nagu korduvalt rõhutas V. I. Lenin, ei tohi kujuneda vahelesegamiseks teise rahva siseellu, revolutsiooniekspordiks. V. I. Lenin märkis, et sellised teooriad on «täielikus vastuolus marksisniiga, mis on alati eitanud revolutsioonide «tagant tõukamist», sest need arenevad sedamööda, kuidas valmib revolutsioone tekitavate klassivastuolude teravus.»²⁶ Revolutsiooni «tagant tõukamine» võimaldab kodanlusele pelliku loosungi all — «Isamaa on ohus!» mobiliseerida oma riigi töölisklassi võitlema teisest rahvusest klassivendade vastu ja sellega ühes revolutsiooni verre uputada. Imperialistid, süüdistades sotsialismimaid revolutsiooni ekspordis, unustavad tõsiasi, et on võimatu väljastpoolt sundida miljonilisi hulki haarama relvad ja alustama võitlust kodanliku korra kukutamiseks.

Ajal, mil rahvusvahelisel areenil eksisteerisid sotsialistlike riikidena vaid Nõukogude Liit ja Mongoolia, oli proletaarne internatsionalism peamiselt erinevate maade proletariaadi koostöö aluseks võitluses kapitalistliku korra kukutamiseks. Pärast sotsialistliku süsteemi kujunemist rahvusvahelisel areenil muutus proletaarse internatsionalismi põhimõtte rahvusvahelise õiguse printsiibiks, mis väljendub paljudes sotsialismimaade vahel sõlmitud lepingutes ja muudes dokumentides. 1969. a. Moskvas toimunud kommunistlike ja töölispartei esindajate nõupidamisel vastuvõetud põhidokumendis märgitakse, et sotsialistliku süsteemi edasiareng on edukas ainult siis, kui lähtutakse «proletaarse internatsionalismi printsiipidest, vastastikuse abistamise ja toetamise, võrdõiguslikkuse, suveräänsuse ja mittevahelesegamise põhimõtetest üksteise siseasjadesse.»²⁷ Eeltoodust näeme, et tänapäeval on üheks peamiseks proletaarse internatsionalismi põhimõtetest tulenevaks poliitiliseks kohustuseks riikide vennalik üksteise abistamine kiiremateks edusammudeks uue ühiskonna kujundamisel ja üksteise kaitsmine imperialistlike riikide igasuguste sepitsuste vastu.

Jäädes truuks marksismi klassikute proletaarse internatsionalismi põhimõttele, on sotsialistlikud riigid loonud mitmesugused organisatsioonid omavahelise koostöö organiseerimiseks. Peamisteks organisatsioonideks on Vastastikuse Majandusliku Abistamise Nõukogu ja Varssavi Lepingu Organisatsioon.

Varssavi Lepingu Organisatsiooni väejuhatuse oma käsutuses olevate väekoondistega seisab kindlalt valvel kõigi maade sotsialismi saavutuste kaitsel. «Kaitsta sotsialismi on kommunistide internatsionaalne kohus», märgitakse 1969. a. Moskva nõupidamise põhidokumendis. Selles koostöös leiavad väljenduse leninlikud põhiprintsiibid sotsialismimaade vastastikuse abistamise kapitalistliku ümbruse vaenulike aktide vastu. Kallaletung sotsialismi

²⁵ V. I. Lenin. Teosed. 31. kd., lk. 124.

²⁶ V. I. Lenin. Teosed. 27. kd., lk. 51.

²⁷ Kommunistlike ja töölispartei rahvusvaheline nõupidamine, lk. 271.

saavutustele ühes riigis on kallaletung kogu sotsialistlikule süsteemile. Täites oma internatsionaalset kohust tulid teised sotsialistlikud riigid appi Tšehhoslovakkia töölisklassile olukorras, kus rahvusvahelise imperialismi ja tema käsilaste sepitsuste tulemusena olid seatud ohtu sotsialismi saavutused ja sotsialistlik süsteem üldse.

V. I. Lenin toonitas, et sotsialistliku riigi poliitika peab olema aktiivne, mitte jääma ära ootama olukordade kujunemisele, vaid ise aitama kaasa nende kujunemisele. Ta kirjutas: «Kas Poliitbüroos ei võeta parteilisest seisukohast arutusele paljusid väikesi ja suuri küsimusi meiepoolsetest «käikudest» vastuseks välisriikide «käikudele», selleks et ennetada nende, noh ütleme, kavalust, kui mitte väljenduda vähem viisakalt? Kas see nõukoguliku ja parteilise nõtkete ühendamine meie poliitikas ei ole erakordse jõu allikaks?»²⁸ Kuid ta märkis seejuures, et välispoliitikas ei saa sotsialistlikud maad alati arendada «pealetungi», vaid teinekord tuleb olude sunnil minna ka järeleandmistele ja kahjulike kokkulepete sõlmimisele, kui seda nõuavad revolutsiooni huvid. Leninliku paindliku poliitika teostamist ja selle kasulikkust näitas omal ajal rõõvelliku Brest-Litovski rahulepingu sõlmimine Saksamaaga. Sellega seoses kirjutas V. I. Lenin: «Kui on võimalik saavutada äärmiselt ebasoodsat separaatrahu, tuleb see tingimata vastu võtta sotsialistliku revolutsiooni huvides, mis on veel nõrk.»²⁹ Seda Lenini nõuannet peavad eriti arvestama rahvad, kes alustavad revolutsioonilist võitlust kapitalismi kukutamiseks. Nende kohuseks on ära kasutada iga sugused võimalused, mis aitavad kaasa revolutsiooni saavutuste kindlustamiseks ja jõudude kogumiseks kapitalismi kantsi edaspidiseks ründamiseks.

* * *

V. I. Lenin näitas sügava erinevuse olemasolu sotsialistlike ja kapitalistlike riikide poliitikas suhtumises orjastatud rahvastesse.

Oktoobrieesel perioodil oli peaaegu kogu Aasia ja Aafrika ära jaotatud Euroopa imperialistlike riikide vahel. Aastakümnete ja isegi -sadade vältel peetud agressiivsete sõdade tulemusena olid imperialistlikud riigid loonud ulatusliku koloniaalsüsteemi, mis allutatud maade värvilise elanikkonna orjastamise ja ebainimliku ekspluateerimise tulemusena andis imperialistidele muinasjutulisi kasumeid.³⁰ 1917. a. oli Aafrikas ainult kaks vormiliselt sõltumatut riiki — Etioopia (Abessiinia) ja Libeeria. Koloniaalsüsteemi olemasolu õigustati õpetustega värviliste rasside alaväärtuslikkusest. Neile ebateaduslikele seisukohtadele andsid hoobi marksismi klassikud, tunnustades kõigi rasside ja rahvaste täielikku võrdõiguslikkust.

²⁸ V. I. Lenin. Teosed. 33. kd., lk. 453.

²⁹ V. I. Lenin. Teosed. 27. kd., lk. 8.

³⁰ Vt. Э. Вильямс. Капитализм и рабство. М., 1950.

Marksismi klassikud nägid Aasia ja Aafrika orjastatud rahvastes imperialistlike riikide proletariaadi liitlasi revolutsioonilises võitluses. V. I. Lenin kirjutas, et Aasial on «ustav liitlane kõigi tsiviliseeritud maade proletariaadi näol. Mitte mingisugune jõud maailmas ei suuda tagasi hoida tema võitu, mis vabastab niihästi Euroopa rahvad, kui ka Aasia rahvad.»³¹ Seejuures näitas Vladimir Iljitš suure ettenägelikkusega, et just revolutsiooni võit Venemaal «annaks erakordselt soodsad tingimused revolutsiooni arenemiseks Aasias.»³²

Pärast Oktoobrirevolutsiooni võitu püstitas noor Nõukogude riik V. I. Lenin otseselt näpunäidetel üheks oma lipukirjaks orjastatud rahvastele vabaduse ja enesemääramise õiguse kindlustamise. Need seisukohad leidsid väljenduse V. I. Lenini koostatud esimeses meie välispoliitilises dokumendis, 8. novembril 1917. a. avaldatud rahudekreedis. Nimetatud aktis mõistis noor Nõukogude valitsus täielikult hukka imperialistliku sõja jätkamise «tugevate ja rikaste rahvaste vahel nende poolt orjastatud nõrkade rahvaste jagamiseks.» Sellist tegevust pidas ta «suurimaks kuriteoks inimsuse vastu.»³³

Üheks sotsialistlike maade poliitika põhieesmärgiks seadis V. I. Lenin võitluse häbiväärse koloniaalsüsteemi likvideerimise eest. Ta andis seejuures ka anneksiooni klassikalise definitsiooni, mis täielikult on rakendatav ka tänapäeva tingimustes. «Kui ükskõik missugust rahvust peetakse antud riigi piirides vägivaldselt,» märkis V. I. Lenin, «kui talle hoolimata tema poolt avaldatud soovist — olgu see soov avaldatud ajakirjanduses, rahva esindusnõukogus, parteide otsustes või rahutustes ja ülestõusudes rahvusliku rõhumise vastu — ei anta õigust vaba häälestamisega, kusjuures liitva või üldse tugevama rahvuse sõjaväed täielikult välja viiakse, ilma vähemagi surveta otsustada selle rahvuse riikliku olemasolu vormi küsimust, siis on tema liitmine anneksioon, s. o. vallutus ja vägivald.»³⁴ Kuid seejuures näitas ta, et mitte igasugust «võõra» territooriumi liitmist ja *status quo* rikkumist ei saa pidada anneksiooniks. Ta nimetas seisukohta, mis püüdis lugeda igasugust *status quo* rikkumist anneksiooniks, «ajalooteaduse põhimõtete üle irvitamiseks.»³⁵ Anneksiooniks tuleb lugeda ainult mingi territooriumi ühendamist «vastu selle elanikkonna tahtmist.» Eeltoodud seisukoht, mis lähtub rahvaste enesemääramise õigusest, on omaks võetud tänapäeva rahvusvahelises õiguses. Näiteks endiste Portugali asumaade Gos, Diu ja Damani liitmist India külge kooskõlas nende rahvaste soovidega ei saanud lugeda anneksiooniks.

---

³¹ V. I. Lenin. Teosed. 19. kd., lk. 76.

³² V. I. Lenin. Teosed. 24. kd., lk. 361.

³³ V. I. Lenin. Teosed. 26. kd., lk. 222.

³⁴ Sealsamas.

³⁵ V. I. Lenin. Teosed. 36. kd., lk. 342.

Sotsialistliku riigi rahvuspoliitika peaesmärgid leiavad järg-
vaste väljenduse 15. novembril 1917. a. avaldatud «Venemaa rah-
vaste õiguste deklaratsioonis» ja 3. detsembril «Läkituses Venemaa
ja Ida muhameediusulistele töölistele». Deklaratsioonis tunnustati:
Venemaa rahvaste suveräänsust ja võrdõiguslikkust, rahvaste õigust
enesemääramisele, kaasa arvatud ka õigus eraldumiseks ning ise-
seisva riigi moodustamiseks; kõigi rahvuslike ja rahvuslik-usuliste
privileegide ning kitsenduste kaotamine ja kõigile vähemusrahvas-
tele ja etnilistele gruppidele õiguste kindlustamine vabaks aren-
guks.»³⁶ Need seisukohad ei jäänud paberile, vaid V. I. Lenini
otstel näpunäidetel alustas Nõukogude valitsus nende põhimõtete
elluviimist. Kooskõlas sellega tunnustas Nõukogude valitsus
31. detsembril 1917. a. V. I. Lenini allkirja kandva dekreediga
Soome sõltumatust.

Vladimir Ilijitš toonitas korduvalt, et rahvastele õiguse kindlus-
tamine ise oma saatuse määramiseks ei tähenda sugugi, et nad
alati peavad eralduma ja iseseisva riigi moodustama. Juhul kui
rahvad tihedas koostöös teistega võivad saavutada suuremaid edu-
samme majanduslikus ja kultuurilises ülesehitustöös, siis on rah-
vusküsimuse lahendamise ainuõigeks teeks vabade rahvaste liidu
moodustamine föderaalsetel alustel. Küsimuse, kas rahvus moodus-
tab iseseisva unitaariigi või liitub teiste rahvustega föderaalsetel
alustel, lahendab vastav rahvus ilma igasuguse väljastpoolt aval-
datud sunni või vahelesegamiseta.

Kooskõlas V. I. Lenini näpunäidetega moodustasid paljud endi-
sed Venemaa orjastatud rahvused, nüüd juba vabadena ja võrd-
õiguslikena, liitvabariigi — föderatsiooni, kuna see kindlustas suu-
remad võimalused kiiremateks edusammudeks majanduse arenda-
misel ja riigikaitse korraldamisel. Hiljuti moodustasid föderatsiooni
neil leninlikel põhimõtetel ka Tšehhoslovakkia kaks rahvast —
tšehhid ja slovakid.

V. I. Lenini koostatud ja muhameediusulistele töölistele saade-
tud läkituses tunnustatakse rasside ja rahvuste täielikku võrdõigus-
likkust. «Nüüd teie usk ja kombed,» öeldakse läkituses, «teie rah-
vuslikud ja kultuurilised asutused kuulutatakse vabaks ning puu-
tumatuks. Korraldage oma rahvuslikku elu vabalt ja takistama-
tult . . . teadke, et teie õigusi, nagu kõigi Venemaa rahvaste õigusi,
kaitstakse revolutsiooni ning tema organite — Töölis-, Soldatite ja
Talupoegade Saadikute Nõukogude — kogu võimsusega.»³⁷ Läki-
tuses tühistas Nõukogude valitsus tsaari-Venemaa poolt paljudele
Ida rahvastele pealesunnitud orjastavad lepingud, mille alusel
aastakümneid neid maid ekspluateeriti. Avalduses öeldakse: «Meie
avaldame, et kukutatud tsaari salalepingud Konstantinoopoli vallu-
tamiseks, mis kinnitati kukutatud Kerenski poolt, — on nüüd tühis-

³⁶ Vt. Документы внешней политики СССР. Т. I, стр. 15.

³⁷ Vt. Документы внешней политики СССР. Т. I, стр. 15.

tatud ja hävitatud. Venemaa Vabariik ja tema valitsus... on võõraste territooriumide anastamise vastu... Meie avaldame, et leping Pärsia jagamiseks on tühistatud ja hävitatud.»³⁸ Nendel aktidel oli äärmiselt suur rahvusvaheline tähtsus. Esmakordselt ajaloos loobus üks suurriik Idamaade rahvaste orjastamisest ja rajas oma suhted nende maadega täieliku võrdõiguslikkuse ja vastastikuse kasu saamise alustele.

Nõukogude valitsuse poolt deklareeritud rahvaste enesemääramise õiguse ajendusel algas kogu maailmas seninähtamatu ulatusega võitlus rahvusliku sõltumatuse eest. Kesk- ja Kagu-Euroopa rahvad kukutasid välismaise ülemvõimu (Poola, Tšehhoslovakkia, Albaania, Ungari, Jugoslaavia) ja astusid sõltumatute riikidena rahvusvahelisele areenile. Idamaades arenenud rahvusliku võitluse tulemusena olid imperialistlikud suurriigid sunnitud osalt loobuma mitmetest koloniaalse ülemvõimu vormidest (konsulite kohtumõistmisõigus, välismaalaste linnaosade eri režiim jm.).

Kahjuks tuleb öelda, et imperialistlikud riigid, kasutades oma majanduslikku ja sõjalist üleolekut, surusid julmalt maha rahvusliku vabadusvõitluse ja säilitasid põhiliselt endised positsioonid kolooniates.

Uus etapp kolooniate rahvuslikus vabadusvõitluses algas Teise maailmasõja päevil. Sõjajärgsel perioodil kujunenud sotsialistlik leer, lähtudes leninlikest rahvuspoliitika põhiprintsiipidest, toetab kolooniate ja sõltuvate maade vabadusvõitlust. Nõukogude Liidu ettepanekul ja energilise võitluse tulemusena tunnustati rahvaste enesemääramise õigust ÜRO põhikirjas (art. 1, p. 2). Sellega ühes muutus marksismi klassikute rahvusküsimuse lahendamise põhimõtte rahvusvahelise õiguse üldtunnustatud normiks, mis rajas õigusliku aluse koloniaalsüsteemi lõplikuks likvideerimiseks.³⁹ Kooskõlas ÜRO põhikirja nimetatud sätetega võttis Peaassamblee 14. detsembril 1960. a. vastu deklaratsiooni koloniaalmaadele ja -rahvastele sõltumatuse andmisest. Selles aktis kohustatakse viivitamata likvideerima kolonialismi tema igasugustes vormides ja ilmingutes. Koloniaalrahvastele kindlustatakse võimalus ise oma saatuse määramiseks ja oma majandus- ning kultuurielu juhtimiseks. Igasugust vahelesegamist koloniaalrahvaste siseellu ja nende sõltumatuse saavutamise takistamist loetakse ÜRO põhikirja rikkumiseks.

Koloniaalsüsteemi likvideerimise tulemusena on sõjajärgsel perioodil kujunenud enam kui 80 uut sõltumatut riiki umbes 1,6 miljardi elanikuga. See tähendab, et ligi pool kogu maakera elanikest vabanes tänu leninlikele ideedele välismaisest ülemvõimust ja alustas iseseisvalt oma elu kujundamist. On saanud aeg, mille tule-

³⁸ Vt. Документы внешней политики СССР. Т. I, стр. 35.

³⁹ Vt. lähemalt Р. А. Тузмухамедов. Национальный суверенитет. М., 1963, стр. 81; С. А. Красильщикова. ООН и национально-освободительное движение. М., 1964.

kut V. I. Lenin omal ajal suure ettenägelikkusega kuulutas, aeg, mil Aasia ja Aafrika rahvad võtavad osa kogu «inimkonna saatuse otsustamisest».

* * *

Marksismi klassikute äärmiselt tähtsaks panuseks teaduse varasalve on õpetus sõdade olemusest ja nende jagunemisest õiglasteks ja ebaõiglasteks. Sellega ühes paljastasid nad sotsialistlike ja kapitalistlike riikide poliitika täiesti erinevad eesmärgid suhtumisel sõjasse ja rahusse.

Kodanlikud teadlased pidasid sõdu ühiskonnas paratamatult esinevateks nähtusteks, millest inimkond kunagi ei vabane. Saksa-maa omaaegne sõjateadlane H. Stegemann nimetab sõdu koguni peamiseks ühiskonna arengut edasiviivaks teguriks.⁴⁰ Marksismi klassikud soovivad näitasid, et sõjad on vaid ekspluataatorliku ühiskonna kaaslaste ja kaovad ühes selle ühiskonnaga. Sõdu kasutavad ekspluataatorlikud klassid oma kasumite suurendamiseks teiste riikide territooriumide anastamise ja nende rahvaste orjastamise teel.

Kodanlikud teadlased ja poliitikud jaotasid sõjad õiglasteks ja ebaõiglasteks, lähtudes välisest vormilisest tunnusest — kas sõda oli kuulutatud või mitte. Haagi 1907. a. II konventsioon nõudis sõja alustamiseks selle kuulutamist või ultimaatumi esitamist teisele riigile. Kui need vormilised tunnused täideti, oli sõda rahvusvahelise õiguse seisukohalt õiglane ja lubatud.

V. I. Lenin mõistis selle seisukoha täielikult hukka, näidates, et sõdade jaotamisel tuleb lähtuda eesmärkidest, mida nendega taotletakse, mitte aga sellest, kas ta oli kuulutatud või mitte. Ta märkis, et sõja laadi tundmaõppimisel «tuleb selgusele jõuda, missugustest ajaloolistest tingimustest sõda on tekkinud, missugused klassid seda peavad, mille nimel... Kui me seda ei ole selgitanud, siis jäävad kõik meie arutlused sõja üle täiesti tühisteks, puhtal kujul paljusõnalisteks ja viljatuteks vaidlusteks.»⁴¹

Puudutades «kallaletungi» ja «kaitse» mõisteid, millega opereerivad kodanlikud teadlased ja poliitikud, ta märkis: «Sõja (olgu ta reaktsiooniline või revolutsiooniline) iseloom ei olene sellest, kes tungis kallale ja kelle maal asub «vaenlane», vaid sellest, missugune klass peab sõda ja millist poliitikat jätkab see sõda.»⁴²

V. I. Lenin luges õiglasteks sõdu, mida peetakse iseseisvuse ja sõltumatuse kaitseks, vabanemiseks välismaisest ikkest või kapitalistliku korra kukutamiseks ja uue ühiskondliku korra — sotsialismi — rajamiseks.

⁴⁰ H. Stegemann. Der Krieg. Stuttgart-Berlin, 1939, S. 3.

⁴¹ V. I. Lenin. Teosed. 24. kd., lk. 366.

⁴² V. I. Lenin. Teosed. 28. kd., lk. 262.

Ebaõiglased on sõjad, mida peetakse teiste riikide territooriumide anastamiseks, teiste rahvaste vägivaldseks hoidmiseks mõne riigi koosseisus või vahelesegamiseks teiste rahvaste siseellu.

V. I. Lenin näitas, et marksistid ei ole nagu kodanlikud patsifistid igasuguste, vaid ainult ebaõiglaste sõdade vastu. Lugesid agressiivseid sõdu «poliitika jätkamiseks teiste (nimelt vägivaldsete) vahenditega»⁴³, «sule vahetamiseks mõõga vastu», näitas Lenin, et sõdadega taotlevad imperialistid samu eesmärke, mida nad varem taotlesid poliitikaga, nimelt oma kasumite suurendamist. Need Lenini seisukohad on ka tänapäeval maksvad.

V. I. Lenin hoiatas töölisklassi, et ta sõja iseloomu hindamisel ei laseks end petta kodanluse valelikest deklaratsioonidest. Ta kirjutas, et «teooria seisukohalt... on suurimaks rumaluseks ja nürimeelsuseks ja praktikas suurimaks töölisklassi petmiseks igasugused jutud selle kohta, et käesoleva sõja hindamise aluseks võivad olla «lihtsalt» kaitse ja kallaletungi mõisted ja tulevase rahu hindamise aluseks «lihtsalt» vagad soovid kindlast, demokraatlikust, auväärsest jne. rahust.»⁴⁴ Rahu kohta esitatud seisukohaga näitab ta, et agressiivseid sõdu lõpetavad rahulepingud, mida relvadega agressioonihvritele peale surutakse (näit. Frankfurdi rahuleping pärast Preisi-Prantsusmaa sõda jt.), viivad tegelikult ellu need ebaõiged, anastuslikud eesmärgid, milleks sõda alustati. Sellega ühes näitab Vladimir Iljitš, et iga ebaõiglane rahu sisaldab endas uue sõja seemne, kuna agressiooni ohvrid püüavad edaspidi vabaneeda ebaõiglase rahuga pealesunnitud kohustustest uute sõdade ettevalmistamisega. Lähtudes eeltoodust nimetab V. I. Lenin ka pärast Esimest maailmasõda Saksamaaga sõlmitud Versailles' rahulepingut «suurimaks löögiks, mille võitnud maade imperialistid ja kapitalistid endile võisid anda.»⁴⁵

Agressiivsed sõjad on olnud ja jäävad ka tulevikus inimkonna suurimaks ohuks, mis nõuavad tohutuid ohvreid ja purustavad sajandite jooksul vaearikka tööga loodud väärtusi. Tänapäeval võivad imperialistide poolt vallapäästetud agressiivsed sõjad tõugata inimkonna tuumasõja katastroofi, mille tulemusi on raske ette näha.

Sotsialistlikud riigid saavad edukalt täita nende ees seisvat ajaloolist ülesannet — kommunistliku ühiskonna ülesehitamist — rahu olukorras. Seepärast seabki V. I. Lenin üheks sotsialistliku riigi välispoliitika peamiseks ülesandeks võitluse püsiva rahu eest. Seda võitlust alustas noor Nõukogude riik V. I. Lenini otsesel juhtimisel oma esimestest päevadest peale. Esimeses välispoliitilises aktis — V. I. Lenini koostatud ja 8. novembril 1917. a. avaldatud rahudek-

⁴³ V. I. Lenin. Teosed. 21. kd., lk. 192.

⁴⁴ V. I. Lenin. Teosed. 36. kd., lk. 330.

⁴⁵ V. I. Lenin. Teosed. 30. kd., lk. 132.

reedis — luges Nõukogude valitsus agressiivse Esimese maailmasõja jätkamise «suurimaks kuriteoks inimsuse vastu.»⁴⁶

Uut tüüpi riigina — sotsialistliku riigina — ei pöördutud rahu-dekreediga mitte ainult valitsuste, vaid Vladimir Iljitši näpunäidetel ka kolme sõdiva suurriigi — Inglismaa, Prantsusmaa ja Saksa-maa eesrindlike tööliste poole, et nad aitaksid kaasa inimkonna vabastamiseks sõjakoledustest.

Tehes sõdivatele maadele ettepaneku rahulepingu sõlmimiseks ei mõelnud Nõukogude riik mitte ekspluataatorlike riikide praktikas tuntud röövellikku rahu, vaid täiesti uut, demokraatlikku rahu, ilma anneksioonideta ja kontributsioonideta. V. I. Lenini näpunäidetel tunnustavad sotsialistlikud riigid oma diplomaatilises praktikas ainult niisugust rahu. Nõukogude Liidu osavõtt pärast Teist maailmasõda sõlmitud 1947. a. rahulepingutest tagas, et need rahu-lepingud ei kujunenud röövellikuks rahuks, vaid lähtusid õiguse ja õigluse põhimõtetest.

V. I. Lenini näpunäidetel on sotsialistlikud riigid oma välispoliitikas jätkanud võitlust püsiva rahvusvahelise rahu eest. See võitlus on andnud ka olulisi tulemusi. Nõukogude Liit saavutas, et tänapäeva rahvusvaheline õigus keelab agressiivsed sõjad ja näeb ette sõjaroimarite kriminaalkorras vastutusele võtmise. Saksa ja Jaapani sõjaroimarite karistamine pärast Teist maailmasõda näitas selle põhimõtte kehtivust.

Arusaadavalt ei vabasta ainult rahvusvahelise õiguse norm inimkonda agressiivsete sõdade ohust, sest sagedaseks nähteks on nende normide rikkumine imperialistlike riikide poolt. Kuid tänapäeval on ajaloolise arenguprotsessi tulemusena tunduvalt tugevnenud rahupooldajate read. Koos Nõukogude Liiduga võitlevad püsiva rahvusvahelise rahu eest teised sotsialistlikud maad ja arvukad demokraatlikud jõud kodanlikes maades (demokraatlikud ametiühingud, rahupooldajad jt.). Kommunistlike ja töölispartei-de Moskva nõupidamistel 1960. ja 1969. a. põhidokumentides märgitakse, et nende jõudude ühiste pingutuste tulemusena on võimalik ära hoida maailmasõda.⁴⁷

Rahvusvahelise rahu kindlustamisel peab V. I. Lenin esmajärgulise tähtsusega ülesandeks relvastuse ja relvastatud jõudude vähendamist. Kui puuduvad sõjaväed ja relvad, siis ei saa imperialistid ellu viia oma agressiivseid plaane. V. I. Lenini otsestel näpunäidetel esitas Nõukogude delegatsioon üldise ja täieliku desarmeerimise küsimuse arutamiseks juba 1922. a. Genua konverentsile. Nõukogude ettepanekus nõuti kõigi riikide relvastatud jõudude vähendamist ja sõjaõiguse normide täiendamist sätetega, mis oleksid keelanud kõige metsikumad sõjapidamisviisid (nagu sõjagaa-side kasutamine) õhusõja, allveesõja, samuti ka purustusvahendite

⁴⁶ Документы внешней политики СССР, Т. I, стр. 12.

⁴⁷ Kommunistlike ja töölispartei-de rahvusvaheline nõupidamine, lk. 281.

kasutamine rahulike elanike vastu. Kuigi imperialistlikud riigid need tagasi lükkasid ettekäändel, et Nõukogude ettepanekud võiksid uputada niigi ülekoormatud konverentsilaeva, leidsid nad siiski rahvahulkades üldise tunnustuse.

Sellest ajast jätkab Nõukogude Liit, nüüd juba koos teiste sotsialismimaadega, võitlust üldise desarmeerimise eest. Sotsialistlikud riigid nõuavad kõige ohtlikumate relvade — tuuma- ja bakterioloogilise relva keelamist ja nende varude hävitamist.⁴⁸

Desarmeerimist takistavad monopolistlikud ringkonnad, kellel, nagu Vladimir Iljitš näitas, on relvastamine suureks tuluaallikaks: «Kullavihm veelab olse taskutesse kodanlikele poliitikutele, kes moodustavad kitsa rahvusvahelise jõugu, kes ässitavad rahvaid relvastumises võistlema ja pügab neid . . . nagu pügatakse lambaid.»⁴⁹ Need sõnad iseloomustavad täielikult ka tänapäeva olukorda.

Imperialistlike suurriikide monopolistlike ringkondade vastu-seisu tulemusena ei ole seni suudetud sõlmida lepingut üldiseks ja täielikuks desarmeerimiseks ega ka kõige ohtlikumate relvade — tuumarelvade — keelamiseks. Nõukogude Liidu ja teiste sotsialismimaade energilise võitluse tulemusena sõlmitud kokkulepped tuumaplahvatuste osaliseks keelustamiseks (õhus, vee all ja kosmoses), tuumarelvade leviku tõkestamiseks, kosmose ja taevakehade neutraliseerimiseks ja demilitariseerimiseks on siiski suure tähtsusega aktideks inimkonna vabastamisel tuumasõja ohust.

V. I. Lenini eesmärk — võidelda sõdadeta ja relvadeta maailma eest — jääb ka edaspidi sotsialismimaade välispoliitika üheks põhiülesandeks.

* * *

Lenini teosed jäävad ka edaspidi hindamatuks panuseks maailma teaduse varasalve. Tema näidatud teel arendavad sotsialistlikud riigid oma poliitikat võitluses inimkonna parema tuleviku eest. Kuid samal ajal aitavad V. I. Lenini seisukohad ka edaspidi paljastada imperialistide rahu-ohustavat poliitikat ning selle tegelikke eesmärke.

В. И. ЛЕНИН О ПОЛИТИКЕ

А. Устал

Резюме

Статья посвящается ленинскому анализу природы политики и факторов, под воздействием которых она складывается. В. И. Ленин в своих трудах разоблачает «общенациональную»

⁴⁸ Vt. lähemalt В. М. Хайцман. Советский Союз, разоружение, мир. События и факты 1917—1962. М., 1962; Д. И. Кудрявцев. Борьба СССР за разоружение после второй мировой войны. М., 1962.

⁴⁹ V. I. Lenin. Teosed, 19. kd., lk. 83.

политику буржуазии, показывая, что политика всегда выражает интересы правящего класса. Поэтому буржуазное государство не может проводить никакой общенациональной политики, учитывающей интересы всего народа. Трудящиеся капиталистических стран должны всегда помнить это ленинское положение, чтобы не позволить правительству и буржуазным политическим деятелям ввести себя в заблуждение утверждениями, будто их деятельность преследует общенациональные цели.

Ленин учил, что основы политики определяются экономикой, экономическими интересами правящего класса. Из сказанного вытекает коренное отличие политики социалистических стран от политики буржуазных государств. Последняя защищает интересы крупного капитала и старается увеличить его прибыли.

Политика социалистического государства исходит из интересов всего народа. Государство трудящихся видит цель своей политики в построении коммунистического общества и обеспечении благоприятной международной обстановки для решения этой грандиозной исторической задачи.

В качестве основы развития отношений между социалистическими и капиталистическими странами В. И. Ленин выдвинул принцип мирного сосуществования государств с различной социальной системой, который в наши дни стал общепризнанным принципом международного права. Отношения в содружестве социалистических стран развиваются на основе принципа пролетарского интернационализма. Этот принцип предполагает оказание помощи странами победившего социализма тем народам, которые начали социалистическую революцию за свержение ига капитализма. Но эта помощь не может превращаться во вмешательство во внутренние дела других стран и в навязывание революции извне. Ленин решительно осуждал теории экспорта революции, подчеркивая, что подобные теории шли бы в полный разрез с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революции.

В статье показывается, как В. И. Ленин всесторонне разоблачал реакционную политику империалистических государств и показал полное отличие ее от политики социалистических стран.

Учение Ленина о политике государства является неоценимым вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. Оно помогло первому социалистическому государству победить и пройти путь развития от отсталой аграрной страны до одного из самых передовых промышленных государств мира.

IX СЪЕЗД РКП(б) О КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ И ЕДИНОНАЧАЛИИ В УПРАВЛЕНИИ

Аспирант Я. Каарма

Кафедра государственного и административного права

Совершенствование управления является на современном этапе развития социалистической экономики одним из значительных резервов повышения производительности народного хозяйства. Достижения науки и практики, меры, предпринятые ЦК КПСС и Советским Правительством,¹ вызвали качественный сдвиг в управлении советской экономикой, отраслями народного хозяйства, предприятиями и учреждениями. Высокими темпами происходит научная разработка проблем управления. Среди этих исследований играют существенную роль работы, в которых обращаются к опыту первых лет Советской власти, к неисчерпаемому ленинскому наследию. Исторический период создания системы социалистического управления решал в современных условиях многие проблемы, которые являются исходными и в процессе усовершенствования управления сегодняшнего дня. Во всей своей деятельности КПСС неустанно руководствуется ленинским принципом сочетания преемственности революционного опыта прошлого с творческой постановкой и решением новых проблем теории и практики социалистического и коммунистического строительства.

Мы остановимся на одной частной, но принципиальной проблеме — на проблеме соотношения коллегиальности и единоначалия в работе хозяйственных и Советских органов. Основная сущность этой проблемы и основные теоретические положения были высказаны на IX съезде РКП(б), который проходил с 29 марта по 5 апреля 1920 года. Материалы IX съезда партии, ленинские положения по вопросам организации государственного

---

¹ См. решения XXIII съезда КПСС, сентябрьского (1965 год), мартовского (1965 год), майского (1966 год), октябрьского (1968 год), июльского (1970 год) Пленумов ЦК КПСС и постановление Совета Министров СССР по соответствующим вопросам.

управления вызывают несомненный интерес и в настоящее время. Но до сих пор материалы IX съезда в этом отношении изучены недостаточно. Разработка ленинской теории коллегиальности и единоначалия содержится главным образом в исследовании, посвященного борьбе партии с оппозиционной группой «демократического централизма».² Задачей этих работ, естественно, не являлось изучение проблемы коллегиального и единоличного руководства в целостности. Не ставит такой задачи и наша статья, в которой мы постарались осветить только те вопросы, в которых, по нашему мнению, кроется сущность проблемы.

Перед IX съездом РКП(б) стояли предельно трудные, но значимые задачи для будущего страны. К началу 1920 года Красная Армия одержала решающие победы над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции. Советское государство завоевало мирную передышку, которая давала партии возможность выдвинуть на первый план задачи восстановления разрушенного народного хозяйства.

Первоочередной задачей партийного съезда было определение тех основных вопросов, на решение которых следовало сосредоточить главные силы, чтобы в кратчайший срок покончить с разрухой и вывести страну на социалистические основы экономического строительства. При разработке единого народнохозяйственного плана съезд особое внимание обратил на введение новых, социалистических форм и методов государственного руководства экономикой. В этой связи одним из центральных вопросов съезда был вопрос о соотношении коллегиальности и единоначалия в руководстве хозяйственным строительством в условиях диктатуры пролетариата. Съезд оказался завершающим этапом острой дискуссии, которая продолжалась уже два года.

---

² См., например, А. Панкратова. Борьба партии с группой «демократического централизма» в годы гражданской войны. — «Пропагандист», 1935, № 10; Н. Корнатовский. Борьба партии с группой «демократического централизма». — «Красная летопись», 1936, № 2; Д. Ю. Бахшиев. Девятый съезд РКП(б). М., 1955; С. Н. Канев. Из истории борьбы В. И. Ленина против фракционных группировок (1920—1922). — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4; А. Г. Титов. Разгром Коммунистической партией антипартийной группы «демократического централизма». Ученые записки Шуйского гос. пед. ин-та, вып. 10, Шуя, 1963; его же: Разгром антипартийной группы «демократического централизма». — «Вопросы истории КПСС», 1970, № 6; Н. Ф. Вилков. Борьба против группы «демократического централизма» в 1919—1920 годах. — В сб. Борьба КПСС против антиленинских групп и течений в период строительства социализма. М., 1966; А. Я. Вяткин. Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп. М., 1966; В. В. Романов. Борьба Коммунистической партии против антипартийной группы «демократического централизма» (1919—1921). — В кн.: Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966; его же: Борьба В. И. Ленина против антипартийной группы «демократического централизма». М., 1969; В. М. Шапко. Обоснование В. И. Лениным принципов государственного руководства. М., 1968, стр. 180—199.

Вопрос о соотношении коллегиального и единоличного руководства в государственном управлении был выдвинут В. И. Лениным еще в начале 1918 года в связи с внедрением централистских начал в практику административных и хозяйственных органов Советского государства. Первой нам известной разработкой вопроса является декрет Совнаркома «О централизации управления, охране дорог и повышения их провозоспособности», принятый 23 марта 1918 года.³ В основу этого декрета легли следующие положения, сформулированные В. И. Лениным: «1. Большая централизация. 2. Назначение отдельных ответственных лиц — исполнителей в каждом местном центре по выбору железнодорожных организаций. 3. Беспрекословное исполнение их приказаний.»⁴

В дальнейшем названные положения имели принципиальное отношение не только к системе управления железнодорожным транспортом, но и для общей системы государственного руководства социалистической экономикой.

В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин подчеркивал, что при социализме хозяйственные подразделения «... не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма.»⁵ Он считал, что процесс коллективного труда не может «... оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя.»⁶

Ленинские идеи о соотношении коллегиальности и единоначалия в государственном управлении вызвали резкую внутривнутрипартийную оппозицию со стороны группы «демократического централизма» («децисты»). Эта оппозиционная группа начала складываться в 1918 году после распада фракции «левых коммунистов», которые активно боролись против предложений В. И. Ленина об усилении дисциплины, организации и централизации в стране. Возглавляли «децистов» бывшие «левые коммунисты» Т. В. Сапронов, Н. Осинский (В. В. Оболенский), А. С. Бубнов, В. М. Смирнов, В. Н. Максимовский, М. С. Богуславский, Р. Б. Фарбман (Рафаил) и др. Не вызывает сомнения идейная общность взглядов «левых коммунистов» и «децистов». «Децисты выступали под флагом так называемого «демократического централизма», выдавая себя за рьяных поборников демократии и широкой кол-

---

³ Декреты Советской власти, т. 2, М., 1959, стр. 12—20;

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 592.

⁵ Там же, стр. 157.

⁶ Там же.

легиальности. Их идейная линия была направлена против руководящей роли ЦК партии. Они пытались обвинить ЦК в бюрократизме, в излишней опеке ЦК над местными организациями. Провозглашая лозунг «безбрежной коллегиальности», «децисты» противопоставляли его централизованному руководству, отрицали необходимость строгой партийной и государственной дисциплины. Загипнотизированные «демократизмом» коллегиальности оппозиционеры категорически отказались от признания идеи единоначалия в государственном управлении и считали коллегиальные формы руководства, начиная от президиума ВСНХ и кончая заводоуправлениями, основным принципом в работе хозяйственного аппарата. На VIII конференции РКП(б) Сапронов выступил против того, чтобы в качестве руководителей отделов исполкомов Советов назначались отдельные лица; требовал, чтобы во главе их были поставлены коллегии из нескольких человек.⁷ На VII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919) Сапронов и Осинский пошли еще дальше, потребовав, чтобы коллегиально управлялись также и хозяйственные предприятия.⁸ Принцип единоначалия они объявляли «буржуазным диктаторством», негодным методом хозяйственного руководства. Активная фракционная деятельность «децистов» порождала у врагов революции надежды на возможность развала большевистской партии. Поэтому меньшевики и эсеры, переметнувшиеся в контрреволюционный лагерь, поддерживали выступления «децистов», которые протаскивали довольно отчетливую эсеро-меньшевистскую идею отрыва местных органов от центральных и предоставления местам всей полноты власти. Взгляды «децистов» по вопросам руководства народным хозяйством разделяли по существу и некоторые профсоюзные работники во главе с председателем ВЦСПС М. П. Томским и руководители ряда хозяйственных органов во главе с председателем ВСНХ А. И. Рыковым.

Как VIII конференция партии, так и VII Всероссийский съезд Советов отвергли требования сапроновцев. Но и после поражения они не прекратили своей оппозиционной деятельности. Особенно напряженной становилась борьба накануне IX партийного съезда. Против ленинских принципов руководства высказалась XVI Московская губернская партийная конференция, которая состоялась 23—24 ноября 1919 года. В решении конференции подчеркивалось, что XVI Московская губернская партийная конференция «решительно возражает против тенденции упразднения

---

⁷ См. Восьмая конференция РКП(б). Протоколы, М., 1961, стр. 64—70.

⁸ См. 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографический отчет, М., 1920, стр. 196—203, 223—225.

коллегиальной системы в отделах исполнительных комитетов».⁹ X Московский губернский съезд Советов, проходивший 30 ноября — 1 декабря 1919 года дошел до того, что потребовал «зафиксировать в Конституции, что коллегии сохраняются».¹⁰ На Харьковской губернской партийной конференции сапроновской группе удалось проташить резолюцию, направленную против единоначалия, а на состоявшейся в марте 1920 года VI Всеукраинской партийной конференции «децисты» голосовали против тезисов ЦК РКП(б) «Очередные задачи хозяйственного строительства». В представленных делегатам тезисах сапроновцы объявляли коллегиальность основным принципом построения органов управления промышленностью.¹¹ Аналогичная резолюция, поддерживающая точку зрения оппозиции по вопросу о коллегиальности, была принята в феврале 1920 года под давлением Осинского и его сторонников на II Тульской губернской конференции РПК(б).¹² За коллегиальность управления выступило также большинство членов Московского губернского комитета РКП(б), который опубликовал перед IX съездом партии свои тезисы.¹³

В острой обстановке проходила дискуссия по вопросу о принципах управления на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, состоявшемся в конце января 1920 года. В своей речи В. И. Ленин подчеркнул, что в спорах о коллегиальности и единоначалии в управлении «вопрос ставится на почву абстрактных рассуждений ... это далеко отводит нас от практических задач настоящего времени, ибо только единоначалие больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы».¹⁴ Однако на съезде большинством голосов была принята резолюция в пользу коллегиальных форм управления. Против единоначалия в управлении предприятиями и хозяйственными органами высказалась партийная фракция ВЦСПС на заседании 12 января 1920 года, где выступление В. И. Ленина по вопросу о единоначалии не нашло поддержки.

Ленинскому плану экономического возрождения страны «децисты» противопоставляли мелкобуржуазные требования отказа от принципа единоначалия в руководстве хозяйством и распространения коллегиальных форм управления, начиная от президиума ВСНХ и кончая заводоуправлениями. Эти установки нашли свое наиболее полное «теоретическое» обоснование в тезисах Осинско-

---

⁹ Т. Сапронов. Статьи и доклады по организационным вопросам партийного и советского строительства. М., 1920, стр. 5.

¹⁰ См. Восьмая конференция РКП(б). Протоколы, стр. 271.

¹¹ См. Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций. Киев, 1964, стр. 71.

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 638, л. 3.

¹³ См. Девятый съезд РКП(б). Протоколы, М., 1960, стр. 567—571.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 76.

го, Сапронова и Максимовского «О коллегиальности и единоличии», опубликованных 28 марта 1920 года.¹⁵

Рьяную настойчивость проявили «децисты» и на IX съезде партии, стараясь навязать съезду свои установки по вопросу хозяйственного строительства. Они выставили со стороны своей фракции содокладчиком Осинского. В защиту основных положений содоклада Осинского на съезде выступали Сапронов, Максимовский, Бубнов, Юренев, Милютин, Рыков, Томский и др. Прикрываясь революционной фразеологией о необходимости защиты демократического централизма, оппозиционные элементы обрушились на деятельность ЦК РКП(б), В. И. Ленина, яростно отстаивали «безбрежную» коллегиальность, квалифицировали требование партии о переходе от коллегиальности к единоначалию как отступление от демократии и социализма.

Несмотря на относительный предсъездовский успех оппозиции в некоторых партийных, профсоюзных и хозяйственных организациях, Центральный Комитет партии представил съезду глубоко обоснованную, четко выраженную линию на перестройку организации управления народным хозяйством на основе единоначалия. Накануне съезда ЦК опубликовал ряд документов по этому вопросу, подготовленных при непосредственном участии В. И. Ленина.¹⁶ В проекте резолюции ЦК РКП к IX съезду партии «Очередные задачи хозяйственного строительства» подчеркивалось: «В целях более простой и точной организации управления производством, а также в целях экономии организационных сил, съезд считает необходимым приблизить управление промышленностью к единоличию».¹⁷ Для фракционеров из группы «демократического централизма» ленинские принципы управления хозяйством являлись «вопиющим отступлением» от демократизма.

На IX съезде РКП(б) был по существу положен конец дискуссии о коллегиальности и единоначалии. Съезду надо было в первую очередь добиться принципиального признания единоначалия как одной из форм проведения единой государственной дисциплины и осуществления демократического централизма в Советском государстве. Съезду пришлось дать ясное и окончательное решение задаче, сформулированной в проекте резолюции Центрального комитета РКП к IX съезду партии: «Основной задачей при организации управления является создание компетентного, твердого, энергичного руководства, — идет ли речь об

¹⁵ См. Девятый съезд РКП(б). Протоколы, стр. 565—566.

¹⁶ Имеется в виду письмо ЦК РКП(б) «К партийным организациям РКП по вопросу о порядке дня партийного съезда», а также тезисы и проект резолюции ЦК «Очередные задачи хозяйственного строительства» (См. Девятый съезд РКП(б), Протоколы, стр. 490—495 и 538—553).

¹⁷ Девятый съезд РКП(б). Протоколы, стр. 548.

отдельном промышленном предприятии или целой отрасли промышленности».¹⁸ К началу 1920 года было ясно, что практикуемое коллегиальное управление в народном хозяйстве не соответствует тем простым и неоспоримым качествам. Доказательством этому послужил более чем двухлетний опыт Советского государственного строительства. И к оценке этих двух лет В. И. Ленин подходил в своих выступлениях не абстрактно-теоретически, а конкретно, строго руководствуясь учетом приобретения этого опыта. Большевики выдержали не благодаря коллегиальности, о чем отважилась заявить оппозиция в лице М. П. Томского,¹⁹ а несмотря на то, что господствовало разгильдяйство и отсутствие сознания ответственности, которые, к сожалению, распространялись рука об руку с коллегиальностью. Практика тех лет со всей наглядностью подтвердила величайшее значение строгой дисциплины и персональной ответственности. В. И. Ленин был уверен, что большевики не могли бы и двух месяцев удержаться у власти, если они придерживались бы принципов неколебимой коллегиальности и не прибегали к назначениям. Уже начальный опыт первых месяцев Советской власти с поводом митингового демократизма и неограниченной коллегиальностью при всей их исторической обусловленности и положительной роли, сыгранной в свое время, дал тем не менее отрицательный ответ на вопрос жизнеспособности такого метода управления хозяйством. С другой стороны, опыт управления милитаризованными предприятиями и отраслями производства убедительно показал, что именно в единоначалии кроется ключ к обеспечению единства воли, без которого ни о какой дисциплине и организованности не может быть и речи. Вся резкость ленинской оценки периода всеобщей коллегиальности выражена в докладе ЦК IX съезду РКП(б): «Брестский мир навязан был нам потому, что мы были бессильны во всех областях. Что такое был этот период? Это был период бессилия, из которого мы вышли победителями. Это был период сплошной коллегиальности. Из этого исторического факта не выскочишь...»²⁰

Рядом с оценкой конкретной практики съезду пришлось рассеять довольно распространенные меньшевиками, эсерами и внутрипартийными оппозиционерами мнения, что коллегиальность является неотделимой частью социалистического общественного и государственного устройства. На девятом съезде РКП(б) эту концепцию поддерживали в своих выступлениях Н. Осинский, Т. В. Сапронов, В. Н. Максимовский, В. М. Смирнов, К. К. Юрнев, М. П. Томский, Д. Б. Рязанов, А. И. Рыков и В. В. Косиор.

---

¹⁸ См. Девятый съезд РКП(б). Протоколы, стр. 548.

¹⁹ Там же, стр. 159.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 264—265.

В. И. Ленин дал глубокое научное обоснование тезису о необходимости в период диктатуры пролетариата единоначалия в управлении. В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» он подчеркивал совместимость единоличной власти с «... демократическими организациями вообще, с коллегиальным началом в управлении — в особенности, и — с советским социалистическим принципом организации в частности».²¹

Уже в 1918 году в своей работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин выдвинул тезис о том, что именно для социалистической, плановой централизованной экономики характерно единоличие руководства. Не представляется возможным, что крупная машинная индустрия, т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма, может функционировать без безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. Необходимость единоличия в руководстве социалистической экономики всегда признавалась всеми думавшими о социализме как его условие. Эта необходимость очевидна и технически, и экономически, и исторически.²² Сам процесс централизации экономики вызывает необходимость той устойчивости звеньев системы управления, которой овладеет институт единоличия.

Проведение единоначалия было также вызвано конкретными историческими задачами и условиями осуществления диктатуры пролетариата. Без системы управления, предполагавшего беспрекословное подчинение масс единой воле руководителей трудового процесса, невозможно было бы добиться победы над невиданной разрухой. В то же время изложенный В. И. Лениным принцип единоличного руководства не содержит никаких отступлений от социалистического демократизма. Большевики признают необходимость государства, то есть принуждения для строительства нового общества, но формы этого принуждения могут быть самыми разнообразными. Некоторые из них осуществляются эффективнее всего через единоначалие. Между ним и советским социалистическим демократизмом нет принципиальных противоречий, ибо, как это выражено в резолюции IX партийного съезда, класс может править в какой угодно форме, а форма эта зависит от технической целесообразности. Во всех случаях руководящих и администрирующих лиц назначает правящий класс в целом.²³ Что касается задачи неоспоримой важности — привлечения широких масс к делу управления, то коллегиальностью это не обеспечивается и единоначалием не исключается. В. И. Ленин харак-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 156.

²² Там же, стр. 200.

²³ См. КПСС в резолюциях..., часть II, М., 1970, стр. 168.

теризовал как чистейший меньшевизм и эсеровщину рассуждения оппозиционеров о том, что якобы коллегиальность представляет собой «рабочее управление». Он указал, что вопрос о коллегиальности и единоначалии необходимо ставить под углом зрения накопленного опыта и революционной практики. «Участие широких масс обеспечивается коллегией в семь-три человека: над этим смеяться будут...», — произнес В. И. Ленин в своей речи на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 года.²⁴ В. И. Ленин призвал к решительной борьбе с утверждениями, что якобы «коллегиальность есть одна из форм участия широких масс в управлении».²⁵ В резолюции съезда подчеркивалось, что «... единоличное управление не может быть противопоставляемо рабочему управлению; наоборот, наиболее экономное и широкое рабочее управление требует единоличного управления».²⁶

Переход к единоначалию и свертывание коллегиальности не противоречат программной задаче о массовом привлечении трудящихся к участию в управлении государством, поскольку участие нескольких рабочих в предполагаемых оппозиционерами «узких коллегиях» не представляет из себя никакого «участия масс». Управление должно быть построено таким образом, что действительное участие оказалось бы реальной возможностью для всех рабочих данной хозяйственной единицы.

IX съезд РКП(б) взял курс на развитие участия рабочих масс в управлении в двух направлениях, которые предоставляют трудящимся широкое участие в руководстве народным хозяйством без посягательств на принцип единоначалия. Во-первых, рабочие должны быть хорошо информированы о хозяйственной деятельности предприятия и иметь возможность высказать свои соображения по этому поводу: Резолюция съезда обязывает ввести в систему периодические (например, ежемесячные) обсуждения собранием рабочих завода докладов правления за истекший период (месяц) работы и о производственном плане на новый период (месяц).²⁷ Во-вторых, участие рабочих имеет место через профсоюзные органы. С профсоюзными органами прежде всего согласуются все ответственные назначения. Но участие профсоюзов в формировании заводоуправлений осуществляется не на основе выборности, а на основе подбора, на основе практического стажа, технической компетентности, твердости, организаторской способности и деловитости кандидатов.²⁸

На IX съезде оппозицию объединила идея, что коллегиальность является самой целесообразной возможностью учить проле-

²⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 222.

²⁵ Там же, стр. 250.

²⁶ КПСС в резолюциях..., часть II, стр. 168.

²⁷ Там же, стр. 158.

²⁸ Там же, стр. 167.

тариат руководству. Коллегия представлялась как незаменимый семинар, школа, где имеется возможность поменяться опытом, учиться друг у друга и найти правильные решения коллегиальными усилиями. Так, например, в своих «Тезисах о коллегиальности и единоначалии (к IX съезду РКП)» «децисты» заявили, что «... Коллегия — высшая ступень школы государственного управления. Только она приучает разрешать частные вопросы с точки зрения интересов целого».²⁹ Им аккомпанировали и тезисы Московского губернского комитета РКП³⁰ и многие оппозиционеры в своих выступлениях на заседаниях съезда. Но и в этом вопросе доводы оппозиции были направлены на извращение понимания действительной сущности коллегиальности и единоначалия. Было явно, что навязываемое «децистами» направление оказалось бы пагубным при выполнении задач установления четкого устойчивого механизма хозяйственного руководства. Замена единоличного директора некоей «школой управления» не может не отразиться на результатах производства, которое лишено быстрого, оперативного и ответственного руководства. Отстаивая необходимость единоначалия в управлении, В. И. Ленин развенчал демагогические рассуждения оппозиционеров о том, что якобы коллегиальность является «высшей школой управления» и составляет необходимую основу демократизма. Возражая против такой теоретически неверной постановки вопроса, он требовал исходить не из отвлеченных рассуждений, а из фактов и накопленного опыта. В. И. Ленин указывал, что коллегиальность является лишь «приготовительным классом», в котором засиживаться нельзя.³¹ В. И. Ленин подчеркивал, что вместо делового решения практической задачи, связанной с победой над разрухой, Сапронов, Осинский, Максимовский, Томский, а также Московский комитет выступили с тезисами, в которых «вопрос поставили теоретически неверно».³² IX съезд РКП(б) поддержал решительно ленинскую точку зрения о том, что практическое руководство необходимо строго отделить от обучения. В резолюции съезда подчеркивается, что единоличие «... ограничивает функции непосредственного управления от обучения, какое должно составить совершенно особую отрасль деятельности и особую задачу».³³ Отстаивая позицию единоличного руководителя, съезд указал на необходимость систематической, научно обоснованной подготовки кадров администраторов. В резолюции съезда постановили организовать при отдельных больших предприятиях или при нескольких предприятиях курсы промышленной администрации, на которых наиболее способные рабочие, по возможности

²⁹ Девятый съезд РКП(б). Протоколы, стр. 565.

³⁰ См. там же, стр. 567—571.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 254.

³² Там же, стр. 254.

³³ КПСС в резолюциях ..., часть II, стр. 169.

не отрываясь от производства, на опыте данного предприятия обучались бы необходимым элементам администрации.³⁴

Потерпев поражение в стремлениях отстоять высочайшую позицию коллегиальности среди основных принципов построения систем социалистического управления, оппозиция старалась не допустить принципиального признания партией необходимости единоначалия как важнейшего метода государственного руководства хозяйственным строительством косвенным путем. Вопрос о соотношении коллегиального и единоличного руководства объяснялся чисто практическим вопросом, который подлежит разрешению в каждом случае в отдельности, а партии предлагалось отказаться от каких-нибудь директив или рекомендаций по этому вопросу. Так, например, М. П. Томский заявил на съезде: «... у нас разногласия по одному вопросу, который съезд должен проголосовать: единоличие как принцип или как практическая мера от случая к случаю... В единоличие как принцип мы не верим, как не верим в царство небесное!...»³⁵ Оппозиция пыталась ввести даже в резолюцию съезда соответствующую поправку к тезису Центрального Комитета о единоначалии, но безуспешно. За нее проголосовали 123 делегата против 314, при 8 воздержавшихся.³⁶ ЦК РКП(б) внес вопрос о коллегиальности и единоначалии в повестку дня съезда именно для того, чтобы изменить существующее состояние дел, чтобы выработать эффективные мероприятия для обеспечения дисциплины и строгой персональной ответственности. Отказ от принятия конкретной линии по данному вопросу был бы равнозначен отказу от решения проблем, от которых в значительной мере была в зависимости судьба революции.

Съезд решительно осудил и отверг мелкобуржуазные установки оппозиции о коллегиальности и единоначалии и поддержал позицию В. И. Ленина. В резолюции по вопросу об управлении промышленностью подчеркивалось, что основной задачей при его организации «... является создание компетентного, твердого, энергичного руководства, идет ли речь об отдельном промышленном предприятии или целой отрасли промышленности».³⁷ Укрепление руководства промышленностью могло основываться лишь на сохранении и развитии централизма.³⁸ Как ни парадоксально, на первый взгляд, «децисты», долгое время безудержно кричавшие о «безбрежной» коллегиальности и демократии, быстро нашли общий язык с троцкистами, являвшимися откровенными сторонниками самого деспотического нажима на массы.³⁹

³⁴ КПСС в резолюциях..., часть II, стр. 158.

³⁵ Девятый съезд РКП(б). Протоколы, стр. 164.

³⁶ См. там же, стр. 204.

³⁷ КПСС в резолюциях..., часть II, стр. 156.

³⁸ См. В. В. Романов, ук. соч., стр. 162.

³⁹ В. В. Романов, ук. соч., стр. 204.

Дискуссия, развернувшаяся на IX съезде РКП(б) по вопросу соотношения коллегиального и единоличного управления, имеет огромное значение как в теоретическом, так и в политико-практическом смысле. На этом съезде был по существу положен конец длительной теоретической дискуссии и сформулированы положения, которые уже полвека находятся на службе управления хозяйственным строительством первой социалистической страны.

С политико-практической стороны проведенная дискуссия вооружала делегатов съезда глубоким пониманием истинной сути вопроса, яркой и всесторонней аргументацией. И это было очень необходимо. Введению единоначалия на местах, где до сих пор практиковалась коллегиальность, должна была предшествовать политически продуманная подготовительная работа. Партия предостерегала от решения вопроса административно-бюрократическими способами.

Меры перехода к твердому единоначалию, выработанные IX съездом РКП(б) на основе указаний В. И. Ленина, сыграли большую положительную роль в организации управления. В последующие годы, особенно в период социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства на основе пятилетних планов были подготовлены из рабочих и крестьян замечательные кадры руководителей всех отраслей народного хозяйства.

На IX съезде речь шла прежде всего о руководстве промышленностью и той части государственного аппарата, которая осуществляет управление народным хозяйством. Многие поднятые на съезде проблемы возникают и в других сферах государственного управления, где приходится решать вопросы соотношения коллегиального и единоличного руководства. Надо опасаться механического переноса выводов съезда на внешне сходные вопросы других областей, но надо стремиться использовать ту глубину, всесторонность исследования и решительность разрешения проблем управления социалистическим обществом.

В настоящее время уже не вызывает никаких сомнений то, что необходимым условием хозяйственного подъема было и остается улучшение хозяйственной организации на основе фактического проведения в жизнь сверху донизу неоднократно провозглашавшегося принципа точной ответственности определенно лица за определенную работу.

За истекшие 50 лет наши знания по вопросам управления обогатились в несравненном объеме. Новые достижения наук, изучающих вопросы организации и управления социалистического производства, подтверждают глубокую научную обоснованность ленинских выводов.

KODANLIKU EESTI ÜHISKONDLIK-POLIITILISED ORGANISATSIOONID JA NENDE LIKVIDEERIMINE 1940. AASTAL

Õigustead. kand. E.-J. Truuväli

Riigi ja õiguse ajaloo kateeder

Tänapäeva globaalsete sotsiaalsete ümberkorralduste tingimustes on see iseärasus, et revolutsioonilisse protsessi on kaasa tõmmatud erineva sotsiaalse arenguastmega, erineva ajaloo ja erineva sise- ja välispoliitilise olukorraga maad. Seoses sellega on muutunud eriti akuutseks sotsialismile ülemineku üldiste seaduspärasuste konkreetse avaldumise uurimine üksikute maade revolutsioonilise protsessi spetsiifilisuse kaudu. Just viimase tõttu on seletatav oma sisult ühtse revolutsioonilise protsessi toimumine üksikutes maades eriliste meetodite, viiside ja vahendite rakendamisega. Viimane avaldub eriti selgepiirilisel sotsialistliku ühiskonna poliitilise organisatsiooni kujunemises, mis ei seisne üksnes uue riikliku organisatsiooni loomises ja kodanliku riigivõimuaparaadi purustamises, vaid eriti proletariaadi diktatuuri mehhanismi mitteriiklike lülide loomises ning kodanluse vastava mehhanismi likvideerimises. Sotsialistliku riigi spetsiifika väljendubki just selles, et ta ühiskonna poliitilise organisatsiooni ülejäänud osad moodustavad orgaanilise ühtsuse riikliku võimuorganisatsiooniga, mis sisuliselt tagab rahvahulkadele osavõtu riigiasjadest ja kontrolli teostamise reaalse võimaluse.

Sellepärast tuleb meie arvates sotsialistliku riikluse loomise protsessi uurimist tingimata täiendada ühiskonna poliitilise organisatsiooni teiste osade loomise probleemide käsitlemisega. Seda enam on sel tähtsust, et sotsialistliku revolutsiooni algperioodil on paljudel töötajate sisuliselt ühiskondlikel organisatsioonidel ning organitel reas küsimustes riigivõimu volitused või nad täidavad neid (kehvikute komiteed Nõukogude Venemaal, mitmesugused rahvarinde organid rahvademokraatiamaades revolutsiooni esimesel arenguetapil, natsionaliseerimis- ja vallakomiteed jt. organid Eestis 1940. a.).

Probleem on seda lähelepanuväärivam, et mitte ainuski mineviku, oleviku ja tuleviku riik, ükski sotsiaalne kord ei saa eksisteerida ilma väljaarenenud mitteriikliku organiseeritusest, s. t. ühiskonna poliitilise organisatsiooni mitteriiklike osadeta. Õeldu kehtib ka kodanliku riigi kohta, kus see protsess omandab äärmise sügavuse, kus need ühiskonna poliitilise organisatsiooni kodanluse klassihuve teenivad osad tihtipeale põimuvad riigiaparaadiga (näiteks Kaitseliit, korporatiivset tüüpi organid) või on allutatud täielikult riigiorganite järelevalvele.

Seepärast on mõistetav, et kodanluse klassihuvide kaitsmisest võtavad riigiaparaadi kõrval osa ka tema väga mitmesuguseid eesmärke taotlevad poliitilised, majanduslikud ja kultuurilised ühingud. Viimaste lõppeesmärk kattub kodanliku riigi lõppeesmärgiga — kodanluse ülemvõimu kaitse ja säilitamine.

Sellise mehhanismi tugevus ja ohtlikkus (mis võib muutuda ka tema nõrgaks küljeks) seisneb selles, et nendesse organisatsioonidesse on kaasa tõmmatud mitte üksnes valitseva kodanliku rühmituse esindajad, vaid ka suur osa väiketootjaist, intelligentsist ning ka osa tööliiklast. Selle tõttu on need ühingud küllaltki efektiivseks vahendiks kodanluse käes töörahva organisatsioonide vastu suunatud võitluses, töörahva lõhestamisel ning kodanliku ideoloogia levitamisel. Lootis ju Eesti kodanlus fašistliku Itaalia eeskujul loodud kutseesinduste (kodade) abil sisuliselt likvideerida ametiühingud, isoleerida selle kaudu illegaalne kommunistlik partei tööliikumisest või vähemasti raskendada tema tööd. Nagu teame, ei õnnestunud eesti kodanlusel selle plaani täielik realiseerimine.

Ulaltoodud momente arvestades on selge, et proletaarse võimu kindlustamise ja säilitamise huvides ei piisa üksnes kodanliku riigiaparaadi purustamisest ning uue riigiaparaadi loomisest, vaid on tingimata tarvis hävitada kogu kodanluse ühiskondlik-poliitiline, majanduslik ning kultuuriline organiseeritus ja luua töörahva vastavaid eesmärke taotlevad omad organisatsioonid.

Seni on meie nõukogude vastavas kirjanduses selline probleemi uurimine ja käsitus jäänud kas siis tagaplaanile või on uuritud ainult üksikuid küsimusi, andmata üldkäsitlust.

Meie arvates on näiteks meie vabariigi ühiskonnateadlased saavutanud sotsialistliku ühiskonna loomise mitmete üksikküsimuste uurimisel juba niisuguse kõrge taseme, et edaspidi osutub vajalikuks saadud tulemuste kompleksne töötlemine, antud probleemide meie ühiskonnateadlaste loominguiline integratsioon. Nii nagu kodanluse riikliku, nii olenevad ka tema ühiskondlik-poliitilise, majandusliku ja kultuurilise organiseerituse likvideerimine ning proletariaadi diktatuuri mehhanismi loomise meetodid, tähtjad ja ulatus reast faktoritest. Siin tuleb kõigepealt arvestada: 1) üksikute organisatsioonide laadi, nende varasemat praktikat, liikmeskonna erisust ning osatähtsust kodanluse diktatuuri mehhanismis (võrdle näiteks Kaitseliitu, Õpetajate Seltsi, Tarbijate Kooperatsiooni, usu-

ühinguid jne.); 2) vajadust ühiskonna sotsialistlikule ümberkorraldamisele kaasa tõmmata võimalikult laiu rahvahulki, sest «proletariaadi diktatuuri ajal tuleb ümber kasvatada miljoneid talupoegi ja väikeomanikke, sadu tuhandeid teenistujaid, riigiametnikke, haritlasi, allutades need kõik riigile ja proletaarsele juhtimisele, võites neis kodanlikud harjumused ja traditsioonid»¹; 3) kodanliku korra ajal on ka töörahval endal mitmesuguseid organisatsioone, mis töötavad kommunistliku partei juhtimisel (näiteks mitmed ametiühingud Eestis enne 1940. a. juunipööret). Viimastega võivad ühises tegutseda intelligents ja väikekodanluse väga mitmesugused organisatsioonid; 4) sotsialistliku revolutsiooni algperioodil säilivad teatavas ulatuses kodanliku riigiaparaadi vormid. Võimalik on kodanluse mõningase poliitilise ja ühiskondliku organiseerituse olemasolu (näiteks rahvademokraatiamaades aastatel 1944—1948). Kõigi nende faktorite konkreetse toime arvestamine oleneb eeskätt sotsialistliku revolutsiooni teostamise viisist ja antud maa konkreetsetest tingimustest: 1) kas revolutsioon toimub kodanlik-demokraatliku (autoritaarse, fašistliku) poliitilise režiimiga maal; 2) kodanluse sotsiaalse haasi laiusel ja tema vastupanu vormidest; 3) kukutatud kodanlusevastase ühistrinde enda iseärasustest ja sellesse kuuluvate parteide vahekorrast; 4) revolutsiooni teostamise viisist.

Kõikide ülalmainitud tegurite mõju eraldi võetuna võib olla isesugune ümberkorralduste teostamise teatud momendil.

Kodanlik-demokraatliku režiimi tingimustes on töörahval teatud ulatuses legaalne organiseeritus ja tegevusvabadus, mis võimaldab neid organisatsioone kohe lülitada töörahva võimu teenistusse. Fašistliku diktatuuri kukutanud töörahvas peab aga asuma enamiku oma organisatsioonide loomisele, kuivõrd enne olid tema massiorganisatsioonid (näiteks ametiühingud, töölisliidud) kas purustatud või asendatud fašistlikku laadi kutseesindusega, marksistlik partei aga illegaalne jne.

Mõistagi on küsimuste ring lai ning anda neile artikli raames ammendavat vastust pole võimalik. Seepärast piirdub autor vaid antud probleemi üksikute, seni vähem uuritud aspektide käsitlemisega.

I

Kõigi seniste poliitiliste parteide (erakondade) likvideerimine (EKP oli keelatud juba 1918. a. alates) tõi endaga kaasa nn. «vaidkiva oleku». Faktiliselt seisatus parteide tegevus juba 1934. a. septembris pärast J. Laidoneri vastavat korraldust, ehkki juriidiliselt vormistati see sisekaitseüleva 6. märtsi 1935. a. sundmäärusega.

---

¹ V. I. Lenin. Teosed. 36. kd., lk. 93.

Pärast demokraatlike institutsioonide laialisaatmist ja kogu riigivõimu täiuse koondamist täitev-korraldavate organite kätte oli parteide keelustamine igati loogiline samm teel kildkonna diktatuuri poole. Tähendaks ju parteiline opositsioon poliitilistele vastastele teatud võimaluste andmist võimu eest peetava võitluse jätkamiseks. Uhtaegu oli aga selge, et ilma organiseerimata poliitilise baasita kujuneb riigivõimu teostamine raskeks, liiati veel sotsiaalse demagoogia ajamine.

Riigivõimu organiseeritud sotsiaalse baasi vormide otsingul jõuti seaduspäraselt fašistliku ühiskonna poliitilise organisatsiooni süsteemi juurde, s. t. riigiparteid, relvastatud sõjalist organisatsiooni (viimase juhtimisel tegutsevad nais- ja noorsoo-organisatsioonid) ja korporatiivseid organeid. Kodanlikus Eestis kujunesid mainitud organisatsioonide erivormideks Isamaaliit, Kaitseliit ja kutsekojad. Kuigi Kaitseliit oli isegi vanem kui kodanlik Eesti riik, tegi ta pärast riigipööret läbi niivõrd ulatuslikud kvalitatiivsed ja kvantitatiivsed muutused, et tema lülitamine ülaltoodud skeemi on õigustatud.

Eelnenud ajajärgul oli loodud ka üksikuid korporatiivset laadi kodasid, mille poliitilist osa kodanlus ei eitanud. Kuid korporatiivsete kodade süsteemi loomine fašistliku Itaalia eeskujul langes siiski kolmekümnendate aastate keskpaika, seda enam, et ka juba olemasolevate kodade funktsioonid olulisel määral politiseerusid. Kuigi korporatiivsed kojad oma olemuselt seisavad poliitilistele parteidele lähemal kui mitmesugused endised kodanlikud seltsid, kogud, koondised jne., pole täpne neid nimetada endiste erakondade (parteide) aseaineks.² Ennekõike täitsid nad siiski kodanliku ühiskonna poliitilise organisatsiooni nende lülide ülesandeid, mis pidid diktatuuri mehhanismi süsteemis etendama ühiskondlike organisatsioonide osa poliitilise partei ja sõjalise organisatsiooni kõrval. Ühiskondlikud organisatsioonid diktatuuri mehhanismis peavad ju eeskätt näitama süsteemi enda demokraatlikust, isegi siis, kui neil oleks vaid formaalne ja demagoogiline roll. Et nende organisatsioonide seotus riigiaparaadiga faktiliselt tähendas täielikku allutamist, see on juba fašistliku poliitilise režiimi iseloomulik omadus. Arusaadav on ka see, et vastavates kodades tõepoolest pärast 1934. a. riigipööret tugevnesid teatud tendentsid, meetodid jne., mis sarnanesid parteilise korraldusega. Puhtsubjektiivselt mõjutas seda endiste erakondade liidrite ületulek nendes kodadesse, kuigi pole ühtegi fakti esitada selle kohta, et vanade erakondade liidrid oleksid kodades ajanud Pätsi-Laidoneri diktatuurivastast poliitikat.

Nagu ülaltoodust nähtus, oli juba kodanlik-demokraatliku poliitilise režiimi perioodil kujunenud rida fašistliku režiimi olulisi organisatsioonilisi vorme, mis olid võimelised täitma uue režiimi poliit-

² Vt. H. Kruus. Kuidas sepihseti kodanliku Eesti viimne põhiseadus. — «Rahva Hääle», 6. jaanuaril 1946.

tilisi ülesandeid. Faktiliselt oli tarvis neid arendada ja kindlamini riigiparaadile allutada ning luua vastav riigipartei. Viimane nimetus iseloomustab Isamaaliitu vägagi täpselt. Nimelt teatati selle partei asutamisest ametlikult 7. märtsil 1935. a., s. t. üks päev pärast sisekaitseülema sundmäärust vanade erakondade laialisaatmise kohta. Seega oli Isamaaliidu loojaks riigivõim. Teiselt poolt iseloomustab Isamaaliitu kui riigiparteid see, et esialgu moodustasid tema liikmeskonna põhiosa riigi- ja omavalitsuse ametnikud. Hiljem koondus siia ka teiste likvideeritud parteide esindajaid, eriti rohkesti vapse, kuigi kõige arvukamalt oli siin endiste põllumeeste kogude liikmeid.

Isamaaliidu ellukutsumine ainuparteina oli väga sarnane vanemate fašistlike režiimide vastavaile aktsioonidele, mis võimuletuleku järel olid likvideerinud endised parteid ning kuulutanud oma partei riigiparteiks (Itaalia, Bulgaaria, Saksamaa). Huvitav on, et isegi 1938. a. põhiseaduses jäeti seejuures muutmata säte, mis lubas seaduses ettenähtud alusel ja korras kodanike koondumist poliitilistesse organisatsioonidesse. Ilmselt oli see vajalik kodanliku Eesti riigikorra demokratismi «tõendina».³

Isamaaliidu tegevuse, struktuuri ja liikmeskonna kohta puuduvad nõukogude kirjanduses täpsemad ning üksikasjalikumad uurimused, mida ka käesoleva kirjutise raamides kahjuks korvata ei suudeta. Küll aga vääriks ülalmainitud probleem lähemat käsitlemist, kuivõrd on tegemist fašistlikku tüüpi partei ühe võrdlemisi omapärase erivormiga.

Mõningaid Isamaaliiduga seotud küsimusi on vastava perioodi uurijad loomulikult puudutanud. Tema erinevust ja sarnasust teiste fašistlike parteidega on põgusalt käsitlenud H. Kruus oma 1946. aastal kirjutatud ja meie poolt osundatud artiklis. Autor esitab põhierisusena selle, et «vanafašistlikud (s. t. fašistlikud parteid Saksamaal ja Itaalias) olid sündinud hulk aega enne nende võimuletulekut ja olid saavutanud riigivõimu võitlusega. See oli tihendanud nende suhet riigivõimuga sellise astmeni, et riiklik võim ja partei sulasid peaaegu kokku». On muidugi vaieldamatu fakt, et Isamaaliit loodi alles pärast riigipööret ja ta ei võtnud osa riigipöörde teostamisest. Kuid ega fašistlik diktatuur Eestis päevapealt kehtima ei hakanud, kuigi tema kriitiliseks momendiks võib lugeda riigipöörde teostamise päeva. Riigikorra fašiseerumine, eriti veel siis, kui seda tehakse demokraatia kaitsmise sildi all, on pikemaajalisem protsess ja selle käigus täitis Isamaaliit sugugi mitte vähem tähtsat osa kui natside partei Saksamaal. Lõppastmes pole ju määrav, millal tehti, vaid mida tehti.

Edasi märgib autor, et Isamaaliit suruti üksnes «propagandaparaadi ossa» ning et riigivõim ja partei polnud sedavõrd tihedalt seotud omavahel nagu näiteks Saksamaal. Tuleb märkida, et ka

³ P. V i h a l e m. Valimised kodanlikus Eestis. Tln., 1963, lk. 82.

fašistlikul Saksamaal täitis natside partei ennekõike propaganda-aparaadi rolli, kuigi kõrvuti temaga täitis seda ülesannet vastav ministeerium (nagu kodanlikus Eestis Propaganda Valitsuski). Seejuures polnud Isamaaliit meie arvates nii organisatsiooniliselt kui ka sisuliselt riigivõimuga vähem seotud kui NSDAP, pigem vastupidi. Näiteks 1939. a. sügisel sai peaministriks Isamaaliidu juht J. Uluots, paljud teised partei juhtivad tegelased olid kõrgetel kohtadel riigi- ja omavalitsusaparaadis. Fakt, et Isamaaliidul oli vähem iseseisvust — nagu autori käsitlusest ilmneb — kõneleb just tema riigivõimuga kokkusulamise suuremast astmest ega saa seepärast vastupidist tõestada. Ülaltoodut kinnitab veel seegi, et Isamaaliidu tegevuse faktiline lõpp langeb ajalisel ühte kogu kodanluse režiimi pankrotistumisega, ehkki ta juriidiliselt likvideeriti sisekaitseülema 26. juuni 1940. a. otsuse alusel.⁴ Praktiliselt kujunes Isamaaliidu tegevuse lõpetamine tehniliseks aktsiooniks, mille käigus politseiorganid koos RO-ga võtsid üle liikmete nimekirjad ning pitseerisid vastavad ruumid.

Pärast EKP legaliseerimist püüdsid mõningad kodanlikud tegelased, endiste suletud erakondade liidrid (näiteks J. Tõnisson) taotleda luba oma parteide taastamiseks, kuid valitsus ei rahuldanud seda.⁵

Seega oli Eesti kodanluse poliitiliste organisatsioonide areng, mis mitme partei süsteemilt oli jõudnud fašistliku partei süsteemile, 1940. a. juulis jõudnud oma loomuliku lõpuni.

Eesti kodanluse kõige mõjuvõimsamaks poliitiliseks ja sõjaliseks organisatsiooniks oli Kaitseliit.⁶ Kaitseliidu erilist kaalu rõhutavad tema liikmete ja tema kui organisatsiooni teatud privileegid nii riigivõimu teostamisel, riigiorganite juhtiva koosseisu kujundamisel kui ka kodanluse kogu ülejäänud ühiskondlik-poliitilise elu juhtimisel. Eriti kajastub see noorsoo-organisatsioonide tegevuses ja noorsooliikumise riiklikus juhtimises, kus kodanluse tugevamad noorsoo-ühingud tegutsesid Kaitseliidu vahetel juhtimisel.

Kaitseliidu likvideerimise ülesande muutis lihtsamaks asjaolu, et vastavalt NSV Liidu ja kodanliku Eesti sõjaväevõimude 17. juuni 1940. a. kokkuleppele korjati tsiviilelanikelt (nende seas kaitseliitlastelt) relvad ning anti hoiule sõjaväeladudesse, maal — vallamajadesse. Relvade võtmine viidi läbi kahe päeva jooksul, jätmata

⁴ RT, 1940, 55, 498.

⁵ H. Habermann. Meenutusi ja mõtteid. — «Looming», 1964, nr. 6, lk. 890.

⁶ Kaitseliidu kohta vt. lähemalt M. Pesti. Rahvuslik reetmine «rahvusluse» sildi all. Tln., 1960; R. Saarma. Eesti kodanlik Kaitseliit. — Õigusteaduskonna aspirantide töid III. Tartu, 1970, lk. 46—59; E. Truuväli. Kodanliku riigi-aparaadi purustamine ja sotsialistliku riigiaparaadi loomine Eestis 1940/1941. a. (kand.-diss. käsikiri). Tartu, 1966, lk. 137—145; P. Vihaalem. Mida kujutas endast «Kaitseliit». — «Rahva Hää!», 11. juunil 1958.

seega võimalusi nende peitmiseks ja vastavate nimekirjade hävitamiseks.⁷

Pärast riigipööret oli ülesandeks kiiresti Kaitseliidu nimekirjad ja relvad arvele võtta ning Kaitseliidu staapide juurde RO valvepostid välja panna. Vastavalt siseministri korraldusele täideti see ülesanne Tallinnas, Narvas ja Tartus 22. juunil, mujal ööl vastu 24. juunit.⁸

Seetõttu koguti kokku kõik relvad, mis figureerisid Kaitseliidu ametlikes nimekirjades, ja anti üle Sõjaministeeriumile. Sellega oli Kaitseliit kui sõjaline organisatsioon faktiliselt likvideeritud. Kaitseliidu desarmeerimise täielikkust olid sunnitud tunnistama ka kodanlikud tegelased ise.⁹

27. juuni 1940. a. seadusega saadeti Kaitseliit laiali. Kaitseliidu kogu kinnis- ja vallasvara läks üle EKP-le, paljud tema ruumid ning hooned anti töölisühingute käsutusse, rahalised vahendid aga Sotsiaalministeeriumile.¹⁰ Samal ajal likvideeriti ka kõik Kaitseliidu juhtimisel tegutsenud nais- ja noorsoo-organisatsioonid.

Kaitseliidu likvideerimisel oli suur poliitiline tähtsus: «ta avaldas (kodanlusele — E. T.) masendavat mõju, jõuetuse tundmist», tunnistati Saksa fašistliku okupatsiooni aegses kirjanduses.

Seega: Kaitseliidu laialisaatmine tähendas kodanluse desarmeerimist, kodanliku riigiaparaadi ühe tugevama lüli purustamist ning tema kõige mõjuvõimsama sõjalis-poliitilise organisatsiooni hävitamist.

Kodanliku ühiskonna fašiseerumisprotsess tabas ka noorsooühinguid, mis samuti kohandati poliitilise režiimi erinõuetele. Viimased seisnesid järgmiste põhinõuete sissevõimises: ühingute tegevuse riiklik reglementeerimine ja juhtimine, militarism ja sõjaline kasvatus, juhikultus jne.

Iseloomulik on, et Eesti kodanluse noorsoo-organisatsioonid esialgselt tekkisid ja funktsioneerisid sisuliselt imperialistlike ülemaailmsete noorsooühenduste allorganisatsioonidena. Alles hiljem tekkisid kodanlusel omad rahvuslikud noorsoo-organisatsioonid — «Noored Kotkad» ja «Kodutütred», kuigi viimased nii oma struktuurilt kui ka tegevuse vormidelt seisid skautliku organisatsiooni alustel või jälgendasid fašistlikku «Hitlerjugend'it».¹¹

1930. aastate keskpaiku võeti juba varjamatult kurss noorsooühingute fašiseerimisele. Seejuures tuleb märkida, et Eestis säilita-

⁷ «Uus Eesti», 19. 06. 1940. Vallamajadest veeti relvad juba 20. juunil Kaitseliidu või sõjaväeladudesse — «Sakala», 20. juunil 1940.

⁸ «Päevaleht», 22. juunil 1940; «Kommunist», 1. augustil 1940; «Pärnu Teataja», 18. juulil 1940; «Meie Maa», 30. augustil 1940; «Rahva Hääli», 7. mail 1965.

⁹ Eesti rahva kannatuste aasta. I. Tln., 1943, lk. 12, 77, 79, 96—97.

¹⁰ «Rahva Hääli», 30. juulil 1940.

¹¹ Vrd. Noorte Kotkaste põhimäärused. Tln., 1930.

sid Inglise-Ameerika orientatsiooniga noorsooühingud küllaltki suure kaalu, kuigi paljud nende kohalikud juhid hiljem fašiste teenisid.¹² Kuuest suuremast noorsoo-organisatsioonist (kodanlikus Eestis olid need rangelt eraldi noormeestele ja neidudele) olid neli (Eesti Skautide Malev, Eesti Gaidide Malev, Eesti Noorte Meeste Kristlike Ühingute Liit ja Eesti Noorte Naiste Kristlike Ühingute Liit) vastavate ülemaailmsete organisatsioonide liikmed (keskustega vastavalt Inglismaal ja Ameerika Ühendriikides).

Noorsoo-organisatsioonide riigistamisel, s. t. nende muutmisel sisuliselt mitteühiskondlikeks organisatsioonideks on olulised nii nende tegevuse aluste (põhikirjade) väljatöötamine ja kehtestamine kord, juhtide nimetamine riiklike organite poolt kui ka sundorganiseerimine. Kogu see kompleks teostati 1936.—1938. a. jooksul, kuigi ette rutates peab ütleva, et nagu töörahva massiline allutamine korporatiivsetele kodadele, nii ei õnnestunud kodanlusel ka kogu noorsoo sundorganiseerimine. Viimast tunnistasid kodanlased ka ise. Seetõttu kujunes hiljem nende organisatsioonide likvideerimine ja noorsoo koondamine töörahva organisatsioonidesse küllaltki lihtsaks.¹³

Esimeseks sammuks noorsooühingute riigistamisel ja nende muutumisel fašistliku režiimi sotsiaalseks toeks sai riigivanema 7. oktoobri 1936. a. dekreet, millega seadusandlikult reglementeeriti nende tegevus ja loodi riikliku juhtimise keskus¹⁴ — Haridusministeeriumi Noorsoo Osakond, keda juhtis kolonel J. Vellerid. Osakonna töötajate enamik olid ohvitserid. Lisame juurde, et haridusministrina tegutses hilisem kindralstaabi ülem kindralmajor A. Jaakson.

17. juulil 1938. a. kuulutas K. Päts end kõigi noorsoo-organisatsioonide patrooniks, nimetades J. Laidoneri samal ajal kõigi noorsooühingute peavanemaks.¹⁵ Viimane sai õiguse ainuisikuliselt kinnitada ametisse noorsoo juhte ja esindada noorsooliikumist. Sellega asendati juhtide valitavus (ühiskondliku organisatsiooni demokraatismi üks põhitunnuseid) nende nimetamisega.¹⁶ Selle puhul märkis üks noorsoo-organisatsioonide reformi initsiaatoreid ja korraldajaid, politsei jt. taoliste reformide teostaja K. Eenpalu järgmist: «On tähtis, et noorsoo-organisatsioonid ei oleks mitte täiesti vabad valima omale noorsootööd otseselt juhtivaid isikuid, vaid et nende valik oleks sõltuv noorsoo kasvatust riiklikult juhtivate isi-

¹² V. Marmei. Kristlike noorsoo-organisatsioonide reaktsioonilisest olemusest kodanlikus Eestis. — Ajalooalaseid töid. TRU ÜTU ajalooringi kogumik. Tartu, 1962; K. Martinson. Millised noorsoo-organisatsioonid tegutsesid kodanlikus Eestis? — «Küsimused ja vastused», 1967, nr. 4.

¹³ S. Looberg. Murranguliste aastate noorus. — «Noorus», 1965, nr. 9, lk. 13—14.

¹⁴ RT, 1936, 82, 655.

¹⁵ RT, 1938, 33, 262.

¹⁶ Riigihoidja juhend noorsoo organiseerimise alal, nr. 1 — «Haridusministeeriumi Teataja», 1938, nr. 8, lk. 109.

kute tahtest, s. o. ennekõike presidendist ja sõjavägede ülemjuhatajast.»¹⁷ Eriti kriipsutati alla viimase osatähtsust, nõudes, et «noorsoo-organisatsioonid oleksid oma kohustuste ja ülesannete täitmisel kutsutud alluma sõjavägede ülemjuhatajale ja omandama esikäät riigikaitsealist vaimu...»¹⁸

Noorsoo sundorganiseerimisele pani aluse riigihoidja 1938. a. algusest pärinev juhend, millega ühinemise vabatahtlikkus muudeti sisuliselt kohustuseks. Järgmise sammuna nähti ette nende organisatsioonide ametlik riigistamine,¹⁹ kuid sellele tõmbas kriipsu peale alanud sotsialistlik revolutsioon.

1939. a. lõpuks kuulus kaheksasse kodanlikku noorsoo-organisatsiooni 55 880 liiget, neist Kaitseliidu juhtimisel tegutsenud Noorte Kotkaste ja Kodutütarde organisatsiooni 49 800 (vastavalt 19 800 ja 20 000).²⁰

Nagu märgitud, likvideeriti Noored Kotkad ja Kodutütred koos Kaitseliiduga. Teised noorsoo-organisatsioonid, mis juba kodanluse päevil olid allutatud sisekaitseülema kontrollile, likvideeriti hiljem nende juhtivate organite koosseisu muutmisega. Nii valiti Noorte Meeste Kristliku Ühingu juhatuse väljalangenud kodanlike tegevlaste asemele RO Üldstaabi liikmed L. Klaaser ja A. Brenner, Skautide Maleva Peastaabi ülemaks aga «Noorte Hääle» toimetaja kommunist R. Alasoo.

Kogu Eesti kodanluse diktatuuriperioodi iseloomustas kõrgema ohvitserkonna mõju kasv. Eriti selgepiirilisel tuleb see ilmsiks 30. aastatel, nn. «põhiseadusliku kriisi» perioodil. Üks rühmitus, nn. «vabadussõjalased», orienteerus varjamatult fašistlikule Saksa-maale, teine, mis toetas riigikorra autoritariseerimise teist teed, teostas faktiliselt 1934. a. riigipöörde ja etendas hiljem olulist osa riigikorra fašiseerimisel. Et veelah e nende kahe rühmituse vahel põhimõttelist laadi ei olnud, sellest annab tunnistust nii nende poliitilise põhijoone ühtimine kui ka hilisem ühine tegevus kodanluse diktatuuri ja fašistliku Saksamaa okupatsioonipäevil.

Armee kujunes reserviks, kust kodanlus sai kõige ustavamat kaadrit nii riigi keskaparaadi kui ka kohalike omavalitsuste tarvis: ohvitserid tegutsesid nii riiklikul, majanduslikul, kultuurilisel kui ka propaganda alal, juhtisid noorsoo jt. organisatsioone. Mõistetavalt pööras kodanlus seepärast erilist tähelepanu ohvitserkonna ideoloogilisele kujundamisele, kasutades mitmesuguseid organisatsioonilisi abinõusid selle kui erilise kasti (seisuse) väljakujundamisel. Tähtis koht kuulus siin ohvitseride ja allohvitseride kogudele. Viimased tegutsesid alates 1928. a., kusjuures mõlemad funktsioneerisid ühe ja sama põhikirja alusel.²¹

¹⁷ ORKA, 1108, 7, 24, l. 219.

¹⁸ Sealsamas, l. 198.

¹⁹ Eesti Vabariigi presidendi juhendi projekt noorsoo organiseerimise alal, nr. 2. — ORKA, 1108, 7, 195, l. 49—57.

²⁰ Haridusministeeriumi tegevus. Tln., 1939, lk. 30.

²¹ RT, 1927, 112.

Kogude ülesanded olid mitmesugused — üldise ja sõjaväelise ettevalmistuse tõhustamine, liikmete ideoloogiline kasvatamine, majanduslik abistamine, kultuuriline teenindamine jne. Nagu nähtub, püüdsid kogud hõlmata mitte üksnes ohvitserkonna teenistus-alaseid, vaid ka eraellu puutuvaid küsimusi, s. t. ideaaliks oli luua absoluutne kasarmumiljö ja seda mitte üksnes sõjaväelasele endale, vaid ka tema perekonnaliikmetele.

Kogudes valitses sõjaväeline distsipliin ja praktiliselt puudus siseorganisatsiooniline demokraatia. Kogude organid olid kitsa kompetentsiga ning sõltusid praktiliselt väeosade ülematest kõigis küsimustes. Analoogiline sõltuvus valitses ka tema keskorgani — keskkogu ja armee kõrgema juhtkonna vahelistes suhetes. On selge, et ohvitseride kogusid oma eesmärkide ja ülesannete poolest ei saanud lugeda demokraatlikeks organeiks. Ka polnud nad vabatahtlikud ega ühiskondlikud organisatsioonid. Nimelt kuulusid kogudesse automaatselt kõik ohvitserid, allohvitserid ja sõjaväeametnikud. Kogust vabatahtlik lahkumine või väljaheitmine polnud lubatud kogu teenistusaja vältel. Kogud olid riiklikud organisatsioonid, sest nende tegevuse lõpetamine ja likvideerimine kuulus üksnes valitsuse kompetentsi, kelle käsutusse pidi vastaval juhul minema ka nende vara.

Ülaltoodu põhjal on mõistetav nende organisatsioonide kokkubolimatus sotsialistliku riigiga ja nende likvideerimise poliitiline tähtsus armee lõplikul ümberkorraldamisel.

Piirivalve vägede kogud saadeti laiali ühel ajal piirivalve väekoondiste andmisega NSV Liidu Siseasjade Rahvakomissariaadi alluvusse pärast Eesti NSV vastuvõtmist NSV Liidu koosseisu.²²

Kõik teised ohvitseride ja allohvitseride kogud ning keskorganid likvideeriti presidendi 21. augusti 1940. a. dekreediga põhjal alates 31. augustist 1940.²³ Kogude varad, nende käsutuses olnud ruumid, kultuuriinventar jne. anti sõjaväe varustusameti ja revolutsiooniliste sõjaväekomiteede käsutusse, osa kultuuriinventarist (raamatukogud, klubid jne.) aga kohalikele kultuuriasutustele, keskkogu abistamiskapitali ja laenuhoiukassade summad sotsiaalministeeriumile, spordiinventar ja spordiehitused — noorsoo- ja spordiorganisatsioonidele.

Kogude ja nende asutuste likvideerimise käigust annab ülevaate järgmine kokkuvõte.²⁴

Kodanlikud ohvitseride ja allohvitseride kogud ei saanud küll kuni nende likvideerimiseni arendada mingit kaalukat poliitilist tegevust eeskätt sõjaväe poliitjuhtide ja sõjaväelaste komiteede olemasolu tõttu, kuid nende olemasolul juuni-juuli perioodil oli kahel-

²² Piirivalve ülema 2. augusti 1940. a. käskkiri — RT Lisa, 1940, 71—72.

²³ ENSV T, 1940, 25, 280.

²⁴ Kokkuvõtte koostatud järgmiste allikate alusel: RT Lisa, 1940, 75 ja «ENSV T. Lisa», 1940, nr. 1, 1—5.

Likvideerimise aeg	Ohvitseride kogud	Allohvitseride kogud	Kasiinod jt.	Sporidiühingud	Laenu-hoiukassad
1.—31. 08. 1940	2	7	—	6	1
1.—16. 09. 1940	37	35	2	6	5
Kokku:	39	42	2	12	6

damatult teatud moraalne kaal, mis aga nüüd nende likvideerimisega ära langes.

II

Igasugune klassidiktatuur tugineb teatud sotsiaalsele baasile. Mida kitsam on see baas, seda sügavamalt ilmneb antud režiimi kriis, seda enam peab valitsev klass kasutama klassiterrori äärmuslikke vorme.

Ekspluataatorlikud klassid on alati huvitatud küllaltki massiliste sotsiaalsete kihtidega selliste suhete loomisest, mille puhul diktaatorliku režiimi tegevus leiaks nende kihtide toetuse või vähemalt hoiaks ära nende aktiivse vastupanu. Fašismi kui ühe kodanliku poliitilise režiimi erivormi iseloomulikuks tunnuseks ongi see, et ta püüab luua sidemeid elanikkonna arvukate kihtide ja sotsiaalsete gruppidega, võimalust neid ekspluataatorliku korra huvides mobiliseerida ja poliitiliselt aktiivseks muuta.²⁵

Ülaltoodud põhjused tingisid ka kutsekodade loomise kodanlikus Eestis. Selle süsteemi kaudu lootis kodanlus saavutada tootmis- ja teenusteenuste järgi töölisi ühendavate ametiühingute mõju vähenemist (ideaalis nende lõplikku hävitamist), töörahva jõudude killusdamist, nende organisatsioonide allutamist töölisliikumise renegaatide ning seadusandluse kaudu riiklikule kontrollile.

Seni on kirjanduses märgitud, et korporatiivsete kodade loomise idee kerkis üles 30. aastate algul, kuid, leidmata kodanluse tollaegsete liidrite ja töörahva toetust, ei realiseerunud.

Fašistliku diktatuuri kehtestamist Eestis saatis demagoogiline kära vajadusest võidelda vapside vastu, mille ühe aktsioonina käsitleti ka kutsekodade loomist. Viimased, nagu teada, kujutasid

²⁵ А. А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967, стр. 178—179.

endast just fašistlikule poliitilisele režiimile sobivat tüüpi organisatsioon, mis põhimises ning isegi reas üksikasjus kattusid fašistliku Itaalia kutsekodadega.

Nõukogude Eesti ajaloolased ja juristid ei ole uurinud eraldi ning üksikasjalikult kodanlike kutsekodade tegevust. Viimastel on aga küllaltki oluline koht Eesti kodanluse diktatuuri viimase perioodi mehhanismi, meetodite ja poliitika mõistmisel.

Kutsekodade loomisel ka pärast 1934. a. riigipööret tuli kodanluse valitseval ladvikul arvestada tõsiselt erinevate sotsiaalsete gruppide suhtumist sellesse aktsioonisse. Küllaltki tõele lähedaselt on selle esitanud kodanlik teoreetik J. Vilms.²⁶ Ta märkis, et kõige enam on korporatiivse süsteemi vastu need kihid, kellel on suur sotsiaalne kaal ning kes kutsekodade loomisega selle faktiliselt kaotavad. Siia luges ta «põllumehed», s. o. suurmaapidajad (viimased kaotasid oluliselt oma poliitilise kaalu pärast Isamaaliidu asutamist ja ühtse kutsekodade süsteemiga nivelleerus nende mõju veelgi) ja tööstustöölised, «kes on läbi imbinud sotsialismist, on sotsialistliku erakonna peakandjateks ja kes korporatiivse korra puhul kindlasti poliitilisest kaalust kaotavad.» Korporatiivse süsteemi sotsiaalse toe moodustasid autori arvates väikemaapidajad, «kes tahavad näha oma esindajaid ega lepi suurtalude eestkostmisega, töösturid ja kaupmehed», kuigi küsitav on kõigi riigi- ja omavalitsuste ning eraettevõtete ametnike arvamine «toetajate» kategooriasse. Viimaste hulka kuulus nii omanikke kui ka vaid palgatööst elatuvaid (iseloomulik on selles osas Eraettevõtete Ametnikkude Koja liikmete rühmitus, kus esimesse rühma kuulusid ettevõtete palgalised juhid, teise kontori-ametnikud, kolmandasse äriteenijad).

Kõikval positsioonil olevaiks loeti käsitööstustöölisi, keskmääpidajaid, majateenijaid, põllutöölisi, kalureid jt., kes küll olid oma esinduste poolt, kuid üldiselt suhtusid korporatiivsesse süsteemisse pessimistlikult.

Kutsekodade loomise ajaks olid aga toimunud olulised ümberühmitused, mille tulemusena ülalmainitud üksikutest kategooriatest enamus oli asunud kutsekodade suhtes eitava positsioonile. See on üks kõige olulisem tunnus selle süsteemi antidemokraatlikust iseloomust. Mõistetavalt tuli valitseval kodanlikul ladvikul seda arvestada nii kodade moodustamise, esindusnormide ja esindajate valimise korra kindlaksmääramisel Riigikogusse kui ka nende organite komplekteerimisel. Kui jaotada kojad oma konkreetse eesmärgi poolest kolme rühma, siis kajastub ülaltoodu hästi juba kodade moodustamise ajalistes erinevustes.

Nii loodi kõige esmalt need kojad, mille ülesandeks on eeskätt suurbodanluse huvide ühendamine ja nende esindus. Siia kuulusid: Kaubandus-Tööstuskoda (1924), Põllutöökoda (1931), Maja-

²⁶ J. Vilms. Erakondadeta ühiskonna poole. Tln., 1933, lk. 123.

omanikkude Koda (1935)²⁷, samuti võib siia kuuluvaiks lugeda Kodumajanduse Koda (1935)²⁸ ja Ühistegevuse Koda (1935)²⁹.

Esimeseks kojaks oli juba 1924. a. loodud Kaubandus-Tööstuskoda, mille kujundas Riigikogu 1924. a. detsembris,³⁰ s. o. vahetult pärast 1924. a. 1. detsembri ülestõusu. Iseloomulik on ka see, et koja loomise orgkomiteesse kuulusid mitmed kodanluse poliitilised tegelased (esimehena toimis K. Päts ise, kes koostas ka vastava seaduseelnõu); esimeseks ettepanekuks kojale oli ärimaksu tõstmine 5% võrra ning saadud vahendite eraldamine Kaitseliidu tugevdamiseks.

Analoogilises seadusandlikus korras asutati ka Põllutöökoda 1931. aastal, kõik ülejäänud kojad aga aastatel 1934—1936 riigihoidja dekreediga.

Ülaltoodud arvestades on meie arvates õige, et faktiliselt eksisteerisid kodanlikus Eestis juba enne 1934. a. korporatiivset tüüpi organisatsioonid, mille ülesandeks oli suur kodanluse konsolideerimine nii teiste kodanlike rühmituste (kesk- ja väikekodanluse) kui ka töörahvavastaseks ühisrindeks. Sellele liitusid pärast 1934. a. veel teised ülesanded, neist erilise sotsiaalse tähendusega on töölisklassi lõhestamist ning ametiühingute tegevust takistavaid eesmärgi järgivate kodade loomine.

Teise rühma kutsekodadest moodustasid kõrgema kvalifikatsiooniga spetsialistide esindused — agronomide, arstide, inseneride, loomaarstide, rohuteadlaste, õpetajate ja meierite koda (viimaste siia arvamine on küll mõnevõrra tinglik). Need kojad loodi valdavalt 1934.—1935. a. jooksul, välja arvatud Õpetajate Koda (1936), mille asutamisel tuli ületada progressiivse Eesti Õpetajate Liidu vastupanu.

Selle rühma kojad täitsid kodanluse diktatuuri mehhanismis erilist osa: nad võimaldasid intelligentsi teatud allutamist kodanlikule riigile, nende eraldamist töötavatest hulkadest ja andsid kooperasiivsele süsteemile demokraatlikuma ilme (sama meetodit kasutasid ka XVIII sajandi «valgustatud monarhid», kuigi nemad piirdusid vaid üksikute filosoofide jt. koondamisega oma õukonda).

Kolmanda rühma kodade moodustamise eesmärgiks oli töörahva klassivõitluse lõhestamine, ametiühingute jt. töörahva organisatsioonide hävitamine või nende mõju oluline vähendamine. Siia kuulusid Tööliskoda, Maatöölise ja Väikemaapidajate Koda, Kalanduskoda³¹ ning teatud reservatsioonidega ka Eraettevõtete

²⁷ Enamasti oli iga suurtööstur ja -kaupmees ka majaanik.

²⁸ Nende kodade sellesse rühma lugemise õigsust kinnitavad ühelt poolt nende tegevuse eesmärgid kui ka juhtivate organite isikuline koosseis. Nii oli Kodumajanduskoja esinaiseks kauaaegne Naiskodukaitsese esinaine K. Eenpalu (11-kordse ministri abikaasa). Ühistegevuskoja eesotsas seisis aga mitmekordsed ministrid A. Kask ja kindral J. Soots.

²⁹ «Päevaleht», 8. novembril 1935 ja sama kuupäeva «Uus Eesti».

³⁰ RT 1924, 148.

³¹ Esindas ka kalanduskooperatiive.

Ametnikkude Koda (eriti selle teise ja kolmanda kategooria liikmed): Iseloomulik on, et kõik need kodjad asutati 1936. aastal.

Kutsekodade poliitilised ülesanded sõnastas K. Päts 1935. aastal Isamaaliidu Keskkomitee täiskogus peetud kõnes: «Nüüd peame endid organiseerima nii, et meie organiseeritud seltskond moodustaks jõu, millele võiks riik toetuda, mis võiks riigile appi tulla, kui riik on hädaohus», s. t. kaitsma fašistlikku režiimi.

Varsti määratleti kutsekodade poliitiline ülesanne — nad peavad olema poliitiliste voolude «tasakaalustajad». Milline see «tasakaalustaja» konkreetne osa diktatuurivõimu süsteemis tegelikult oli, see selgus nii Rahvus- kui ka Riigikogu kujundamisel.

Demagoogiliselt fikseeriti Tööliskoja ülesanded: tööstustöölise esindamine ja kaitse majanduslike, sotsiaalsete ja kultuuriliste huvide alal. Tegelikke eesmärke aga ei varjanud isegi kodanlus. «Tööliskoja loomine osutus kogu meie iseseisvuse ajal kestnud kommunismi ja internatsionaalse sotsialismi vastase võitluse järjeks. Tööliskoda taotles internatsionaalse sotsialismi mõju murdmist, ettevalmistust meie tööliskonna oma maailmavaate ja riiki-toetava hoiaku kujunemisele».³² Seega langesid tema tegelikud taotlused sisuliselt ühte natsliku «Saksa Rahvusrinde»³³ taotlustega, kuigi esimene oli viimase väike ja sugugi mitte võimas koopia.

Väikekodanlikke elemente ühendavate kodade ülesanded olid selgemad — kaasaaitamine sotsiaalsete vahekordade leplikule lahendamisele ühiskondliku rahu ja koostöö saavutamiseks (Käsi-tööstuskoda) jne.³⁴

Kodjad olid täielikult sõltuvad keskviimusest. Nad allutati vastava ministri järelevalvele, kes võis tagandada juhatuse liikmeid ja ametnikke, teha valitsusele ettepaneku koja laialisaatmiseks jne.

Näiteks Tööliskoja juhatuse viimase koosseisu oli määranud president töölisliikumise parempoolsetest tegelastest, kes kodanlust truult teenisid. Nii toetasid Tööliskoja juhid 1938. a. Riigikogus Kaitseisikorra kehtestamist³⁵, võtsid osa 1940. a. reaktšionilisest «Balti nädalast» jne.³⁶

Valitsusele antud õigust kodade koosseisust sobimatute isikute eemaldamiseks kasutati ka praktikas: 1936. a. arvati Tööliskoja juhatusest välja V. Jaanus.³⁷

Kodade esindusorganite valimise kord oli reguleeritud nii, et neisse pääsesid ainult valitsusele meelepärased ja kuulekad isikud. Selleks kasutati mitmesuguseid tsensusi (vanus, varandus, teataval tööalal tegutsemise aja tsensus jne.). Valitud organite isikulise

³² Tsiteeritud O. Kuuli ja A. Liebman. Osund. teos, lk. 375 järgi.

³³ А. Галкин. Ук. соч., стр. 202—203, 231.

³⁴ RT, 1936, 48, 391.

³⁵ Riigivolikogu I kocsseis. Stenograafilised aruanded. Tln., 1938, lk. 216.

³⁶ «Päevaleht», 16. juunil 1940.

³⁷ O. Kuuli ja A. Liebman. Osund. teos, lk. 379.

koosseisu kinnitas vastav minister, kusjuures viimasel oli alati õigus valitud isikuid nendest organitest välja arvata. Esindusorganite valimisel olid ka koja liikmeskonna õigused diferentseeritud. Nii näiteks jaotati Kaubandus-Tööstuskoja põhikirja § 15 järgi valijad kuude kuuriasse, kusjuures I kuuria 283 liiget valisid sama palju esindajaid kui viimase kuuria 3918 liiget. Eriti keerukas oli Tööliskoja enda kui ka tema organite valimise kord, mille muutmist korduvalt nõuti.³⁸

22. septembril 1936. a. tagandasid võimud Eesti Töölisühingu Keskliidu valitud juhatuse ning asendasid selle valitsusele kuuleka juhtkonnaga. Presidendi 19. aprilli 1938. a. dekreediga «Töövõtjate kutseühingute ja nende liitude seadus» suruti ametiühinguliikumine täielikult fašistliku kliki kontrolli ja reguleerimise alla. Seadus nägi ette ametiühingute üleviimise uutele «normaalpõhikirjadele», mis tuli registreerida Siseministeriumis. Veelgi enam: ametiühing nime-tati kutseühinguks ja viimases keelati igasugune poliitiline tegevus. Iseloomulik on, et antud õigused kutseühingute üle kontrolli teostamisel kui ka nende juhtiva koosseisu asendamisel jne. olid reguleeritud enamasti määratlemata hüpoteesiga õigusnormidega. Kuid ei ülalmainitud ega ka kutsekojad võimaldanud ametiühinguid likvideerida. Juba ööl vastu 21. juunit 1940 levitatud lendlehes «Üleskutse Tallinna töörahvale fašistliku valitsuse kukutamiseks» oli allakirjutanutel seas — «Üleriiklik Kutseühingute Keskliit (üle võetud ametiühingute poolt)».³⁹

22. juunil, tuginedes samast kuupäevast pärinevale deklaratsioonile,⁴⁰ otsustas Eestimaa Töölisühingute Keskliidu ajutine juhatuse (asendas valitsusele kuuleka juhtkonna pöörde toimumise ajal) «jätkata Keskliidu tegevust põhikirja alusel, mis kehtis kuni Kutseühingute seaduse jõusse astumiseni»,⁴¹ s. o. faktiliselt muutis presidendi 19. aprilli 1938. a. dekree (!) ning andis kutseühingutele tagasi nende ametiühingulised funktsioonid.

Antud momendil oli selle otsuse praktilis-poliitiline tähendus veel ka selles, et ta peatas sisuliselt kutsekodade, eriti Tööliskoja tegevuse. Viimasega seletuski kutsekodade seadusandlikus korras likvideerimise viibimine, kusjuures praktiliselt osa Tööliskoja jt. kodade funktsioone anti töölisühingute liitudele, nende seas kogu tööliskonna esindamise ainuõigus, eriti oma esindajate kaudu osavõtmine riigivõimu teostamisesi (Sotsiaalministeriumi mitmesugused komisjonid, Valimiste Peakomitee, ringkondade komiteed jt. organid).⁴² Hiljem lisandusid siia veel teised ülesanded, mis sisu-

³⁸ I. Rebane. Tööliskoja ettepanekud töölisvanemate seaduse muutmiseks. — «Tööliskoja Teataja», 1937, nr. 3, lk. 76.

³⁹ 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale. Tln., 1940, lk. 141.

⁴⁰ «Rahva Hääl», 22. juunil 1940.

⁴¹ 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis, lk. 149.

⁴² «Rahva Hääl», 27. juunil 1940; ORKA, R-3, l. 104, l. 1, 10—13; Tallinna Linna Riiklik Arhiiv, 82, l. 2042, l. 28—29 jne.

liselt muutsid kodad fiktsioonideks. Sellepärast oli ka kodade likvideerimine puhttehniline aktsioon, kuid selle poliitiline tähendus — kodanluse diktatuurimehhanismi ühe osa hävitamine — oli küllaltki oluline, seda enam, et revolutsiooniline rahvas seda ise nõudis.⁴³

13. juuli 1940. a. seadusega likvideeriti Tööliskoda⁴⁴. Seadusel oli tagasiulatav jõud, lõpetades koja tegevuse alates 5. juulist 1940, s. t. et siin revolutsiooniline seadusandlus jäi oluliselt maha tege-likkusest. Viimast võib seletada rea taktikaliste kaalutlustega.

Kutsekodade likvideerimine toimus järgmiselt: kuni 21. juulini likvideeriti 5 koda, 1. augustiks aga ülejäänud 12 koda.⁴⁵

Kõigi kodade (peale suurkodanlust ühendavate) funktsioonid anti üle teistele organitele või organisatsioonidele. Nii anti nende sotsiaal-poliitilised ülesanded kas ametiühingutele (töölisliitudele) või seltsidele (näit. Agronoomide Seltsile vastava kutseala inimeste esindamine), varalised õigused ja kohustused — vastavatele ministeeriumidele (Tööliskoda, Õpetajate Koda jt.) või teistele ametkoda-tele ja kooperatiivsetele liitudele (Käsitööstuskoda, Kalanduskoda).

Ülaltoodust nähtus, kuidas kodanluse katsed kindlustada end oma sotsiaalse baasi poliitilisi eesmärke taotlevate organisatsioonide kaudu ei andnud märkimisväärset tuge riigivõimule ning kuidas saabus nende loogiline lõpp. Seejuures kasutati kodanluse dik-tatuurimehhanismi vähem fašiseerunud osade likvideerimisel teist-sugust taktikat, tugevdades sellega veelgi kodanlusevastast ühis-rinnet ja desorienteerides kodanlust.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ БУРЖУАЗИИ В ЭСТОНИИ И ИХ ЛИКВИДАЦИЯ В 1940 ГОДУ

Э.-Ю. Труувяли

Резюме

В фашизированных государствах резко возрастает роль общественно-политических организаций в механизме диктатуры буржуазии. Именно через это происходит и процесс сращивания государственного аппарата с монополиями, милитаризация государственного аппарата и сужение социальной сферы правителей.

В буржуазной Эстонии с 1934 по 1940 год особую роль сыграли как правящая партия («Исамаалийт»), так и военная организация «Кайтселийт» и корпоративные учреждения, созданные по

⁴³ Vt. 1940. aasta sotsialistlik revolutsioon Eestis, lk. 73 (s. o. juba 1939. aastal), 153, 165 jt. (s. o. pärast juunipööret).

⁴⁴ RT, 1940, 67, 645.

⁴⁵ RT, 1940, art. — 675, 676, 680, 725, 785, 810—816, 832—833, 866—867.

примеру итальянских фашистских организаций. Последние фактически превращались в органы государства.

Следовательно, при сломе буржуазного государственного аппарата необходимо ломать и эти учреждения, хотя тактика и методы их ликвидации в некоторой степени отличаются. Автором поднимается важность исследования этого процесса и делается первая попытка в этой области.

KODANLIKU EESTI MAJANDUSLIKE ORGANISATSIOONIDE LIKVIDEERIMINE 1940. AASTAL

Aspirant M. Ruus

Riigi ja õiguse ajaloo kateeder

Uue ühiskonna ehitamiseks vajab proletariaat «riigivõimu, tsentraliseeritud jõu organisatsiooni, vägivalla organisatsiooni nii eksploateerijate vastupanu mahasurumiseks kui ka määratu suure rahvastiku massi — talurahva, väikekodanluse ja proletaarlaste juhtimiseks sotsialistliku majanduse «korraldamisel»». ¹ Proletariaadi riigivõim peab sekkuma majandusellu, et kõrvuti kodanluse poliitilise organisatsiooni purustamisega likvideerida ka tema majanduslikku ülemvõimu. Selle aluseks on kapitalistliku omandusvormi likvideerimine ja peamiste tootmisvahendite ühiskonnastamine.

Kodanliku Eesti majanduse mitmesuguste organisatsioonide likvideerimisele või ümberkorraldamisele asuti revolutsiooni esimestest päevadest alates. Et rahvamajanduses töö ei katkeks, teostati seda järk-järgult. Selle perioodi esmaseks ülesandeks sai riikliku kontrolli kehtestamine kodanluse majandusliku, eelkõige aga finantsalase tegevuse üle. Selleks kasutati ka kodanlikku seadusandlust kodanluse enda vastu. Nii andis majandusminister 29. juunil 1940 toor- ja tarbeainetega varustamise korraldamise seaduse alusel määruse ², mis keelas toor- ja tarbeainete hindade tõstmise. Määrus oli tagasiulatava jõuga — põhjendamatult tõstetuks loeti hindu, mis ületasid 15. juuni 1940. a. taseme. Müügihindade üle järelevalve ja kontrolli teostamiseks moodustati Majandusministeeriumi juurde Hindade Inspektor. ³ Nimetatud määrus keelas kõr-

¹ V. I. Lenin. Riik ja revolutsioon. Teosed. 25. kd., lk. 377.

² RT, 1940, 57, 513.

³ RT, 1940, 59, 551.

valdada müügilt või varjata toor- ja tarbeaineid.⁴ Kuna oli karta, et kodanlus püüab ulatuslikult kapitale kõrvaldada, moodustas valitsus valuutaoperatsioonide kontrollimiseks erikomisjoni, mille ülesandeks oli takistada kapitali väljaviimist välismaale.⁵ Riiklikku kontrolli süvendas veelgi vabariigi presidendil 18. juuli 1940. a. dekreet «Väärtpaberite käibe korraldamise seadus»⁶, mis keelas väärtpaberite üleandmise, pantimise ilma Majandusministeeriumi loata. Toimingud väärtpaberitega, mis kahjustasid riigi huve või teostati varade kõrvaletoometamise eesmärgil, tühistati tagasiulatuva jõuga alates 21. juunist 1940. Kõiki isikuid, asutusi ja ettevõtteid kohustati nende omanduses olevaid väärtpabereid registreerima hiljemalt 20. juuliks Majandusministeeriumis. Registreerimisele ei kuulunud riigiasutuste ja ettevõtete väärtpaberid ning kooperatiivsed osatähed.

Igasugused tehingud väärtpaberitega lõpetas presidendil 8. augusti 1940. a. dekreet, mida konkretiseeris järgmisel päeval ilmunud majandusministri «Väärtpaberite käibe lõpetamise määrus»⁷. Viimane kohustas kõiki isikuid, asutusi ja ettevõtteid, kelle valduses oli väärtpabereid, andma need hoiule hiljemalt 14. augustiks Eesti Panka või selle osakondadesse.

Kodanluse majanduslikku tegevust piiras eriti üldise moratooriumi kehtestamine kõigis kommerts- ja linnapankades, ühistegelikes krediidi-asutustes, Eesti Pangas ja Riigihoiukassas.⁸ Esialgu kehtestati moratorium 19. augustini 1940, kuid hiljem pikendati seda korduvalt.⁹

Finantsalast kontrolli ettevõtete üle suurendas veelgi presidendil 23. juuli 1940. a. dekreet, mis kohustas 1. ja 2. järgu kaubandus- ja 1.—5. järgu tööstusettevõtete omanikke paigutama krediidi-asutustesse nende ettevõtete tegevusest laekunud summad, mis jäid järele ettevõtte normaalse tegevuse jätkamiseks tehtud kulutustes.¹⁰ Kõiki nimeatuid ettevõtete omanikke kohustati koostama aruanne eelmise tööpäeva ärilise tegevuse kohta, märkides ära eelmisel päeval laekunud summade kokkuvõtte ja tehtud väljaminekute üldsumma. Krediidi-asutustesse sissemakstud summasid võisid nende arvete omanikud kasutada ettevõtete töölistele ja teenistujatele töö-

⁴ Näiteks A/S «Globuse» direktoreid karistati jalgade müügilt kõrvaldamise ja nende hindade tõstmise eest 67%. — «Rahva Hää!», 5. juulil 1940.

⁵ I. Sildmäe. Nõukogude võimu taaskehtestamisest Eestis 1940. a. suvel. — TRÜ Toimetised. Õigusteaduskonna töid. Tartu, 1959, lk. 15.

⁶ RT, 1940, 69, 678.

⁷ RT, 1940, 98, 959, 965. Lõpetati järgmiste väärtpaberite käibe: nimeta ja nimelised eelis- ja põhiaktsiad, osühistute osatähed, obligatsioonid, pantkirjad, pantlehed ning võlakirjad, vaatamata sellele, kas nende väljaandjaks oli riik, omavalitsused, eraisikud, asutused või ettevõtted, samuti olenemata sellest, kas nad olid sise- või välismaise päritoluga.

⁸ RT, 1940, 70, 688; 72, 718—720.

⁹ Vt. lähemalt ENSV T, 1940, 8, 94; 26, 297; 43, 502; 74, 1049; ENSV T, 1941, 14, 168.

¹⁰ RT, 1940, 78, 747.

tasude maksmiseks, vajalike toor- ja tarbeainete ning töövahendite muretsemiseks ja äriliste kohustuste katmiseks.

Kapitalistliku majanduselu keskuseks on aga teatavasti pangad. Nad on nagu rahvamajanduse «närvisõlmed». Kodanliku Eesti pankade süsteemi eesotsas seisid kolm suuremat erapanka (A/S G. Scheeli Pank, Tartu Pank, Krediitpank), millele bilansid moodustasid 1939. a. 66,5% olemasoleva 15 erapanga bilanssidest. Just pankade kaudu allutas välismaine kapital endale Eesti majanduse.¹¹ Ka emissiooni keskpanga — Eesti Panga tegevuses olid juhtival kohal suurärimehed.¹² Eriti iseloomustav oli aga nimetatud pangale, et kui erapangad võisid anda krediiti hoiuste või Eesti Pangast saadud laenude alusel, siis Eesti Pank sai põhilise osa rahast riigikassast.

Nagu märgitud, oli esimeseks sammuks pankade tegevuse kontrollimiseks üldise moratooriumi kehtestamine. Juhendis moratooriumi kohta¹³ märgiti, et hoiusummade ja teiste panga kohustuste väljamaksmine, ülekandmine teistele arvetele oli lubatud 100 krooni ulatuses kuus iga isiku kohta. Kaubandus- ja tööstusettevõtete omanikele lubati teostada väljamakseid töömahu alalhoidmiseks ja enne moratooriumi väljaantud vekslite tasumiseks.

Eespool vaadeldud abinõud piirasid kodanluse majanduslikku tegevust ja kindlustasid kapitalistide varanduste võimalikult täielikuma ülemineku töötava rahva kätte. Kuid «ainult pankade natsionaliseerimisega võib saavutada seda, et riik teab, kuhu ja kuidas, kust ja kunas rändavad miljonid ja miljardid».¹⁴ PANGAD natsionaliseeriti 23. juuli 1940. a. Riigivolikogu üldtuntud deklaratsiooni alusel. 26. juulil kinnitas vabariigi valitsus natsionaliseerimisele kuuluvate pankade nimekirja ja 6. augustil kinnitati täiendav nimekiri.¹⁵

Natsionaliseeritud krediitiasutuste tegevust reguleeriti majandusministri 15. augusti 1940. a. määrusega.¹⁶ Krediitiasutusi kohustati kindlustama krediteerimine seoses kaubandus-tööstusliku tegevusega, ehituste lõpetamisega või põllumajandusliku tootmisega (väetiste, loomatoidu või seemnevilja soetamiseks). Lõpetati laenu andmine isiklikuks otstarbeks. Õigus laenu anda isiklikuks vajaduseks anti üksnes hoiu- ja laenukassadele.

¹¹ Vt. lähemalt O. Sepre. Eesti kodanlik riik monopolide teenistuses. Tln., 1963, lk. 78.

¹² Osund. teos, lk. 92—95. Eesti Panga põhikapital oli riigi kapital. Asutati valitsuse otsusega 1919. a. Hiljem kujunes pank riigi aktsiate müügi teel tööliks aktsiapangaks. Panka juhtisid president, juhatus ja nõukogu. Neist presidendi määras valitsus viieks aastaks, direktorid valis nõukogu presidendi ettepanekul. Nõukogu koosnes presidendist, kahest presidendi nimetatud direktorist ja seitsmest aktsionäride täiskogul valitud liikmest. 1931. a. alates kuulus pangale valuuta ostu-müügi ainuõigus. Panka koondunud finantssidemete kaudu jaotati jöupositioonilt lähtudes ümber riigi vara.

¹³ RT, 1940, 70, 689.

¹⁴ V. I. Lenin. Teosed. 25. kd., lk. 308.

¹⁵ RT, 1940, 82, 779; 95, 939.

¹⁶ RT, 1940, 103, 1038.

Kuna Eesti Panga seisund oli teiste pankadega võrreldes erinev, siis korraldati presidendi 21. augusti 1940. a. dekreediga ümber tema juhtivad organid.¹⁷ Vastavalt sellele läksid panga nõukogu ülesanded panga juhatusele ja panga täiskogu ülesannete täitjaks määrati vabariigi valitsus. Eesti Pank sai ka Riigihoiukassa peakontori ülesanded.¹⁸

Pankade tegevuse üldjuhtimine pandi aga Majandusministeeriumi juurde moodustatud Pankade Juhtimise Komiteele.¹⁹

Kodanlikus Eestis oli ka laialdane ühistegelike krediitiasutuste võrk: ühispannad, hoiu- ja laenukassad, ühistegelik keskpank.²⁰ Nimetatud krediitiasutuste ellukutsumiseks pidi olema majandusministri luba. Enamus nendest tegutses maal ja vastavalt sellele olid ka liikmeskonnas ülekaalus põllumehed.²¹

Kuivõrd ühistegelikud krediitiasutused olid kodanlikud organisatsioonid, siis oli nende tegevuse ümberkorraldamine vajalik samm. Ühispannad kuulusid natsionaliseerimisele Riigivolikogu 23. juuli deklaratsiooni alusel. Töötavate talupoegade abistamiseks tootmiskrediidi saamisel organiseeriti ENSV Rahvakomissaride Nõukogu 23. oktoobri 1940. a. määrusega NSVL Põllumajanduse Panga Eesti Vabariiklik Kontor, andes talle üle Eesti Maapanga²², millega oli liidetud ka Eesti Maakrediitselts²³ ning 90 ühispanka. Viimaste baasil organiseeriti 60 põllumajanduslikku krediidiühingut. Rahvakomissaride Nõukogu 28. detsembri 1940. a. määrusega suurendati põllumajanduslike krediidiühingute võrku 120 üksuseni.²⁴ Samuti kinnitati krediidiühingute põhikirja ning nõuti juhataste ja nõukogude valimiste ning põhikirja vastuvõtmise läbiviimist 1. märtsiks 1941. Krediidiühingul olid juriidilise isiku õigused ja kohustused. Ta võis oma liikmetele anda laene, vastu võtta hoiuseid, teha laene Põllumajanduspannas, astuda korrespondentsvahekorra krediitiasutustega, teostada muid põhikirjas ettenähtud toiminguid ja operatsioone.

Töötavate talupoegade põllumajanduslikesse krediidiühinguisse ühinemise kergendamiseks lubati endisse ühistegelikku krediitiasutusse sissemakstud osamaks üle kanda sama liikme osamaksu

¹⁷ RT, 1940, 107, 1080.

¹⁸ Säälsamas, 1081.

¹⁹ RT Lisa, 1940, 69.

²⁰ 1938. a. lõpul tegutsesid Eestis 175 ühispanka ja 43 hoiu-laenukassat. Panguanduses oli neil 52% hoiustest ja 48% laenudest. Keskpangana tegutses Ü. K. Eesti Rahvapank, millel oli 1938. a. liikmeid: keskühinguid 6, ühistegelikke krediitiasutusi 154, ühiskaubandusühinguid 34, piimaühinguid 8, kartuliühinguid 2, masinaühinguid 2, ehitusühinguid 4, muid ühinguid 20. Vt. Eesti Ühistevõrgu Aastaraamat II kd. Tln., lk. 5 ja 17. Edaspidi: EÜA. II.

²¹ 1937. a. lõpul tegutses linnades 48,37% ja maal 51,63% ühistegelikest krediitiasutustest. — EÜA. I, lk. 24. Liikmeskond jagunes järgmiselt: põllumehi 58,68%, ametnikke 16,39%, majaanikke 9,72%, kaupmehi 3,83%, töölisi 0,66%, kalureid 0,68%. — EÜA. II, lk. 6.

²² ENSV T, 1940, 34, 387.

²³ RT, 1940, 109, 1111.

²⁴ ENSV T, 1940, 70, 946.

arvele põllumajanduslikus krediidiühingus.²⁵ NSVL Rahvakomis-
saride Nõukogu korraldusega lubati NSVL Rahanduse Rahvakomis-
sariaadil vabastada Leedu, Läti ja Eesti põllumajanduslikud kre-
diidiühingud alates 1. jaanuarist 1941 tulumaksust.²⁶

Vabariigi territooriumil asunud hoiukassade võrk anti üle ENSV
Töö-Hoiukassade Valitsuse Peakontorile. Nimetatud asutus ja Riik-
liku Krediidi Valitsus organiseeriti Eesti NSV Rahvakomissaride
Nõukogu määruse²⁷ alusel 29. novembril 1940. Rahanduse Rahva-
komissariaadile ja Riikliku Töö-Hoiukassade Valitsusele ja Pea-
kontorile tehti ülesandeks avada 15. detsembriks 1940 keskkassad
vabariikliku alluvusega linnades ning esimese järgu hoiukassad
Tallinnas, Haapsalus, Kuressaares, Rakveres, Paldiskis, Võrus, Val-
gas, Petseris ja Viljandis. Riikliku krediidi- ja hoiuasjanduse areng-
ule kaasaaitamiseks loodi vastavalt ENSV Rahvakomissaride
Nõukogu määrusele 1. maiks 1941 maakondade, linnade ja valdade
täitevkomiteede, kõigi ettevõtete, kolhooside ja käsitööstuslike artel-
lide juurde vastavad kaastöökomisjonid.²⁸

Korraldati ümber ka teiste natsionaliseeritud pankade töö. Pika-
laenu-panga baasil loodi NSVL Tööstuspanga Eesti Vabariiklik
Kontor.²⁹ Organiseeriti Eesti Vabariiklik Kommunaalpank.³⁰ Vii-
mase juhtimisele allutati Tallinna, Tartu ja Narva linnapangad.
Panga tegevuse eesmärgiks oli kaasa aidata vabariigi kommunaal-
ja elamumajanduse arendamisele ja ehitustegevuse finantseerimi-
sele. Pank võis ENSV Rahvakomissaride Nõukogu loal avada oma
filiaale, nimetada volinikke linnadesse ja asustatud punktidesse.

Ümberkorraldustöö tulemusena likvideeriti kodanlik krediidi-
asutuste süsteem. Eriti oluline oli see, et loodi riiklikud pangad, mis
vastavalt oma vajadustele võisid avada osakondi ja filiaale. Seega
käidi V. I. Lenini kavandatud teed, kes kodanliku pangandussüs-
teemi ümberkorraldamisest kirjutas: «Suured pangad ongi see riik-
lik aparaat, mida me vajame sotsialismi teostamiseks ja mille me
võtame valmina kapitalismilt, kusjuures meie ülesandeks on siin
vaid kõrvaldada see, mis seda suurepäraselt aparaati kapitalistlikult
moonutab, ja muuta see veel suuremaks, veel demokraatlikumaks,
veel kõikehõlmavamaks.»³¹

Pankade natsionaliseerimine kergendas ka samaaegset kindlus-
tasajanduse ümberkorraldamist. Kodanlikus Eestis olid juhtposit-
sioonil kindlustusaktiivselt ja ühiskindlustus. Viimase keskseks
organiks oli Eesti Ühistegelik Kindlustus — keskselt, mille liik-

²⁵ ENSV T, 1940, 72, 997.

²⁶ ENSV ORKA. f. R-1, nim. 1, sü. 32, l. 5.

²⁷ ENSV T, 1940, 58, 702.

²⁸ ENSV T, 1941, 41, 616.

²⁹ ENSV T, 1941, 2, 8.

³⁰ ENSV T, 1940, 52, 603.

³¹ V. I. Lenin. Teosed. 2. kd., lk. 375.

meks olid ühistegelikud kindlustuskassad ja -seltsid.³² 1935. a. asutati valla kindlustusseltside keskasutisena Eesti Edasikindlustuse Keskühisus, mille tegevus seisnes peamiselt tuleõnnetuste ja koduloomade hukkumise vastu kindlustamises. Ühiskindlustus hõlmas 65% kindlustusest üldse.³³

Suuremad kindlustusaktsiaseltsid, ühistegelikud kindlustusseltsid kuulusid natsionaliseerimisele Riigivolukogu 23. juuli deklaratsioonil alusel ja vastav nimekiri ilmus 28. juulil 1940.³⁴ Vabariigi kindlustusajanduse korraldamiseks ja juhtimiseks loodi Majandusministeeriumi juurde Kindlustuse Talitus.³⁵ Viimasel oli õigus moodustada abiorganeid, võtta oma vahetule juhtimisele kindlustus-asutusi, anda kindlustusi ja teostada vajaduse korral kõiki kindlustusoperatsioone. Kindlustuste arvel laekunud preemiad ja muud tulud kanti Kindlustuse Talituse eriarvele Eesti Pangas.

Vabariigi presidendi 17. augusti 1940. a. dekreediga lõpetati tööõnnetuste-kindlustusühingu «Ühisoma» tegevus ja ta varad, õigused ja kohustused läksid üle Eesti Tööliste Kindlustusühingule alates 1. septembrist 1940.³⁶ Mitmed natsionaliseeritud kindlustusseltsid likvideeriti nende liitmise teel teiste kindlustusasutustega. Näiteks natsionaliseeritud ühistegelik kindlustusselts «Kalju» liideti natsionaliseeritud Eestimaa Kindlustusaktsiaseltsiga «EKA», «Turis» natsionaliseeritud kindlustusaktsiaseltsiga «Eesti Lloyd».³⁷

Et vastavalt 25. augustil 1940 vastuvõetud Eesti NSV Konstitutsioonile kuulus kindlustusajanduse juhtimine vabariigi kõrgemate võimu- ja valitsemisorganite kompetentsi, siis kooskõlas ENSV ajutise Ülemnõukogu Presiidiumi 12. oktoobri 1940. a. seadlusega natsionaliseeriti kõik seni veel natsionaliseerimata kindlustusasutused.³⁸ Kõigi endiste kindlustusasutuste tegevus loeti lõppenuks

---

³² Ühistegelikud kindlustuskassad tegutsesid (tule, murdvarguse, rahe ja koduloomade hukkumise vastu kindlustamise alal) vastastikuse abistamise põhimõttel ja nende tegevuspiirkonnaks oli üks vald või alev. Laiemas piirkonnas võisid nad tegutseda ainult majandusministri eriloal. Liikmeskond koosnes peamiselt talupoegadest, teiste (käsitöölised, ühingud jne.) arv oli väike. — Vt. EÜA, I, lk. 61—62. 1938. a. oli Eestis tegutsevaid ühistegelikke kindlustuskassasid 337. — Vt. EÜA, II, lk. 16.

Linnades tegutsesid ühistegelikud kindlustusseltsid. Nad võisid tegutseda kõigil kindlustusaladel ja nende tegevuspiirkond ei olnud seadusega piiratud. Kindlustusseltsid, kelle osakapital vastas kindlustusaktsiaseltsi alammäärale, võisid sõlmida kindlustuslepinguid peale oma liikmete ka teiste isikutega. — Vt. EÜA, I, lk. 67. 1938. a. tegutses Eestis 14 kindlustusseltsi. — Vt. EÜA, II, lk. 23.

³³ EÜA, I, lk. 17.

³⁴ RT, 1940, 85, 807.

³⁵ RT, 1940, 109, 1109.

³⁶ RT, 1940, 1047, 1355.

³⁷ Vt. üksikasjalikult ENSV T, 1940, 8, 71—72; 11, 114—116

³⁸ ENSV T, 1940, 26, 287.

alates 16. oktoobrist 1940.³⁹ ENSV Rahanduse Rahvakomissariaadile tehti ülesandeks jätkata kindlustustegevust endistel tingimustel kuni riikliku kindlustuse organiseerimiseni. Ühtlasi tuli rahvakomissariaadil asuda maakondlike kindlustustalituste ja valdade kindlustusinspektuuride organiseerimisele. Ühtne riiklik sotsiaalkindlustus kehtestati alates 24. novembrist 1940 kõigis riiklikes, ühistegelikes ja eraettevõtetes, asutustes ja majapidamistes töötavate tööliste ja teenistujate kohta.⁴⁰

Kodanliku kindlustusajanduse likvideerimisega võeti kodanlusest veel üks finantsalane allikas ning see oli möödapääsmatult vajalik samm kogu riigi majanduselu ümberkorraldamise käigus.

Imperialismiajastu majandusele on iseloomulikuks jooneks tootmise kõrge ühiskonnastatuse aste. Viimane eeldab ka ühiskonnastatud juhtimist: tekivad aktsiaseltsid ja osäühistud kui tootmise uus juhtimise vorm. Vaatamata sellele, et kodanlik Eesti oli imperialistlike riikide süsteemis väikeriik, toimus ka tema majanduse kontsentratsioon mitmesuguste monopolide-aktsiaseltside näol.⁴¹ Põhilistes tööstusharudes oli juhtpositsioonil väliskapital.⁴² Monopolide huve teenis ka kodanlik riik, kes oma seadusandlusega igati soodustas nende tegevust.⁴³

Sotsialistlike tootmissuhete kehtestamiseks oli vaja selliste aktsiaseltside ja osäühistute omand likvideerida. «Majanduse reguleerimine», nagu märkis V. I. Lenin, «kui teha seda tõsiselt, nõuab

---

³⁹ Vt. ENSV T, 1940, 36, 418. ENSV Rahvakomissaride Nõukogu 15. jaanuari 1941. a. määrusega kinnitati endiste kindlustusasutuste bilansid 33.029.182,85 krooni ulatuses ja kohustati likvideerimiskomisjone üle andma endiste kindlustusasutuste varad, dokumendid ja asjaajamine Kindlustuse Talitusele 15. jaan. 1941. — ENSV ORKA, R-1, 1, 38, 200.

⁴⁰ ENSV T, 1940, 55, 656. Riikliku sotsiaalkindlustuse sissemaksud tasuti riiklike asutuste ja ettevõtete, ühiskondlike organisatsioonide, majapidamiste ja ettevõtete poolt peale tööliste ja teenistujatele makstava töötasu. — ENSV T, 1940, 59, 721.

⁴¹ Näiteks täielikult olid monopoliseeritud puuvilla-, paberi- ja põlevkivitööstus. Samuti valitsesid monopolid toiduainete, kummi, vineeri ja klaasi tootmise alal. Monopoliseeritud ettevõtetes töötas 72,9% suurtööstustöölisest. — Vt. O. Sepre. Osund. teos, eriti lk. 68—72.

⁴² Näiteks põlevkivitööstuses valitses saksa, inglise ja rootsi kapital, tekstiilitööstuses saksa ja inglise kapital, tsemenditööstuses taani ja rootsi kapital. Vt. üksikasjalikult O. Sepre. Kodanliku Eesti sõltuvus imperialistlikest maadest. Tln., 1964, lk. 39—48.

⁴³ Selleks oli vastav tollipoliitika, vajaduse korral moodustati monopole riigi poolt või selle kaasabil. Näit. A/S «Telliskivitehased», «Võieksport» jt. Seadusandlust kasutati ka selleks, et takistada uute, monopolide huvidele mittevastavate ettevõtete tekkimist. Tööstusseaduses öeldi: «Majandusministri ettepanekul on Vabariigi valitsusel õigus keelata uute tööstusettevõtete asutamist kui ka ette määrata juurdelubatavate tööstusettevõtete arvu ja suurust tööstuse alal, kus uute tööstuste asutamine osutub rahvamajandusele või riiklikkudele huvidele kahjulikuks, või kui vastaval alal on juba vajalik võistlus ka ilma ettevõtete juurde-tulekuta.» — RT, 1936, 30, 195. Majandusministri 4. juuli 1936. a. määruse alusel ei lubatud asutada ettevõtteid kummi, klaasi, vineeri, pärimi, makaronide ja jahu tootmise alal.

ühtaegu nii pankade kui ka sündikaatide natsionaliseerimist.»⁴⁴ Seoses Eesti Nõukogude Sotsialistliku Vabariigi väljakuulutamisega andis Riigivolikogu 23. juulil 1940 deklaratsiooni pankade ja suurtööstuse natsionaliseerimise kohta. Esimene natsionaliseerimisele kuuluvate tööstusettevõtete nimekiri ilmus 26. juulil 1940.⁴⁵ Selle alusel natsionaliseeriti 487 ettevõtet. Kokku natsionaliseeriti 1940.—1941. a. jooksul üle 900 tööstusettevõtte, neist paljud olid aktsiaseltsid ja osaühistud.⁴⁶

Kodanliku Eesti laevandusettevõtetes valitsenud aktsiaseltside ja osaühistute likvideerimine algas 28. juulil 1940, kui avaldati Riigivolikogu deklaratsiooni alusel natsionaliseerimisele kuuluvate laevandusettevõtete nimekiri.⁴⁷ ENSV ajutise Ülemnõukogu Presiidiumi 8. oktoobri 1940. a. seadlus täpsustas laevandusettevõtete natsionaliseerimist⁴⁸ ja uus nimekiri ilmus 12. oktoobril 1940. Üldse natsionaliseeriti nimetatud nimekirja alusel 247 laevandusettevõtte aktsiaseltsi ja osaühistud.⁴⁹

Riigivolikogu 23. juuli deklaratsiooni alusel avaldati ka natsionaliseerimisele kuuluvate lennundus- ja autotranspordiettevõtete nimekiri.⁵⁰

Natsionaliseeritud ettevõtete aktsiad või osatähed tuli nende omanikel üle anda Majandusministeeriumile hiljemalt 15. augustiks. Pärast 3. augustit natsionaliseerimisele määratud ettevõtete aktsiad ja osatähed tuli ära anda Majandusministeeriumile 15 päeva jooksul nimekirja avaldamisest «Riigi Teatajas». Ettenähtud tähtsuseks esitamata jäänud aktsiad ja osatähed loeti kadumaläinuks ja nende esitajad kaotasid kõik nende aktsiate ja osatähtedega tõestatavad õigused.⁵¹

Kodanlikus Eestis tegutses osa aktsiaseltse ja osaühinguid riigi kapitali osavõtul eraettevõtetena. Vabariigi presidendi 5. augusti 1940. a. dekreediga tunnistati aktsiaseltsid ja osaühingud, millede aktsiatest ja osatähtedest oli 50% või rohkem riigi valduses, riigi ettevõteteks ja allutati Majandusministeeriumile.⁵² Ühtlasi loeti eraaktsionäridele ja osanikele kuulunud aktsiad ja osatähed riigi omanduseks ja omanikke kohustati neid esitama Majandusministeeriumile hiljemalt 15. augustiks 1940.⁵³ Tähtajaks esitamata jäänud aktsiad ja osatähed loeti kadumaläinuks ja nende omanikud kaotasid kõik nendega tõestatavad õigused. Nimetatud seaduse alusel

⁴⁴ V. I. Lenin. Teosed. 25. kd., lk. 312.

⁴⁵ RT, 1940, 81, 771.

⁴⁶ «Riigi Teatajas» ja «ENSV Teatajas» 1940. a. juulist 1941. a. juunini (incl) avaldatud juriidiliste aktide alusel.

⁴⁷ RT, 1940, 85, 805.

⁴⁸ ENSV T, 1940, 21, 226.

⁴⁹ Vt. üksikasjalikult ENSV T, 1940, 25, 274.

⁵⁰ RT, 1940, 85, 806; 88, 858.

⁵¹ RT, 1940, 93, 925.

⁵² RT, 1940, 93, 918.

⁵³ RT, 1940, 96, 951.

tunnistati majandusministri 8. augusti 1940. a. otsusega riigi ettevõtteks 12 aktsiaseltsi ja osaühingut.⁵⁴ Sama otsusega vabastati ka ettevõtete nõukogu ja revisjonikomisjoni liikmed nende senistest ülesannetest. Nõukogu ja revisjonikomisjoni õigused, kohustused ja ülesanded pandi riigistatud ettevõtete juhatustele.⁵⁵

Kodanliku korra ajal tegutsesid ka paljud kaubandusettevõtted aktsiaseltside ja osaühingutena. Kuna Eesti NSV konstitutsioon lubas tegutseda ainult väikestel kaubanduslikel eraettevõtetel, siis kuulusid vastavalt ENSV Rahvakomissaride Nõukogu 23. septembri 1940. a. otsusele suuremad kaubandusettevõtted natsionaliseerimisele.⁵⁶ Seoses sellega, et aktsiaselts ja kaubamaja «Jaak Puhk ja Pojad» juhtkond ei täitnud oma ülesandeid (kaubanduse rahvakomissari 11. septembri 1940. a. kiri), otsustas sisekaitseülem kaitseisukorra seaduse ja kaitseisukorra alusel sundvalitsemisele võetud kinnisvarade ja ettevõtete valitsemise seaduse järgi võtta A/S «Puhk ja Pojad» sundvalitsemisele ja üle anda Kaubanduse Rahvakomissariaadile juba enne natsionaliseerimist.⁵⁷

Natsionaliseeriti ka monopolistlike välisfirmade Eesti esindused: «Singer Sewing Machine Company» ja «Shell Company».

Nagu eespool nägime, natsionaliseeriti aktsiaseltsidele ja osaühingutele kuulunud ettevõtted samadel alustel teiste suurettevõttega. Lõplikult vormistas aktsiaseltside ja osaühingute likvideerimise ENSV Rahvakomissaride Nõukogu 28. märtsi 1941. a. määrus.⁵⁸ Vastavalt sellele loeti aktsiaseltsid ja osaühingud, millede ettevõtted või varad olid natsionaliseeritud või millede aktsiad ja osatähed kuulusid Eesti Tarvitajateühisuse Keskühisusele ja bilansid olid üle kantud bilanssi, likvideerituks ettevõtete ja varade natsionaliseerimise või bilansside üiekandmise momendist alates. Ülejäänud aktsiaseltsid ja osaühistud kuulusid likvideerimisele ENSV rahanduse rahvakomissari poolt kinnitatud korras. Rahanduse rahvakomissari nõusolekul võisid likvideerimiskomisjonid

---

⁵⁴ Nende hulgas olid sellised kodanliku Eesti majanduses olulist kohta omanud ettevõtted, nagu Eesti Metsa ja Tselluloosi Aktsiaühing (riigiettevõtteks Eesti Metsa ja Tselluloosi Tehas), aktsiaselts Esimene Eesti Põlevkivitööstus (riigiettevõtteks Esimene Eesti Põlevkivitööstus), aktsiaselts Eesti Turbatööstused (riigiettevõtteks Eesti Turbatööstused), Kaubanduslik Ühing «Ehituskivi» (riigiettevõtteks «Ehituskivi»). — RT, 1940, 98, 966.

⁵⁵ Näiteks majandusministri 8. augusti 1940. a. otsusega vabastati riigi ettevõtteks tunnistatud Eesti Metsatööstuse juhatus, nõukogu ja revisjonikomisjon. Samast päevast nimetati ametisse uus juhatus. — RT, 1940, 98, 967.

⁵⁶ ENSV T, 1940, 12, 121. — Riigistati sellised suurkapitalistlikud ettevõtted nagu A/S «Kreenbalt», kaubanduslik keskuhisus «Estonia», A/S «Eesti Kaupmeeste Majanduskeskus», A/S ja kaubamaja «Jaak Puhk ja Pojad», mis etendasid tähtsat osa kodanliku vabariigi majanduslikus ja poliitilises elus. — Vt. üksikasjalikult V. Ruus. Eestimaa Kommunistliku Partei tegevus riikliku kaubandussektori organiseerimisel aastatel 1940—1941. — TRU Toimetised. Tõid NLKP ajaloo alalt II. Tartu, 1963, lk. 57—61.

⁵⁷ ENSV ORKA, R-1, 1, 10, 25.

⁵⁸ ENSV T, 941, 36, 541.

anda aktsiaseltsidele ja osaühistutele kuulunud varasid riiklikele, kooperatiivseile või ühiskondlikele ettevõttele.

Kodanliku Eesti majanduses tegutsesid ka kooperatiivsed ettevõtted.⁵⁹ Viimaste rajamine nii linnas kui maal võttis laia ulatuse juba käesoleva sajandi algul. Sel ajal olid ülekaalus masinatarvitajate ühistud ja piimaühistud.⁶⁰ Ka kodanliku vabariigi esimesele aastakümnele on iseloomulik ühistegevuse edasiarendamine, eriti põllumajanduslike ühistute osas. Kodanliku vabariigi lõpp-perioodil aheneb aga ühistegevus, tema tegevuse piirid kujunevad selgelt välja. Kooperatsioon allus järjest rohkem kapitalile, kasvas tema liitumise protsess monopolistlike ettevõtetega ja kodanliku riigiga. Seda olid sunnitud tunnistama ka kodanlikud ühistegelased ise. Nii kirjutas tuntud ühistegelane ja ajakirja «Ühisjõud» toimetaja E. Just: «Ühistegevust tuleb võtta kui ettevõtte vormi teiste kollektiivsete ettevõtete vormide kõrval, nagu seda on aktsiaselts ja osaühisus.»⁶¹ Samal ajal ühendasid kooperatiivid väikekodanlust, kuid ka töölisi ja intelligentsi. Kooperatiividel oli hästikorrastatud majandusaparaat ja nende töö tugines suurel määral rahvahulkade initsiatiivile ja isetegevusele. Kõike seda tuli arvestada kooperatsiooni töö ümberkorraldamisel sotsialistlikele alustele. V. I. Lenin rõhutas, et vana kooperatsiooni ümberkujundamise paratamatuks tingimuseks on kodanluse ja tema agentide väljatõrjumine kooperatiivide juhatustest, lõpu tegemine kodanlike kooperatorite kontrrevolutsioonistele katsetele, säilitades ja arendades sealjuures vana kooperatsiooni majanduslikku aparati.⁶²

Kohe pärast nõukogude võimu kehtestamist ei olnud kooperatsiooni aparadi ümberkorraldamine töötavale rahvale jõukohane. Rahvalitsuse tollaegset kooperatsioonipoliitikat võib iseloomustada kui mitteametlikku kompromissi rahvalitsuse ja kodanlike kooperatiivide vahel. Ühelt poolt seisnes kompromiss selles, et rahvalitsus tagas kodanliku kooperatsiooni puutumatus, ja teiselt poolt kohustus kooperatsiooni juhtkond suhtuma lojaalselt valitsuse korraldustesse ning kindlustama majandusaparaadi häireteta töö. V. I. Lenin pidas sellist kompromissi kodanlike kooperatiividega mitte ainult lubatavaks, vaid ka hädavajalikuks, et viia rahvamajanduse ümberkorraldamist läbi järk-järgult ning leida sobivad vormid üleminekuks laialipillatud kooperatiividelt ühtsele kooperatsioonisüsteemile.⁶³

---

⁵⁹ Ühistegevuse osatähtsuse kohta kodanliku Eesti majanduses vt. üksikasjalikumalt EÜA, II, lk. 17.

⁶⁰ 1914. a. tegutses 153 masinatarvitajate ühistut ja 135 piimaühistut. — EÜA, I, lk. 63.

⁶¹ E. Just. Ühistegelike ettevõtete omadused. — «Ühisjõud», 1936, nr. 12, lk. 227.

⁶² Vt. V. I. L e n i n. Teosed. 29. kd., lk. 156.

⁶³ Vt. V. I. L e n i n. Teosed. 27. kd., lk. 191.

Tuginedes juhtivate majandusharude natsionaliseerimisele, hakati ette valmistama kodanliku kooperatsiooniaparaadi sotsialistlikku ümberkorraldamist. Tähtsamaks sammuks oli siin tööliskontrolli kehtestamine nn. usaldusmeeste ehk komissaride instituudi näol. Viimaste ülesandeks ei olnud ette valmistada kooperatiivsete ettevõtete natsionaliseerimist, vaid kontrollida kooperatiivide juhatuste tegevust ja võtta tarvitusele abinõud reaktsiooniliste juhtude eemaldamiseks. Selleks kasutati n.-ö. äraproovitud taktikat: avaldati ajakirjanduses paljastavaid materjale ning kasutati kodanlikku seadusandlust tema enda vastu.

Kooperatiivides alustati ümberkorraldusi eelkõige keskasutustes. Presidendi 31. juuli 1940. a. dekreediga lõpetati kodanlik-korporatiivse, riigiaparaadiga seotud ühistegevuse keskorgani -- Ühistegevuskoja tegevus.⁶⁴ Arvesse võttes, et nõukogude võimu majandusaparaat oli alles välja kujunemata, anti Ühistegevuskoja varad ja funktsioonid üle Eesti Ühistegelisele Liidule.⁶⁵ Kuigi viimane oli oma olemuselt samuti kodanlik organisatsioon, hõlbustas ühistegevuse juhtimise koondamine ühte keskusse kontrolli selle tegevuse üle.

Et Eesti Ühistegelise Liidu tegevus ei vastanud NSV Liidu kooperatsiooni põhimõtetele ega struktuurile, siis likvideeriti ta ENSV Rahvakomissaride Nõukogu 15. oktoobri 1940. a. määrusega⁶⁶ Kooperatiivide üldjuhtimine pandi rahvakomissariaatidele.⁶⁷

Pärast kodanliku kooperatsiooni juhtivate organite likvideerimist toimusid ümberkorraldused ka kooperatsiooni eri liikide valdkonnas.

Kodanlikus Eestis tegutses küllaltki arenenud ühiskaubandus,⁶⁸

⁶⁴ RT, 1940, 89, 899. Ühistegevuskoda asutati 1935. a. ja ta ülesandeks oli kogu ühistegevuse juhtimine. Kontrollimisel (välisrevisjoni teel) pöörati erilist tähelepanu sellele, kas ühistegelik asutus tegutseb seaduse kohaselt, kas on rahuldatud riigikassa huvid. Koda oli allutatud Majandusministeeriumile, kes võis ta laiali saata ja uued valimised määrata. — EÜA. I, lk. 318.

⁶⁵ Eesti Ühistegeline Liit (EÜL) oli ühistegelise liikumise «vaimne» keskus, asutati 1919. a. Algul oli ülesandeks välisrevisjoni korraldamine, kooperatiivide huvide kaitse. Ühistegevuskoja asutamisega jäi tema ülesandeks ainult vastava kirjanduse väljaandmine ja kodanliku ühistegevuse propageerimine.

⁶⁶ ENSV T, 1940, 27, 313.

⁶⁷ Kirjastuskooperatiivide alal — Hariduse Rahvakomissariaadile, tarbijate kooperatiivide alal — Kaubanduse Rahvakomissariaadile, töõnduslike kooperatiivide alal — Kohaliku Töõstuse Rahvakomissariaadile, korteri- ja elektrikooperatiivide alal — Kommunaaalmajanduse Rahvakomissariaadile, põllumajanduslike ja kalanduskooperatiivide alal — Põllutöö Rahvakomissariaadile, krediidi- ja kindlustuskooperatiivide alal — Rahanduse Rahvakomissariaadile.

⁶⁸ 1938. a. lõpul tegutses Eestis 203 ühiskaubandusühingut 612 kaupluse ja 58 töõstusettevõttega. Ühiskaubandus hõlmas 24% kogu jaekaubandusest ja 6% kaupluste üldarvust. — EÜA. II, lk. 29. Üldse oli kooperatiivkaubanduses kaks süsteemi — Tarbijate kooperatsioon ja põllumajanduslikud turustus-varustusühingud. 1937. a. oli tarbijate kooperatiivide liikmeskonnas 62,4% põllupidajaid, 9,4% töõlisi, 14,8% ametnikke, 13,4% muid töõtajaid. — F. S a u k s. Kaubanduse arengust Eestis kapitalismi tingimustes (1900—1940). Tln., 1968, lk. 166.

mille keskuseks oli Eesti Tarvitajateühistute Keskühisus (ETK).⁶⁹ Viimase eesotsas olid kodanlike ringkondade esindajad, kellel oli tihe side kodanlike riigitegelastega. Need suunasid ETK tegevuse oma püüdlustele.

Selleks, et abistada tarbijate kooperatsiooni ümberkorraldamist nõukogulikele alustele, andis NSV Liidu Rahvakomissaride Nõukogu ja UK(b)P Keskkomitee 15. jaanuaril 1941 välja määruse, mille alusel reorganiseeriti tarbijate kooperatsioon Leedu, Läti ja Eesti NSV-s vastavalt üleliidulisele põhikirjale.⁷⁰ Töötava rahva koondamiseks kooperatiividesse tehti noortele liiduvabariikidele erandeid põhikirjas: vähendati liikmemaksu 50% võrreldes vanemates liiduvabariikides kehtivate maksunormidega ja nähti selle tasumiseks ette pikemad tähtajad.

Tarbijate kooperatsiooni reorganiseerimiseks leninliku kooperatsiooniplaani alusel andis vabariigi valitsus 15. veebruaril 1941 määruse, mis sätestas tarbijate kooperatiivide maakondlike liitude ning keskliidu organiseerimise.⁷¹ Maakondade täitevkomiteedel tuli moodustada kolmeliikmelised ajutised organisatsioonibürood. Samuti määrati kindlaks kooperatiivide juhatuste ja revisjonikomisjonide valimiste tähtajad uue põhikirja alusel.

Ümberkorraldustöö tulemusena töötas 1941. a. aprilliks 166 tarbijate kooperatiivi 1250 kauplusega, mis ühendati 11 maakondlikku liitu ja need omakorda Eesti Tarbijate Kooperatiivide Vabariiklikuks Liiduks. 1941. a. aprilliks oli kooperatiivides kindlustatud töölisklassi juhtiv osa.⁷²

Ümberkorraldusi teostati ka töönduslikus ja invaliidide kooperatsioonis. 7. jaanuaril 1941 kinnitas ENSV Rahvakomissaride Nõukogu invaliidide kooperatsiooni põhimääruse.⁷³ Selles esitati invaliidide kooperatsiooni nõukogulikele alustele üleviimise põhi- alused. Kinnitatud põhimäärusele mittevastavad organisatsioonid määrati likvideerimisele. Kooperatsiooni tegevus allutati Sotsiaalkindlustuse Rahvakomissariaadi ja kohalike sotsiaalkindlustuse osakondade juhtimisele.

Kodanliku perioodi lõpuaastail oli töönduslik kooperatsioon valdavas osas muutunud kapitalistlikuks. Näiteks 1938. a. tegutses 13 töönduslikku artelli 220 liikmega ja ligi 1100 palgalise töötajaga.⁷⁴ Seetõttu natsionaliseeriti nende kooperatiivide varad koos

---

⁶⁹ ETK loodi 1917. a. Ta varustas liikmeid kaupadega. Selleks oli ETK-l peakontor ladudega Tallinnas ja harukontorid maakonnalinnades.

⁷⁰ ORKA, R-13, 1, 549, 13–14.

⁷¹ ENSV T, 1941, 23, 296.

⁷² Vt. üksikasjalikult V. Ruus. Eestimaa Kommunistliku Partei tegevus tarbijate kooperatsiooni sotsialistlikul ümberkorraldamisel Eesti NSV-s aastail 1940–1941. — TRU Toimetised, Tõid NLKP ajaloo alalt. I. Tartu, 1961, lk. 69.

⁷³ ENSV T, 1941, 4, 58.

⁷⁴ F. Sauks. Põhijooni kaubanduse arengust Nõukogude Eestis (1940–1960). Tln., 1960, lk. 15.

tööstusettevõtete natsionaliseerimisega. Järelejäänud kooperatiivide üldjuhtimine pandi Kohaliku Tööstuse Rahvakomissariaadile, kus moodustati selleks Artellide Peavalitsus.⁷⁵

Kodanlikus põllumajanduses tegutsesid mitmesugused turustusühingud.⁷⁶ Neid propageeriti laialdaselt kui väikemajapidamise pääseteed. Tegelikult ühendasid nad kulakuid ja keskmikke, harvemiinid kehvikuid. Kodanliku võimu lõpuaastail toimusid riigivõimu sekkumise tõttu tunduvalt muudatused nii ühingute organisatsioonis kui ka majanduslikus tegevuses. Eriti avaldus see tähtsamate põllumajandussaaduste väliskaubanduse monopoliseerimises ja vastavate monopoliühingute loomises. Endised ühistegelikud piimaühingute keskühingud «Estonia» ja Eesti Piimaühingute Liit likvideeriti ning asutati põllumajanduslik keskühing «Võieksport». Eksporttapamajade tegevuse korraldamise seadusega likvideeriti kõik senised eksporttapamajad-ühingud ja nende varad läksid üle uuele ühingule «Eesti Lihaeksport», mis sai algul peekoni, hiljem ka loomanahkade väljaveo ainuõiguse. Samuti asutati «Eesti Munaeksport». Nende uute monopolide-keskühingute asutajaks oli Põllutöoministerium. Nimetatud monopolühingute juhtkond oli tihedalt seotud poliitiliste parteide liidritega.⁷⁷

Seega olid need ühingud riigi otsesel vahelesegamisel moodustatud kooperatsioonilaseks monopoliks, millega allutati nimetatud tootmisalad riigile.

23. augustil 1940 kehtestati Eesti NSV-s teiste liiduvabariikidega ühine väliskaubanduse monopol. See tähendas Majandusministeeriumi seniste sisse- ja väljaveolubade tühistamist⁷⁸ ja väliskaubanduse tehingute allutamist NSVL Väliskaubanduse Rahvakomissariaadile. Vaadeldud ühingud allutati Põllutöö Rahvakomissariaadile. Hiljem, juulis 1941, allutati nad Toiduainetetööstuse Rahvakomissariaadile, kusjuures «Eesti Lihaeksport» natsionaliseeriti 28. märtsil 1941 ENSV ajutise Ülemnõukogu Presiidiumi seadlusega «Suurte kaubanduslike ettevõtete ja avalike saunade natsionaliseerimise kohta» ning tema õigusjärglaseks sai riiklik majandusorganisatsioon Eesti NSV Lihakombinaat.⁷⁹

Seega puudutas Eesti NSV valitsuse korraldavat tegevus kõiki ühistegevuse vorme. Kooperatiivsed organisatsioonid kas reorganiseeriti ja loodi uutel alustel või nende struktuur jäeti muutmata ja

⁷⁵ ENSV T, 1940, 25, 277.

⁷⁶ Need olid: piimaühingud, ühistegelik lihakaubandus, muna-, kartuli-, ziandusühingud. Kartuliühingute tegevus avaldus peamiselt piiritusvabrikute kasutamises. Nad andsid 63% piirituse toodangust. Aiandusühingud tegelesid aiasaaduste turustamisega. Nende osa ekspordis: õunad 68%, sibulad 71%, metsamarjad 59%. — EÜA. I., lk. 17.

⁷⁷ Vt. üksikasjalikult F. S a u k s. Kaubanduse arengust Eestis kapitalismini tingimustes (1900—1940). Tln., 1968, lk. 172—175.

⁷⁸ RT, 1940, 108 1100.

⁷⁹ ENSV T, 1941, 36, 555; 51, 781; 68, 1088.

nende tegevuse juhtimine allutati vastavatele riiklikele organitele. Kooperatsioon muutus nüüd töötava rahva organisatsiooniks, omades olulist kohta sotsialistlikus ülesehitustöös.

Ühiskonna sotsialistlik ümberkorraldus on pikaajaline protsess. Kodanliku Eesti majanduslike organisatsioonide likvideerimine, mis toimus järk-järgult ilma tõsisemate ekstsessideta rahvamajanduse toodangu tõusu tingimustes, näitab proletariaadi diktatuuri organisatsioonide paindliku taktika võimalusi kodanliku riigiaparaadi lammutamisel, tema mitmete institutsioonide ja kodanliku seadusandluse ärakasutamise võimalusi kodanluse enda vastu, uue, sotsialistlikku tüüpi riigi- ja majandusaparaaadi rajamise huvides.

ЛИКВИДАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ В 1940 ГОДУ

М. Руус

Резюме

Ликвидация различных хозяйственных организаций буржуазной Эстонии началась уже с первых дней революции. Первичной задачей этого периода было установление государственного контроля над экономической, и, прежде всего, финансовой деятельностью буржуазии. Для этого использовалось и буржуазное законодательство против самой буржуазии. Хотя эти законодательные меры только ограничивали хозяйственную деятельность буржуазии, в то же время они обеспечивали наиболее полный переход капиталистической собственности в руки трудящихся. Финансовая власть буржуазии была окончательно сломлена национализацией банков, проведенной на основании декларации Государственной Думы от 23-го июня 1940 г. На основании этой же декларации были национализированы также кооперативные банки, крупные страховые акционерные компании и кооперативные страховые общества. На базе кооперативных банков были организованы сельскохозяйственные кредитные общества и на базе национализированных банков — государственные банки.

25 августа 1940 года была принята Конституция Эстонской ССР, согласно которой руководство страховой деятельностью стало компетенцией высших органов власти и управления республики. Это конституционное требование было проведено в жизнь указом Президиума Временного Верховного Совета ЭССР от 12-го октября 1940 года, на основании которого национализации подлежали все еще не национализированные страховые учреждения. Единое государственное страхование было установлено 24-го ноября 1940 года в отношении рабочих и служащих, работающих во всех государственных, кооперативных и частных предприятиях,

учреждениях и хозяйствах. В результате этой реорганизации была упразднена система буржуазных кредитных учреждений.

Несмотря на то, что буржуазная Эстония была лишь малым государством в системе империалистических стран, экономика ее имела довольно высокую степень концентрации, существовала сеть разнообразных монополий и акционерных обществ. Принадлежащие им предприятия были национализированы на общих основаниях с другими крупными предприятиями. Ликвидацию акционерных компаний и обществ окончательно оформило постановление Совета Народных Комиссаров ЭССР от 28-го марта 1941 г.

Опираясь на национализацию ведущих отраслей экономики, органы советской власти стали перестраивать буржуазную кооперацию. Была прекращена деятельность центральных органов кооперации, связанных с государственным аппаратом — Кооперативной Палаты и Союза Кооперативов. Затем были произведены преобразования и в отдельных видах кооперации. Кооперативные организации были реорганизованы, либо созданы на новых началах, либо же их структура оставлялась без изменения, в то время как управление их деятельностью подчинялось соответствующим государственным органам.

Ликвидация хозяйственных организаций буржуазной Эстонии происходила постепенно и являлась примером гибкой тактики пролетариата при сломе буржуазной государственной машины.

О ПОНЯТИИ ФУНКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

Докт. юр. наук В. Кельдер

Кафедра гражданского права и процесса

Важнейшей составной частью теоретической и практической работы по улучшению и упорядочению управления государством, народным хозяйством, производственным предприятием является функциональный анализ управленческой работы, выявление объективно-необходимых функций управления, распределение функций по горизонтали и вертикали, определение соответствия объективно необходимым функциям органа структурной формы органа.¹

В современный период важно добиваться наибольшей эффективности воздействия управляющего субъекта на управляемый объект. А это означает, что задача каждого звена состоит прежде всего в наиболее оптимальном выполнении возложенных на него функций.²

В настоящее время проводится большая работа по уточнению компетенции всех управленческих звеньев, начиная с государственных органов и кончая хозяйственными предприятиями. Базой проводимой практической работы является научный анализ управленческого труда, изучение практики управленческого аппарата, теоретические выводы. Отсюда очевидно, какое важное научно-теоретическое, методологическое и практическое значение имеет изучение проблем управленческих функций.

Однако литература как с теоретическим, так и с практическим уклоном свидетельствует о том, что мы еще не совсем ясно себе представляем, что мы изучаем, о чем говорим, что реорганизуем. Достаточно сравнить хотя бы две приведенные в литературе классификации функций, чтобы убедиться в сказанном. Чаще всего в литературе приводятся такие функции управления,

¹ Н. Х. Арутюнян. Совершенствование научной организации управления. — «Советское государство и право», 1969, № 4, стр. 19.

² Ю. А. Тихомиров. Проблемы взаимодействия субъектов и объектов управления в деятельности государственного аппарата. — «Правоведение», 1970, № 1, стр. 53—54.

как планирование, организация, координация, активизация и контроль.³

Данная группа функций в литературе выделяется как общеорганизационная,⁴ или как общая⁵ или линейная.

Под видом специальных функций приводятся:

разработка и совершенствование конструкций изделий (конструкторская подготовка производства);

разработка и совершенствование технологии (технологическая подготовка производства);

технико-экономическое планирование;

стандартизация и нормализация продукции, технологических процессов и других элементов производства и управления;

организация труда и заработной платы;

оперативное управление производством;

контроль качества продукции;

обеспечение производства инструментом и оснасткой;

поддержание оборудования, энергетического хозяйства и рабочих помещений в технически годном состоянии (ремонтное и энергетическое обслуживание);

организация транспортного обслуживания производства;

бухгалтерский учет и финансовая деятельность;

материально-техническое снабжение, кооперирование и сбыт продукции;

комплектование и подготовка кадров;

охрана труда и техника безопасности;

общее делопроизводство;

хозяйственное обслуживание предприятия.⁶

³ Научные основы управления производством. Изд-во «Экономика». М., 1969, стр. 60; Те же функции приводятся в различной последовательности и с разным объемом. Так, например, Р. Юксвярав разделяет весь управленческий цикл только на планирование и исполнение (см. Р. Юксвярав. Проблемы структуры и управления деловых организаций США. Автореферат док. дисс. Таллин, 1967, стр. 55), М. И. Тамм — на организации производства, общее административное управление и пр. (см. М. И. Тамм. Использование рабочего времени работников управления в совхозах Эстонской ССР. Автореферат канд. дисс. Таллин, 1969, стр. 14), А. Х. Кала — на обучение, информацию, анализ, синтез, планирование, пропаганду, организацию, упорядочение, контроль и координацию. (см.: Х. Кала. О системе научного управления социалистическим производственным комплексом. — «Межвузовская конференция по теоретическим вопросам организации управления социалистических хозяйственных предприятий». Таллин, 1966, стр. 21—22).

⁴ В. Г. Вишняков. Совершенствование аппарата управления на современном этапе. — «Советское государство и право», 1966, № 11, стр. 35.

⁵ В. И. Опилин-Нестеров. Эффективность управленческого труда в промышленном производстве. Изд-во «Экономика». М., 1965, стр. 44—45.

⁶ В. С. Рапопорт. Основы нормирования управленческого труда на промышленных предприятиях. Изд-во «Экономика», М., 1968, стр. 26.

Почти такое же деление приводит И. Л. Бачило. Хотя он прямо и не говорит о функциях, а о классификации функций по сферам: планирование, капитальное строительство, капитальный ремонт; технологическое и техническое руководство и т. д.

Основная группа исследователей все же распределяет весь управленческий цикл на функции планирования, организации, координации, контроля.⁷

Столь же разнообразное деление функций управления и полученные результаты свидетельствуют о том, что что-то существенно не на месте. Причиной разногласия обыкновенно считают отсутствие единого понятия функций и единого основания классификации. Но на наш взгляд, причина настолько различных по существу результатов исходит из отсутствия единого понятия «управления».

Все используемые нами в качестве примера исследования посвящены вопросам изучения процессов социального управления.

Но деление функции их авторами иногда носит универсальный характер. В кибернетическом смысле под функциями управления подразумевают: сбор начальной информации, систематизацию информации, обработку информации, выработку приказов информации, передачу приказов, реализацию приказов и контроль.⁸

Мы не против того, чтобы дать понятие социального управления, чтобы выяснить его специфические черты, его особенности,⁹ но мы против того, чтобы полностью изолировать понятие и существо социального управления от понятия управления в самом широком и кибернетическом смысле. Ведь областями управления являются: управление системами машин, технологическими процессами, имеющими место при целенаправленном воздействии человека на природу, управление деятельностью человеческих коллективов и управление процессами, происходящими в живых организмах.¹⁰ Общество является только одной сферой, одной сложной динамической системой, где происходят процессы управления. Таким образом, процессам социального управления присущи как общие, так и специфические закономерности управления. Исследование процессов социального управления означает выяснение общих закономерностей и их специфических черт в социальной природе. Поскольку общество по своей сущности сложней-

---

См.: И. Бачило. Функция управления: содержание и правовое оформление. — «Советское государство и право», 1969, № 12, стр. 80; см. также В. М. Манохин. О предмете и задачах науки управления в современный период. — «Советское государство и право», 1965, № 2, стр. 86.

⁷ Обращает на себя внимание и определенное влияние специальности автора исследования. Так, например, в делении функции на вычисление, ориентацию, обработку, контроль, учет и анализ чувствуется специальный финансовый уклон.

⁸ А. Берг. Кибернетика — наука об оптимальном управлении. М.-Л., 1969, стр. 20.

⁹ Ю. А. Тихомиров. Власть и управление в социалистическом обществе. Изд-во «Юрид. лит.», М., 1968, стр. 5—22; Ю. М. Козлов. Управление народным хозяйством СССР. Часть I. Изд-во МГУ, 1969, стр. 9—20.

¹⁰ В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. М., 1968, стр. 23.

шая кибернетическая система, состоящая из многих сложных подсистем, то существуют и общие и специфические закономерности управления сложными подсистемами общества. Подход к обществу как к саморегулирующей динамической суперсистеме заставляет нас изучать как общие, так и специфические закономерности подсистем общества в зависимости от их иерархического устройства. То же самое относится к изучению функций управления. Системный подход заставляет нас выяснить универсальные функции управления, локальные функции управления, в число которых входят функции социального управления и которые в свою очередь состоят из универсальных (общих) функций социального управления и из локальных функций социального управления — из функций управления социальными подсистемами.¹¹ Определенную иерархию функций признает и наша литература. Но подобная иерархия приводится в качестве распределения труда между вышестоящими и нижестоящими звеньями управления. В процессе управления совокупность действий одного или нескольких служащих становится для них как бы самоцелью, их функцией, в то время как для органа это действие является лишь одним из этапов в осуществлении определенной функции или группы функций.¹²

Таким образом, можно построить настоящую «пирамиду» функций, вершину которой составляют широкие по объему понятия, а по мере того как мы спускаемся к ее основанию, они становятся все более определенными, соответствуя все более и более узким задачам.¹³

Поскольку управление в широком смысле есть процесс восприятия и переработки информации, то универсальные функции управления находят свою конкретизацию и в социальном управлении. Но на наш взгляд, сбор, обработка, систематизация информации не представляют из себя самостоятельной функции социального управления, т. е. универсальной или общей функции социального управления.

Перед обществом или его управлением не стоит специальная задачи об информации, а более конкретные задачи, осуществление которых предполагает наличие определенной информации. Это, однако, не означает, что сбор, обработка и систематизация инфор-

---

¹¹ Основание деления функций управления взято из автореферата Л. П. Саарнитс, где подобная основа приводится как основа классификации принципов управления. См. Л. П. Саарнитс. О научных основах коллегиального управления в колхозах и его правовом регулировании. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1970, стр. 8—9.

¹² И. Л. Бачило. Функция управления: содержание и правовое оформление. — «Советское государство и право», 1969, № 12, стр. 79.

¹³ Б. Гурней. Введение в науку управления. Изд-во «Прогресс», М., 1969, стр. 39.

мации не могут выступать в качестве самостоятельной функции некоторых подсистем или звеньев управления обществом, например, АСУ. Однако функцию информации и здесь следует рассматривать как социальную, а не как связь «команда-исполнение», характерную, главным образом, для отношений человека с машиной.

В социальном управлении находит свое применение и закономерность о том, что сущность управления всецело определяется закономерностями управляемых систем.¹⁴

И в социальном управлении объект и субъект управления составляют самостоятельные системы. Структура объекта управления в основном определяет структуру субъекта управления и любые изменения в объекте, например, увеличение чисел подразделений, внешних и внутренних связей, технологии и т. д. отражаются на содержании и формах деятельности субъекта. В качестве субъекта управления обществом выступает политическая организация общества как система государственных и общественных организаций и институтов, посредством которой осуществляется политическая власть.¹⁵ Исходя из объекта социального управления мы можем говорить об управлении обществом, государством, народным хозяйством в целом или отдельными его отраслями и сферами — производством, удовлетворением хозяйственных нужд трудящихся и т. д. и, наконец, производственными единицами или иными коллективами людей. Как субъект, так и объект управления имеют системно-иерархическую структуру. Системно-иерархический характер присущ и задачам, стоящим перед субъектом и объектом управления, и соответствующим им функциям. Таким образом, мы можем говорить о функциях управления обществом в целом, о функциях управления государством, народным хозяйством, его отраслями, производственными предприятиями, о функциях государства, как универсальной социальной организации классового общества, о функциях государственных органов, администраций предприятий, организаций, учреждений.

Отсюда вывод — не следует ли различать функции управляемого объекта и функции управляемого субъекта. Вслед за основной иерархической классификации функции управления названная основа является основой классификации функции управления по существу, по содержанию.

Поскольку управляющий субъект существует только ради управляемого объекта и выполняет с ним единые задачи, то уста-

---

¹⁴ Д. М. Гвишиани. Основы научной разработки проблем управления социалистической промышленностью. М., 1966, стр. 20—21.

¹⁵ Политическая организация советского общества. М., Изд-во «Наука», 1967.

новление функции управляющего субъекта начинается с анализа задач управляемого объекта.

Общество выполняет функции как общесоциального, так и классового характера. Общесоциальные функции общества раскрыты Ф. Энгельсом, который писал, что «согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода».¹⁶ Таким образом, общесоциальными функциями общества являются производство средств к жизни и воспроизводство человека. Поскольку «всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов»,¹⁷ возникает и третья функция общества — управление. В отношении общества, как управляемого объекта, управление представляет из себя общественно необходимую функцию по организации многих сторон жизни общества, по организации совместной деятельности людей. Управление есть «особая функция, возникающая из самой природы общественного труда».¹⁸ Управление как особая функция имеет место в каждом обществе.

С возникновением классов и классовых противоречий перед обществом возникают и функции классового характера — регулирование классовых противоречий.¹⁹

Если в классовом обществе государство выступает в качестве универсальной социальной организации, т. е. основным субъектом управления обществом, то осуществляемые основные функции государства естественно должны являться основными функциями управления обществом.

Исследованию функций государства в научной литературе уделено много внимания. Но единого мнения во многих аспектах не существует. Нет единодушия в том, что понимать под функциями государства, существуют различные классификации функций государства. Приводим одну из них, исходные позиции которой нами были позаимствованы уже при рассмотрении функций

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 25—26.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 342.

¹⁸ Там же, стр. 343.

¹⁹ Л. И. Кацк. Функции и структура государства. Изд-во ЛГУ, 1969, стр. 33, 37.

общества. «Социальное назначение различных форм организаций общества выражается в следующих моделях (системах) функций.

Доклассовая (родо-племенная) организация — внутренние функции: экономическая (непосредственное хозяйствование) и социализаторская; внешние функции: обеспечение защиты от посягательств извне (функция обороны) и развитие солидарности с другими однотипными формами организации общества в целях защиты общих интересов (в условиях, когда в мире появились классовые формы организаций общества).

Эксплуататорские государства — внутренние общесоциальные функции: экономическая (косвенное регулирование экономики) и социализаторская; внутренние классовые функции, регулирование антагонистических классовых отношений (подавление эксплуатируемых классов), регулирование неантагонистических классовых отношений и идеологическая; внешние функции: обеспечение защиты от посягательств извне, осуществление экспансии и укрепление солидарности с однотипными государствами.

Социалистическое государство периода диктатуры пролетариата — внутренние общесоциальные функции: экономическая (непосредственное хозяйствование и косвенное регулирование экономики) и социализаторская; внутренние классовые функции: регулирование антагонистических классовых отношений (подавление эксплуататорских классов), регулирование неантагонистических классовых отношений (укрепление союза рабочего класса с крестьянством и другими трудящимися слоями населения) и идеологическая; внешние функции: обеспечение защиты от посягательств извне, борьба за мир и мирное сосуществование и функция укрепления солидарности с другими социалистическими странами.

Социалистическое общенародное государство — система функций формально остается без изменения, за исключением того, что отпадает функция регулирования антагонистических классовых отношений».²⁰

Перечисленные функции государства охватывают все основные стороны проявления общества, общественного существования и составляют содержание деятельности государства как управляющего субъекта обществом, в том числе и оборону страны и другие внешние отношения. При рассмотрении управления обществом эту сторону управленческой деятельности, как правило, не указывают. Но ведь для управления оборонными силами страны существует специальная система органов и самоуправление народным хозяйством много позаимствовало из военной практики.

Свои функции государство осуществляет путем специального механизма, в состав которого входят государственные органы,

---

²⁰ Л. И. Каск. Функции и структура государства. Изд-во ЛГУ, 1969, стр. 44—45.

т. е. особая категория людей, главным или единственным назначением которых является управленческий труд. Это «особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять...»²¹, они используют специальные формы организации своего труда, в их распоряжении находятся специальные методы управления.

Все свои функции государство осуществляет через государственный механизм. Отдельные части государственного механизма, как самостоятельные подсистемы выполняют конкретизированные общегосударственные функции. Конкретизация выполняемых ими общегосударственных функций происходит по линии дифференциации управляемого объекта и превращает их в самостоятельные. Т. к. дифференциация управляемого объекта настолько специфична, структура подсистем настолько сложна, то нельзя говорить о функциях управления народным хозяйством в целом или о функциях управления его отдельными отраслями. Так, например, функции управления промышленностью выполняют все промышленные министерства. Общего в выполняемых ими функциях столько, сколько есть общего между отдельными отраслями промышленности. В дальнейшем круг выполняемых ими функций уже определяется задачами, стоящими перед управляемым объектом, его спецификой, системой его устройства и т. д. Таким образом, можно говорить и определять функции только отдельных субъектов управления, народным хозяйством в целом, его отдельными отраслями сверху донизу, а не о функциях управления народным хозяйством или его отдельными отраслями вообще.

Поскольку функции управления выполняются специальной группой людей, выполнение управленческих функций является содержанием их деятельности, поскольку функцию управления возможно понимать и в качестве составной части управленческой деятельности или как вид деятельности управленческого персонала, характеризующийся общей целевой направленностью, однородностью содержания и методами выполнения.²² Здесь управленческая функция выступает уже в качестве составной части управленческого процесса, деятельностью человека или группы людей. На наш взгляд, только в качестве составных частей управленческого процесса мы можем говорить о планировании, организации, координации и контроле. Все управленческие действия мы можем систематизировать по признаку однородного их содержания. Но поскольку однородность содержания отдельных управленческих действий иногда очень близка, отдельные управленческие действия друг от друга мало отличаются, то различная клас-

---

²¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 39, стр. 69.

²² М. С. Козлов. О функциональном разделении управленческого труда в промышленном производстве. — «Вопросы экономики и организации социалистического производства». Изд-во Томского университета, 1965, стр. 125.

сификация управленческих функций и объясняется как составные части управленческой деятельности.²³

Несмотря на то, что отдельные управленческие действия человека или группы людей различны, все же весь управленческий процесс настолько единый, специфический, что мы можем говорить о его составных частях независимо от того, в какой сфере происходит управленческий процесс. Таким образом, такие управленческие функции как планирование, организация и др. являются универсальными функциями управленческого процесса, осуществленными любым субъектом управления. Это, однако, не означает, что мы не могли бы управленческие действия отдельных субъектов управления классифицировать по другим признакам.

Управленческие функции как части управленческой деятельности характеризуют управленческий процесс только с внешней стороны и не затрагивают содержания управленческого процесса.

Из сказанного мы можем вывести следующее:

1. Следует различать функции управляемого субъекта, определяемые задачами управляемого объекта, и функции управленческого процесса.

2. При определении функции управляемого субъекта исходными материалами являются данные об управляемом объекте, о его задачах, структуре, сложности, объеме и т. д. Характеристики управляемого объекта определяют характеристики управляющего субъекта.

3. Функции управляющих субъектов имеют такое же иерархическое построение, как и система самих управляющих субъектов. Таким образом, функции нижестоящих звеньев всегда являются конкретизацией вышестоящих. Нижестоящее звено не может выполнить ни одну функцию, не являющуюся своего рода составной частью функции вышестоящего звена, и, наоборот, ни одна функция вышестоящего звена не реализуется без ее конкретизации в функциях нижестоящих звеньев. Поскольку управляемые объекты между собой теснейшим образом связаны, то таким же образом связаны и управленческие функции. Упорядочение управленческих связей — это упорядочение управленческих функций по горизонтали и вертикали.

4. Изучение функций управленческого процесса дает нам данные только о ходе совершения процесса, о целесообразности распределения управленческих работ между людьми, выполняющими единые управленческие функции, о целенаправленном устройстве управленческого труда.

---

²³ См. 3 ссылку настоящей статьи.

KOLHOOSI ESIMEHE OSA JA KOHT KOLHOOSISISES JUHTIMISES

Õigustead. kand. L. Saarnits

Tsiiviilõiguse ja -protsessi kateeder

Kolhoosi juhtivate töötajate hulgas kuulub kolhoosi esimehele keskne koht. Seda kinnitab ka kolhoosnike kolmandal üleliidulisel kongressil vastuvõetud ja NLKP Keskkomitee ning NSV Liidu Ministrite Nõukogu määrusega 28. novembril 1969. a. kinnitatud «Kolhoosi näidispõhikiri», mille 50. paragrahvis öeldakse kolhoosi esimehe kohta järgmist: «Kolhoosnike üldkoosolek valib kolmeks aastaks kolhoosi esimehe, kes on ühtlasi ka kolhoosi juhatuse esimees. Kolhoosi esimees juhib kolhoosi igapäevast tegevust, tagab üldkoosoleku ja juhatuse otsuste täitmist, esindab kolhoosi riiklike organite ning teiste asutuste ja organisatsioonidega suhtlemisel» (1).

Sellisest kolhoosi esimehe seisundi määratlemisest tuleneb esimehe poolt täidetavate funktsioonide mitmepalgelisus. Esimees ühendab endas kolhoosi kui terviku kõrgeima ainuisikulise üldjuhi ja kolhoosi kollegiaalse täidesaatva organi — juhatuse juhi ülesanded, õigused ja kohustused (vt. A. I. Koroljov — 2, lk. 26—27). Kollegiaalse juhtimissüsteemi raames tegutseb kolhoosi esimees eelkõige kui juhatuse esimees, olles seega ühe kollegiaalse organi, kollegiaalse juhtimissüsteemi ühe struktuurielemendi juhiks. Kuid esimehe tihe seos kollegiaalse juhtimisega ei piirdu tegutsemisega kolhoosi juhatuse esimehena. Esimees on kogu kolhoosi kollegiaalset juhtimissüsteemi ühendavaks ja liikumapanevaks jõuks. Esimees seob tootmisjuhtide, spetsialistide ja enda kui ainuisikulise üldjuhi tegevuse kaudu ainuisikulise juhtimise kollegiaalse juhtimisega ühtseks kolhoosisiseseks juhtimissüsteemiks. Siit tuleb ka asjaolu, et esimeest tuleb kolhoosis vaadelda iseseisva ainuisikulise juhina, s. o. kolhoosi esimehena. Kolhoosi esimehe tegevussuuna ja piirid määravad kollegiaalsed organid. Nende otsuste täideviimisel tegutseb esimees kolhoosis juba ainuisikulise juhina.

Kolhoosi juhatuse esimehe ja esimehe kui ainuisikulise üldjuhi funktsioonide ühendamine on üheks kollegiaalse ja ainujuhtimise

kooskõlastamise vormiks. Koordineerides kõikide kollegiaalsete organite ja ainujuhtide tööd seob kolhoosi esimees kogu kolhoosisise juhtimise ühtseks tervikuks. Kolhoosi esimehe juhtimistegevuse kõik tahud peavad lõppkokkuvõttes ühe keskse lülina aitama kaasa kolhoosi kui sotsiaalse süsteemi optimaalsele funktsioneerimisele, kolhoosi ees seisvate eesmärkide ja ülesannete realiseerimisele.

Kolhoosi esimees kolhoosi kui terviku juhina erineb oma õiguslikult seisundilt tunduvalt kolhoosi teistest juhtidest, spetsialistidest või ametiisikutest. Kolhoosi esimehel on õigus oma kompetentsi piires ainuisikuliselt otsustada ülekolhoosilisi majandi juhtimise küsimusi ja anda juhendeid ja korraldusi, mis on kohustuslikud kõigile kolhoosnikutele, nii juhtidele, spetsialistidele kui ka reakolhoosnikutele. Esimehe juhendeid ja korraldusi võivad kolhoosiselselt muuta või tühistada ainult kolhoosi kollegiaalsed juhtimisorganid.

Kolhoosi esimeeste osa tõuseb eriti seoses kolhooside kujunemisega suurteks kaasaegse tehnikaga varustatud ja põllumajandusteaduse eesrindlikke saavutusi rakendavateks sotsialistlikeks suurtegevõteteks. Oluliseks murranguperioodiks osutusid siin just viimased 15 aastat. Sellest annab kolhooside majandusliku arengu näitajate kõrval tunnistust ka Nõukogude riigi normatiivne tegevus kolhooside majandusliku iseseisvuse tugevdamisel, kolhoosidemokraatia arendamisel ja kolhoosi juhtide ning spetsialistide osatähtsuse tõstmisel.

Ulatuslikumas uurimuses kolhoosisise juhtimise õiguslike probleemide kohta märkis I. Pavlov 1955. a., et kolhoosnikute kõrge poliitilise ja tootmisalase aktiivsuse ning riigi suure majandusliku abi tingimustes sõltub kolhoosi majandusliku arengu edukus eelkõige kolhoosi juhtijast, kolhoosi esimehest. «Meil ei ole halbu kolhoose, võivad olla ainult halvad juhid, kes ei ole suutelised jagu saama mahajäävusest», ütleb I. Pavlov (3, lk. 169).

Käesoleval ajal ei saa sellist hinnangut kolhoosi esimehe osa kohta kolhoosi juhtimises lugeda enam päris täpseks ja küllaldaseks.

Majandusteaduses on üldtunnustatud põhimõte, et majandi arengut mõjustavad nii objektiivsed kui ka subjektiivsed tegurid. Kolhoosi esimehest sõltumata on erinevate looduslik-geograafiliste ja muude tingimuste tõttu osa majandeid objektiivselt halvemates tingimustes kui teised. Paratamatult avaldab see mõju mitte ükski majanduslikule, vaid ka kogu sotsiaalsele juhtimisele kolhoosis. Halvemates looduslik-geograafilistes tingimustes olevad kolhoosid peavad forsseerima ka kolhoosisisest juhtimist, et saavutada sotsiaalsamates tingimustes olevate kolhoosidega enam-vähem võrdseid tulemusi.

Samuti on arusaadav, et juhtimises kaugeltki kõik ei sõltu ainult esimehest. Näiteks järjest enam suureneb spetsialistide ja

vahetute tootmisjuhtide, kollegiaalse juhtimise ja juhtimissüsteemi kui terviku osa. Pealegi ei sõltu kõik kolhoosi tulemused ainult juhtimisest, kuigi juhtimise osa tervikuna järjest suureneb. Kolhoosi esimeeste töötulemuste võrdlemisel tuleb arvestada ka neid objektiivseid tingimusi, milles neil tuleb töötada. Hinnata kolhoose ja kolhoosi esimehi ainult ühe mõõdupuuga või ainult kolhoosi majanduslike näitajate alusel, arvesse võtmata külaelu, kolhoositootmise ja kolhoosisisese juhtimise keerukat kompleksi kogu selle paljufaktorluses oleks probleemi alusetu lihtsustamine. Ka juhtimisteaduslikus kirjanduses on avaldatud arvamust, et kaasaja teaduslik-tehnilise revolutsiooni tingimustes otsustab ettevõtte juhtimise efektiivsuse mitte üksikisik — juht ja organisaator, vaid süsteem (organisatsioon) (vt. näiteks — 4, lk. 61—62). Kuna kolhoositootmine on kaasaja sotsiaalse ja majandusliku süsteemi lahutamatu koostisosa, siis on selline ainujuhi osa ümberhindamine täiesti rakendatav ka kolhoosielu juhtimises.

Seoses kolhoosiküla olulise sotsiaalse arenguga, kolhoosisiseste suhete olulise komplitseerumisega on paratamatult suurenenud ka täitev-korraldava tegevuse osa kolhoosisiseses juhtimises ja oluliselt komplitseerunud kolhoosisisene ainuisikuline juhtimine. Kõik see esitab senisest tunduvalt suuremad nõuded ka esimeeste juhtimistegevusele kolhoosis.

Vastavalt «Kolhoosi näidispõhikirjale» (§-d 50 ja 47—48) valitakse kolhoosi esimees kolhoosi kõrgeima organi (üld- või volinike koosoleku) poolt nõutava kvoorumi ($\frac{2}{3}$ liikmete üldarvust või $\frac{3}{4}$ volinikest) osavõtul. Esimees loetakse valituks, kui tema poolt hääletas üle poole hääleõiguslikest kolhoosnikutest või volinikest.

Kolhoosi esimehe seisund sõltub ka kolhoosi juhtivate organite valimise korrast. «Kolhoosi näidispõhikirjas» (§ 56 lg. 1) on öeldud, et juhatus, kolhoosi esimees ja revisjonikomisjon valitakse kolhoosnikute üldkoosoleku äranägemisel kas lahtise või salajase hääletamise teel. See tõstatab küsimuse hääletamise vormi kindlaksmääramise ajast ja kohast. Põhimõtteliselt näib olevat enam põhjendatud hääletamise vormi otsustamine sõltumatult ühe või teise isiku sobivusest või mitesobivusest kolhoosi juhtivasse organisse. Hääletamine peaks toimuma vormis, mis antud majandi kolhoosnikute enamuse arvates tagab kõige soodsama võimaluse isikliku tahteavalduse ja majandi arengunõuete väljendamiseks kolhoosi juhtivate organite valimisel. Probleemi lahendamise aluseks olevad asjaolud on stabiilsed ja küsimust saab ühekordselt ja põhimõtteliselt otsustada. Seetõttu ei ole põhjendatud juhtivate organite valimise vormi küsimuse igakordne otsustamine valimiskoosolekul, vaid see tuleks lahendada põhimõtteliselt kolhoosi põhikirjas.

Salajase hääletamise sisseviimine kolhoosisisese juhtimise praktikasse on sammuks edasi kolhoosidemokraatia arendamisel. Eriti oluline on salajase hääletamise põhimõte kolhoosi esimehe valimisel. Esimehe valimine salajasel hääletamisel on oluliseks garan-

tiiks kolhoosi kõrgeima üldjuhi ja kolhoosnike vahel lojaalsete seltsimehelike suhete loomisel ja hoidmisel. Asetades esimehe valimise suuremasse sõltuvusse kolhoosnike tahtest, tõstes esimehe vastustunnet kolhoosnike ees, aitab salajane valimine kaasa esimehe autoriteedi tugevnemisele (vt. M. I. Kozõr — 5; I. F. Pankratov jt.).

Kuigi esimehe volituste tähtjaks oli 1935. a. näidispõhikirjas, lähtudes juhatuse volituste tähtjast, määratud 2 aastat, pikendas rida kolhoose esimehe volituste tähtaega kohati isegi kuni 5 aastani. See võimalus tulenes NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 6. märtsi 1956. a. määrusega «Põllumajandusliku artelli põhikirjast ja kolhoosnike initsiatiivi edasisest suurendamisest kolhoositootmise organiseerimisel ja artellide juhtimisel» (6) kolhoosidele antud võimalusest välja kujundada antud majandile kõige sobivam juhtimissüsteem. Esimehe volituste pikendamine tugevdas üldjuhtimise järjekestust ning kindlustas ka stabiilsema kolhoosisisese juhtimise. Kuid samal ajal tuleb arvestada asjaolu, et liiga pikk esimehe (ja koos sellega ka juhatuse) volituste tähtaeg võib teatud tingimustes mõjuda negatiivselt kolhoosi ametiisikute ja täitev-korraldava organi seostele kolhoosnikutega. Ja seda vaatamata asjaoludele, et esimehele laieneb täielikult kolhoosi valitud ametiisikute tagasikutsumise võimalus, kui ta oma töös ei õigusta talle osutatud usaldust. Seepärast näeb kolhoosi näidispõhikiri (§ 49 lg. 4) ette juhatuse volituste tähtjaks 3 aastat.

Vastavalt näidispõhikirjale valib esimehe kolhoosi kõrgeim juhtimisorgan. Partei- ja nõukogude organid aitavad välja valida sobiva esimehekandidaadi ja annavad selleks omapoolse soovitus. Kuid esimeheks valimise otsustab kolhoosi kõrgeim juhtimisorgan ranges vastavuses kolhoosi põhikirjaga. Arusaadavalt on kolhoosi esimehe valimise asendamine määramisega ränk kolhoosidemokraatia rikkumine ja seetõttu kehtetu.

Kolhoosi näidispõhikiri ei reglementeerii kolhoosi esimehe vabastamise või vallandamise korda. Juhtimise üldpõhimõtete kohaselt vabastatakse või vallandatakse töötaja põhiliselt samas korras, kui ta tööle määratakse või valitakse. Kolhoosi esimehe võib ametikohalt vallandada (tagandada) ainult erakorralisel ennetähtaegsel ümbervalimisel. Ilma üld- (volinike) koosoleku sellekohase otsuseta ei saa ükski riigi- või parteiorgan esimeest tagandada. NSV Liidu Ministrite Nõukogu ja VK(b)P Keskkomitee 19. septembri 1946. a. määrus keelas kategooriliselt vallandada kolhoosi esimehi kolhoosi organitest mööda minnes ja kolhoosnike taht ignoreerides (?).

Asudes üksikasjalikumalt vaatlema kolhoosi esimehe osa ja kohta kolhoosisisese juhtimise süsteemis, võib nentida asjaolu, et küsimust on kolhoosiõiguslikus kirjanduses seni käsitletud küllaltki puudulikult. Mõningaid sellekohaseid probleeme on püstitatud esimehe tööülesannete piiritlemisel kolhoosi üld- ja volinike koosolekute tegevusest. Käsitlemata on aga esimehe kompetentsi prob-

leenid seoses teiste kolhoosi ametiisikutega (tootmisjuhtide ja spetsialistidega), täiesti kasutamata on õigus-sotsioloogiliste uurimuste ja juhtimisteaduse võimalused probleemi kompleksseks teaduslikuks käsitlemiseks. Kolhoosi esimehega seonduvate õiguslike probleemide lahendamine ei ole võimalik konkreetsete sotsioloogiliste uurimuste teel küllaldase empiirilise materjali kogumiseta ning selle kaasaegse kvantitatiivse ja kvalitatiivse analüüsita, juhtimisteaduse põhikategooriaid (juhtimisaparaadi klassifikatsioon, põhifunktsioonid, juhtimissuhted jne.) kasutamata.

Alljärgnevalt vaatlemegi kolhoosi esimehega seonduvaid õiguslike küsimusi, arvestades esimesi autoripoolseid kogemusi eelnimetatud alade uurimisel.

Lähtudes juhtivate töötajate põhilisest klassifikatsioonist, kuulub kolhoosi esimees nn. üldjuhtide hulka. Kolhoosi esimees kui kõrgeim ainuisikuline üldjuht 1) on vahetult ja spetsialistide kaasaabil optimaalselt informeeritud kolhoosi sõlmprobleemidest; 2) jälgib, planeerib, korraldab ja suunab komplekselt kolhoosi kui terviku kooskõlastatud tegevust; 3) tagab kolhoosi kavakindla perspektiivse sotsiaalse arengu; 4) tegeleb ülekolhoosiliste külaelu arengu sõlmprobleemidega; uurib, hindab ja otsustab seadusega ja kolhoosisiseselt talle omistatud kompetentsi piires ühismajandi ees seisvaid strateegilisi, põhimõttelisi küsimusi; 5) ei juhi reeglina vahetult ühtegi kitsamat tootmisloiku, kontrollib ja vajaduse korral koordineerib tootmisjuhtide ja spetsialistide tegevust; 6) on keskseks ainuisikuliseks juhiks tähtsamate kaadrialaste, sealhulgas ka kaadri järelkasvu ning kvalifikatsiooni tõstmise küsimuste lahendamisel; 7) organiseerib ja kindlustab kollegiaalsete juhtimisorganite funktsioneerimist; 8) vastutab kolhoosnikute ja ühiskonna ees kogu kolhoosi juhtimissüsteemi kui terviku optimaalse funktsioneerimise eest, mille konkreetsemaks väljenduseks on muuhulgas ka vastutus inimressursside inimliku ja efektiivse kasutamise eest, vastutus kolhoosi majandusliku ja üldise sotsiaalse elujõulisuse eest. Üksikute all-lõikude töö eest vastutab esimees sedavõrd, kuivõrd ta on jätnud sellekohased õigused delegeerimata, jaotamata või korrastamata.

Kolhoosi esimehe ainujuhtimisel on olulisi erisusi võrreldes ainujuhtimisega riiklikes ettevõtetes. Ainujuhtimise spetsiifika aluseks kolhoosis peetakse erisust omandi vormis (A. I. Koroljov — 2, lk. 28).

Riikliku organisatsiooni kõrgeima ainuisikulise juhi tegevus sfäär on suhteliselt avaram kolhoosi esimehe ainujuhtimise sfäärist. Riikliku ettevõtte direktor otsustab ainuisikuliselt oma kompetentsi piires kõik temale alluva juhtimisobjektiga seotud üldised juhtimise küsimused. Mingi kollegiaalne organ ei kitsenda kohustuslikult riikliku ettevõtte ainujuhi õigusi, ta otsus on majandisese halduse liinis lõplik. Kolhoosi esimees aga ei otsusta ainuisikuliselt kaugeltki mitte kõiki kolhoosisese juhtimise küsimusi. Kõik tähtsamad

põhimõttelised ja strateegilised kolhoosi juhtimise küsimused otsustatakse kolhoosis kollegiaalselt. Kolhoosi esimehe iga seisukoht on põhimõtteliselt kontrollitav mitmetes kolhoosisisestes instantsides.

Teine ainujuhtimise oluline erinevus kolhoosides väljendub kolhoosi esimehe kui ainujuhi juhtimismeetodite ja mõjustusvahendite kohaldamisõiguste piiramises. Riikliku ettevõtte direktor on ainus distsiplinaarkaristuste kohaldaja ettevõttes. Kolhoosis kohaldavad karistusi kollegiaalsed organid. Esimees võib olla distsiplinaar-menetluse algatajaks ja ainult äärmise erandina distsiplinaarsete mõjustusvahendite kohaldajaks. Seega on ka ainuisikulise juhtimise meetodites riiklike ettevõtete ja kolhooside vahel olulisi erinevusi. Paljudes küsimustes ei ole esimees otsustaja, vaid eelkõige kollegiaalse organi poolt otsuse väljatöötamise initsiaator ja tehtud otsuse elluviimise organiseerija. Kolhoosi esimehe sõltuvust kollegiaalsetest juhtimisorganitest näitab ka esimehe aruandekohustuslikkus kolhoosnikute ja kollegiaalsete organite ees, esimehe valimine kollegiaalsete juhtimisorganite poolt.

Riiklikes ettevõtetes, sealhulgas ka põllumajandusettevõtetes võivad ja praktiliselt ka arutavad töötajate kollektiivid tööplaani, annavad hinnangu tehtule, märgivad edusamme, kritiseerivad puudusi jne. Kuid otsustav sõna jääb ainuisikulisele üldjuhile (direktorile), kellel on õigus nõustuda või mitte nõustuda alluvate töötajate arvamusega. Kolhoosis on üldjuhtimise küsimuste lahendamise põhimõtteliselt erinev. See määrab ka üldjuhi koha kolhoosisisises juhtimissüsteemis. Kolhoosis jääb üldjuhtimise küsimustes viimane sõna kollektiivile, kolhoosnikutele, kollegiaalsetele kolhoosisisestele juhtimisorganitele. Kolhoosi üldjuhi poolt kolhoosi kollegiaalsete organite seisukohtade täitmatajätmine või selliste üldjuhtimise põhiküsimuste ainuisikuline otsustamine, mis tema kompetentsi ei kuulu, põhjustab sellise juhi usaldatavuse ja ametikohale vastavuse küsimuse (V. F. Rešetnjak — 8, lk. 87).

Seega on kolhoosi esimees kui üldjuht allutatud oma tegevuses väga tihedalt ja spetsiifiliselt kollegiaalsetele organitele. See määrab oluliselt ära ka esimehe kompetentsi erinevused. Tema iseseisvust ainuisikulise juhina tuleb seondada kollegiaalsete organite otsustega, nende elluviimisega. Võrreldes riiklike organite ainujuhtidega ei tule selles näha mingit erilist kolhoosi esimehe õiguste piiramist majandi juhtimisel. Riiklike ettevõtete ainujuhid on riigiorganite ettekirjutiste vahetud täitjad, riigi tahte elluviijad. Kolhoosidemokraatia annab aga suuremad õigused kolhoosidele endile ja siin näeme kolhoosi kollegiaalseid organeid sageli selliste küsimuste lahendajatena, mis riiklikele ettevõtetele on antud kohustuslike ettekirjutistena (vt. ka 27, lk. 37).

Kollektiivsete plaanide ja otsuste operatiivsel elluviimisel, koostöö ja koordineerimise tagamisel juhtimisprotsessis, tootmisjuhtide ja spetsialistide kontrollimisel tegutseb kolhoosi esimees ainujuh-

tijana, sest kolhoositöö nõuab distsipliini, tahte- ja tegutsemis-
ühtsust.

Tehes katset kasutada kolhoosi esimehega seonduvate õiguslike juhtimisprobleemide väljaselgitamiseks konkreetseid sotsioloogilisi uurimusi ja statistilise analüüsi elemente, korraldati kahes rajoonis (Jõgeva ja Tartu) 36 kolhoosi esimehe ja 10 aasesimehe ning 253 spetsialisti ja tootmisjuhi ankeetküsitlus. Saadud andmed töödeldi TRÜ Arvutuskeskuses. Kuna uurimuste tulemustest on korduvalt juttu olnud *, siis tooksime siinkõhal ainult üksikuid näiteid ja tulemusi, mis on vahetult seotud kolhoosi esimehe töö paremustamise ja selle õigusliku reguleerimisega.

Saadud andmeil ulatub küsitletud kolhoosi esimeestel vahetute alluvate arv 3—14-ni. Seega on kolhoosi kõrgemal üldjuhil vahetuid alluvaid mõnevõrra vähem kui vabariigi sovhoosides (M. Tamme andmeil on sovhoosi direktoril 15—20 vahetut alluvat. 9, lk. 20). Valdaval enamusel küsitletuist on 6—8 alluvat, mis ületab oluliselt teistele kolhoosi juhtivatele töötajatele vahetult alluvatena näidatud isikute arvu. Võrreldes kolhoosi esimeeste faktiilist otsuste alluvate arvu juhtimisalases kirjanduses soovitatava kontrollitavuse (juhitavuse) normiga ja võimalike juhtimissuhete miinimumiga, näeme, et kolhoosi esimehe juhtimissuhete faktiline arv ületab tihti esimehe kui juhi võimalusi neid optimaalsele ligilähedaselt korras hoida. Esineb palju tegelemist üksik- ja pisiküsimustega, teiste juhtivate töötajate asendamist ning dubleerimist, juhtimisfunktsioonide ebaõiget jaotust ning reguleerimatust.

Palju ebaselgust esineb ka esimehe juhtimisalastes suhetes kõrgemalseivate organitega. Oluliselt erinev on esimeestele korraldusi andvate organite arv, puudulikult on diferentseeritud esimehe ja kõrgemalseivate organite suhted. Kolhoosi kollegiaalseid juhtimisorganeid (juhatust, üld- või volinike koosolekut) peab esimehele korraldusi andvateks juhtimisorganiteks ainult 1/3 kolhoosi esimehi. Üldistus annab alust järelduseks, et ühelt poolt on kolhoosi esimehed muutunud liiga ainuisikulisteks juhtideks (administraatoreiks), ei saa küllalt sisulist abi ega arvesta küllaldaselt kollegiaalseid organeid ning teiselt poolt — kolhoosisisene juhtimine on muutunud sedavõrd komplitseerituks ja dünaamiliseks, et kollegiaalsed juhtimisorganid ei saa anda ainujuhtidele konkreetseid tegevusjuhendeid. See omakorda nõuab kolhoosi juhtide ülesannete täpsustamist, õiguste ja kohustuste laiendamist.

Objektiivselt kolhoosikülas asetleidnud sotsiaalse arengu ja siit tuleneva sotsiaalse juhtimise arengu suundi tuleb arvestada juhti-

---

* Vt. näit. L. Saarnits. 47 kolhoosi, 10 000 avaldust, 830 töötundi. — «Nõukogude Oigus», 1968, nr. 6; Kolhoosisisese kollegiaalse juhtimise täiustamisest. Ühing «Teadus» väljaanne. Tln., 1969; О научных основах коллегияльного управления в колхозах и его правовом регулировании. Автореферат канд. дисс. Тарту, 1970.

missüsteemi paremustamisel kolhoosis ja kollegiaalse ning ainujuhtimise seostamisel.

Kolhoosi esimehe töös on keskseks probleem, kuidas oma majandis paindlikult ühendada masside optimaalne informeeritus, masside arvamuste väljaselgitamine ja kohustuslik arvestamine, kollektiivne arutamine ja otsustamine range ainujuhtimisega igapäevases operatiivses täitev-korraldavas töös. Nagu näitas kollegiaalsete kolhoosi juhtimisorganite konkreetne-sotsioloogiline analüüs, tuleb viimaste töös teha rida ümberkorraldusi pisiülesannete vähendamise ja kardinaalsete, põhimõtteliste küsimuste osatähtsuse olulise tõstmise suunas. Seda asjaolu tuleb arvestada ka esimehe osatähtsuse määratlemisel kaasaegses kolhoosis. Tuleb oluliselt tõsta esimehe, eriti aga teiste juhtivate töötajate osa nende kui ainujuhtide õiguste laiendamise teel üksikküsimuste, eriti aga operatiivsust nõudvate üksikküsimuste lahendamisel. Esimehe osa aga peaks eriti tõusma nimetatud küsimuste ainuisikulise lahendamise kontrollis kolhoosi teiste juhtivate töötajate poolt. Nii nagu sovhooside juhtimiseks on palju kasulikku üle võtta kolhooside kogemustest, nii on ka kolhoosidemokraatia ja esimeeste töö edasiandmiseks vaja omandada riiklike põllumajandusettevõtete ainujuhtimise eesrindlikke kogemusi.

Praegustes tingimustes on kolhoosi esimees sageli kujunenud kogu kolhoosi töö ja tootmise kõrgemaks ainuisikuliseks organiseerijaks. Kui majand ei ole eriti suur ja põhilised tootmisüksused on viidud isemajandamisele, siis on selline lahendus mõeldav. Nagu näitab aga praktika üldistus, koormab senine kolhoosi esimehe positsioon teda tihti üle pisi- ja üksikküsimustega. Esimehe töös muutub peamiseks operatiivne töö. Tunda annab operatiivset töö organiseerimist koordineeriva lüli puudumine. M. Tamm soovitab vabariigi sovhoosides läbiviidud uurimuste põhjal luua ülemajandiline tootmisjuhi ametikoht (10, lk. 27). Vajadust selle järele kolhoosides kinnitas ka meie üldistus.

Mõnedes põllumajandusettevõtetes on tööle rakendatud dispetšer kui keskne tööde käiku korraldav-koordineeriv ametiisik. Tootmise üldjuhi või dispetšeriteenistuse sisseviimine muudaks oluliselt kolhoosi esimehe kohta ja osatähtsust kolhoosisiseses juhtimises, vabastaks esimehe operatiivsest tootmise organiseerimisest ja võimaldaks tal rohkem tegelda perspektiivse juhtimise küsimustega ja teiste juhtide kontrolliga, mis on üldjuhi keskseid tegevusliine.

Üheks kolhooside juhtimise, eriti aga esimeeste töö kitsaskohaks on praegu kolhoosi abiettevõtete ja abitootmisharude juhtimine.

Kolhoosnikute elukondlikuks teenindamiseks ja kolhoositootmiseks vajalike tingimuste loomiseks tegutseb kaasaja kolhoosis rida teenindavaid lüsilised, nagu näiteks lasteaed, söökla, klubi, postiljonid, mitmesugused töökojad, põllumajandussaaduste töötlemise ettevõtted. Viimasel ajal laieneb selline tegevus eriti hoogsalt. Senise praktika kohaselt on need ettevõtted tihti esimehe enda otse-

ses alluvuses. Tundub, et see ei ole kõige otstarbekam. Abiettevõtted võiks allutada kas abiettevõtete juhatajale, majandusjuhatajale või tootmisala juhatajale. Selleks võiks olla väga edukalt kolhoosi aseesimees — moodus, mida praktikas paiguti ka kasutatakse.

Kõrvuti kollegiaalsete organitega seondub kolhoosi esimehe koht juhtimissüsteemis kesk- ja madalama astme juhtide ning spetsialistidega. Kolhoosi esimehe koha kindlaksmääramine kolhoosisiseses juhtimissüsteemis eeldab ühelt poolt juhtivate töötajate mõiste ja osatähtsuse täpsustamist ja teiselt poolt nende vänekordade kindlaksmääramist kollegiaalsete organitega ja esimehega. Kesks- ja madalama astme juhiks on isikud, kelle tegevuseks juhtimise sfääris on ühe kindla tootmisüksuse juhtimine või töö korraldamine teatud kindlas lõigus. Nende põhiliseks ülesandeks on kõrgemal seisvatelt juhtidelt saadud ülesannete loov ellurakendamine temale allutatud tööloigus. Tootmisjuhtide tegevuses domineerivad operatiiv-korraldavad funktsioonid. Need on administratiivsetes jt. üldküsimustes tavaliselt allutatud majandi üldjuhile, erialastes küsimustes aga vastava ala spetsialistidele ja juhatajale.

Keskseteks tootmisjuhtideks kolhoosis on osakonnajuhatajad, kompleks- või alalise tootmisbrigaadi brigadirid, farmijuhatajad, abiettevõtete juhid. Tavaliselt nõuab ka tootmisüksuse juhtimine selle tootmisüksuse põhitöö sisulist tundmist spetsialisti tasemel. Seeõttu on näiteks valdav enamus põllundusbrigadire põllumajandusliku eriharidusega või suure tööstaaziga ja tunneb hästi tehnikat (11, lk. 496).

Juhtivate töötajate hulka kuuluvad põhimõtteliselt ka spetsialistid.

Spetsialistide mõiste ei ole käesoleva ajani ühtsena välja kujunenud, kuigi ka see on esimehe koha määratlemisel olulise tähtsusega. Kuivõrd erinevad on arusaamad senises juhtimisteesooriaalases, kolhoosiõiguslikus kirjanduses ja seadusandluses, seda näitab kas või põgus pilk sellekohastele allikatele (vt. näit. A. M. Kalandadze — 12, lk. 88; R. Üksvärav — 13, lk. 75; T. K. Svjatetskaja — 14; 15; 1, § 52 jt.). Teatud põhitunnuste ühtsus oleks siin vajalik, sest spetsialistidel on juhtimissüsteemis erinev koht võrreldes üldjuhtide, tootmisjuhtide, oskus- ja lihttöölistega. Erinevad on ka nende ülesanded, õigused ja kohustused.

Spetsialistide kõige üldisemad ülesanded võiksid näiteks olla: 1) informatsiooni kogumine majandi üldise olukorra ja oma tööloigu kohta; 2) tootmistegevuse planeerimine, tootmis- ja finantsplaanide täitmine, erialane teaduslik-tehniline juhtimine; 3) põhitud töövariantide ja tootmistehnoloogia väljatöötamine; 4) esilekerkinud sõlm- ja kriitiliste olukordade lahendamise või sellekohaste optimaalsete lahendusvariantide esitamine; 5) plaani elluviimise analüüs ja kontroll, vajalike korrigeerimisetpanekute esitamine.

Spetsialistid moodustavad tavaliselt kolhoosisiseses juhtimise süsteemis organisatsiooni funktsionaalse hierarhia põhikoosseisu

ja on ühtlasi staabikoosseisu keskseteks kujudeks. Õigustanud on end ka spetsialistide rakendamine üksikute tegevusalade juhtimiseks, varustades neid näiteks rea vahetute tootmisjuhtide volitustega (vt. Kolhoosi näidispõhikiri, § 52).

Tootmisüksuste ja spetsialistide õige koha leidmine juhtimis-süsteemis peab välistama kolhoosi esimehe tungimise nende tegevussfääri, nende dubleerimise või asendamise. Spetsialistide ja tootmisjuhtide koha ebaõige mõistmine, nende iseseisvuse alahindamine on aga kolhooside juhtimises veel küllalt levinud nähtus.

Kolhoosi esimehe osa ja kohta kolhoosisiseses juhtimises määratlevad oluliselt ka temale omistatud õigused. Esimehele antud õigustest sõltub oluliselt nende meetodite ja vahendite arsenal, mille abil ta ainuisikuliselt saaks juhtida, et ta operatiivselt ja ratsionaalselt saaks ellu viia oma juhtimisalaseid otsuseid. Üksmeelselt peavad paljud autorid vajalikuks koos teiste kolhoosi juhtimisorganite õiguste laiendamisega anda ka kolhoosi esimehele senisest laiemad õigused (J. V. Pavlov — 16, lk. 95; N. G. Jussifov — 8, lk. 136; G. A. Aksenjonok — 17, lk. 31; B. J. Tarelnik — 18, lk. 58 jt.), eriti operatiivsete jooksvate ja majanduslike küsimuste lahendamiseks.

Juristide hulgas on enam diskuteeritavaks kujunenud probleem kolhoosi esimehe võimupiiridest korralduste andmisel, sealhulgas ka kolhoosnikute distsiplinaarmenetluses, ennekõike distsiplinaar karistuste määramisel. Osa autoreid (V. Kelder — 19, lk. 14; J. A. Kobtšikova, M. G. Soleneva — 20, lk. 96) peavad kolhoosi esimehe õiguste laiendamise ja kolhoosisisese õiguskorra vajalikuks elemendiks ainuisikulistele kirjalike korralduste või käskkirjade andmise õigust. Osaliselt toetab seda ka A. Kalandadze, kes peab vajalikuks anda esimehele õigus kõrvaldada kolhoosnikud töölt (12, lk. 89), kuigi hilisema juhatuse kinnitusega. T. Svjatetskaja peab vajalikuks anda kolhoosi esimehele õigus ainuisikulistele korralduste tegemiseks teatud ulatuses varade käsutamisel ja mittevaraliste karistuste määramisel (21). Esimehe kirjalike korralduste andmist pooldavaid arvamisi avaldati ka uue kolhoosipõhikirja väljatöötamise käigus (vt. näiteks H. Hansen — 22). Rida teoreetikuid (J. F. Pankratov — 23, lk. 81; G. S. Bašmakov — 17, lk. 179--181; G. A. Aksenjonok — 17, lk. 30; P. N. Roslov — 24, lk. 78) näeb aga selles administreerimise põhjendamatu suurendamist kolhoosides.

Nagu näitab kolhoosisisese juhtimise uurimine, on sellekohane praktika juba mõningates kolhoosides levinud (vt. näit. P. P. Pjatnitski — 8, lk. 77--78), sealhulgas ka üksikuis meie poolt uuritud kolhoosides (näit. Jõgeva rajooni «Kalevi» ja M. Lillevere nim. kolhoosis). Paiguti viidi selliseid sätteid ka kolhoosi põhikirja, kuigi põhikirju registreerinud riigiorganid lükkasid neid tihti tagasi kui ebaseaduslikke.

Meie arvates on probleemi aetus mõnevõrra ebatäpne. Rääkida sellest, kas anda kolhoosi esimehele korralduste või käskkirjade and-

mise õigust või mitte, ei ole õige. Probleemi selles pole: iga juht, sealhulgas ka kolhoosi esimees oma juhtimistegevuses, annab paratamatult mitmesuguseid, sealhulgas ka kohustuslikke korraldusi. Selle vastu ei ole keegi vaielnud ja nähtavasti ei hakka ka vaidlema, sest igasugune sotsiaalne juhtimine eeldab ainuisikulisi korraldusi. Seetõttu on ka kolhoosi esimehe korraldused praktikas levinud kui juhtimise lahutamatu element. Arvestades esimehe osa ja kohta kolhoosisisese juhtimise süsteemis, puudutavad esimehe korraldused tihti just olulisemaid kolhoosisisese täitev-korraldava tegevuse külgi. Küsimus on seega ennekõike esimehe korralduste, käskude vormis. Neile kirjaliku vormi andmisele ei saa meie arvates olla olulisi vastuväiteid, kuna küsimus on ainult olemasolevale praktikale ja juhtimise lahutamatu elementide täiuslikuma vormi andmises ja nende fikseerimises.

Esimehe korralduste kirjalik vormistamine loob aluse nende täpselt fikseerimiseks, formuleerimiseks, nende arvestuseks, efektiivselt organiseerimiseks ja kontrolliks ning nende seaduslikkuse kindlustamiseks. Esimehe korraldustele kirjaliku vormi andmise poolt räägib ka kolhoosisisese juhtimise oluline komplitseerumine ning orgtehnika täiustumine*. Seoses sellega märgib täiesti põhjendatult V. Kelder, et sellekohased eeskirjad peavad olema põhikirjas või muus normatiivses aktis täpselt fikseeritud (19, lk. 14).

Probleemi juurde kuulub ka küsimus distsiplinaarkaristuse määramise õiguse andmisest kolhoosi esimehele. Meie arvates tuleb täielikult nõustuda ka vähemalt mittevarealistele karistustele määramise õiguse andmisega kolhoosi esimehele. Selle poolt räägib see, et a) karistuse määramine on reeglipäraselt üksikküsimuse (üksikfakti) arutamine, milleks ei ole vaja juhatuse seisukohta, kui põhimõttelised alused on kollegiaalselt välja töötatud (juhatuse teatavasti peaks orienteeruma strateegiliste, põhimõtteliste küsimuste arutamisele ja otsustamisele); b) isiksuse ja üleastumise faktiliste asjaolude tundmaõppimine on tunduvalt lihtsam ühel isikul, kellel on tavaliselt ka põhjalikum informatsioon küsimuse õigeks otsustamiseks; c) karistuse määramine esimehe poolt tagab operatiivse reageerimise üleastumisele ja selle kiire täideviimise; d) teatud distsiplinaarsete abinõude kohaldamine (näiteks joobnu töölt kõrvaldamine jne.) ei olegi teisiti mõeldav kui ainuisikulise tegevusena; e) sel juhul ei koormata juhatust üle üksikküsimustega; küsimuse juhatuse koosolekul arutamine ei anna sisuliselt selle lahendamiseks midagi juurde, teiste arvamust arvestatakse paratamatult ka vormiliselt ainuisikulise otsustamise käigus; f) juhatusele jääb igal juhul esimehe otsusele esitatud kaebuste läbivaatamine, mis tagab ka otsuste põhjendatuse ja seaduslikkuse. Juhatusele jääb ka sellekohane järelevalve funktsioon, mida vajaduse

---

* Otsuste viimise kohta alluvateni ja ülesannete (korralduste) formuleerimise kohta vt. 25, lk. 94—99; lk. 109—122 jt.

korral on kolhoosisiseselt võimalik täiendada juhatusepoolse, s. o. kollegiaalse kinnitamise nõudega.

Kolhoosi esimehe osa ja kohti täpsem piiritlemine eeldab kolhoosisestest juhtimissuhete küllaldast diferentseerimist. Ilma selleta ei saa nähtavasti ka normatiivselt küllalt täpselt reguleerida keerkaid juhtimissuhteid kolhoosis, mistõttu kolhoosisestest juhtimissuhete diferentseerimine on nii kolhoosisesise juhtimise kui ka selle normatiivse reguleerimise efektiivsuse tõstmise oluliseks teeks. Senised juhtimissuhete liigitused juhtimisteoorias (administratiivsed, funktsionaalsed, operatiivsed, üldjuhtimise, koordineerimise, kooskõlastamise jne. suhted) ei ole küllaldaselt selged ega ole leidnud ka vajalikku tähelepanu kolhoosiõiguslikus kirjanduses.

Kolhoosi esimees on kõrgeim ainuisikuline üldjuht kolhoosis, kes suunab, kontrollib, koordineerib, vajaduse korral aga kindlustab vajalike korralduste andmise ja mõjutusvahendite kohaldamise teel kolhoosi juhtimissüsteemi laitmatu funktsioneerimise.

VIIDATUD KIRJANDUS

1. Примерный устав колхоза. Принят Третьим Всесоюзным съездом колхозников и утвержден постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 ноября 1969 № 910 — СП СССР 1969, № 26, ст. 150.
2. А. И. Королев. Правовое положение председателя колхоза. Изд-во ЛГУ. Л., 1957.
3. И. В. Павлов. Правовые формы управления делами в колхозах. Госюриздат, 1955.
4. Новейшие тенденции в организации управления крупными фирмами в США. Отв. ред. С. М. Меньшиков. Изд-во «Наука», М., 1966.
5. М. Козырь. Каким должен быть новый примерный устав колхоза. — «Советская юстиция», 1966, № 1.
6. Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956. № 312 — Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству, т. 1. Госюриздат, М., 1957.
7. О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах. Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 19 сентября 1946. — Сборник законодательных и ведомственных актов по сельскому хозяйству, т. 1. М., 1955.
8. Научные основы нового примерного устава сельскохозяйственной артели. Изд-во «Юридическая литература», М., 1966.
9. М. Тамм. Использование рабочего времени работников управления в совхозах Эстонской ССР. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Таллин, 1969.
10. М. Тамм. Põllumajandusettevõtete juhtimine vajab täiustamist. — «Eesti Kommunist», 1967, nr. 1.
11. Народное хозяйство СССР в 1967 г. Статистический ежегодник. Изд-во «Статистика», М., 1968.
12. А. М. Каландадзе. О правовом положении должностных лиц колхозов. — «Советское государство и право», 1966, № 3.
13. R. Üksvägav. Majandusorganisatsioonide juhtimine Ameerika Ühendriikides. Kirjastus «Eesti Raamat», Tallinn, 1966.

14. Т. К. Святецкая. Положение специалистов колхоза. — «Советское государство и право», 1969, № 2.
15. Agronoomide, zootehnikute ja muude põllumajanduse spetsialistide osatähtsuse suurendamise kohta kolhoosi- ja sovhoositootmise arendamises. EKP Keskkomitee ja Eesti NSV Ministrite Nõukogu 27. juuli 1962. a. määrus — Eesti MKK, 1962, пр. 37.
16. И. В. Павлов. О принципах нового примерного устава колхозов. — «Советское государство и право», 1966, № 2.
17. Вопросы колхозного права на современном этапе. Госюриздат, М., 1960.
18. Б. И. Тарельник. Опыт изучения колхозной демократии и ее совершенствования в современных условиях. — «Философские науки», 1957, № 2.
19. В. П. Кельдер. Колхозно-правовая и гражданско-правовая охрана собственности сельскохозяйственной артели. Автореферат докторской диссертации. Л., 1968.
20. И. А. Кобчикова, М. Г. Ссленева. Организация и оплата труда в полеводческой бригаде колхоза. Сельхозгиз, М., 1953.
21. Т. К. Святецкая. О понятии должностного лица в колхозе. — «Правоведение», 1967, № 3.
22. H. H a n s e n. Meie ühisest tööst, vastutusest ja vastusaamisest. — «Noorte Hääl», 9. jaanuaril 1969.
23. И. Ф. Панкратов. Правовые вопросы сближения колхозов и совхозов и возникновения единого общенародного сельскохозяйственного предприятия. — «Советское государство и право», 1962, № 9.
24. Н. П. Рослов. Права и обязанности органов управления колхозов. Госюриздат, М., 1961.
25. Л. И. Вартамян и другие. Делопроизводство. Изд-во «Просвещение», М., 1964.
26. Научная организация управленческого труда. Изд-во 2-е, переработанное и дополненное. Перевод с чешского. Изд-во «Прогресс», М., 1968.
27. Директивы и стимулы в механизме управления экономикой. Изд-во «Мысль», М., 1969.

РОЛЬ И МЕСТО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВО ВНУТРИКОЛХОЗНОМ УПРАВЛЕНИИ

Л. Саарнитс

Резюме

Среди руководящих работников колхоза председателю колхоза принадлежит центральное место. Это подтверждается Примерным уставом колхоза (ст. 50). Председатель в колхозе выступает 1) как председатель правления, т. е. как руководитель одного коллегиального органа управления; 2) как соединяющее и руководящее звено всей системы коллегиального управления и 3) как единоличный общий руководитель, который посредством своей единоличной управленческой деятельности и единоличной деятельности руководителей производства и специалистов колхоза соединяет всю систему внутриколхозного управления в единое целое.

В статье выделяется специфика правового положения пред-

седателя колхоза по сравнению с другими руководящими работниками колхоза и единоличными руководителями государственных сельскохозяйственных предприятий. Автор подчеркивает определенную ограниченность нынешней трактовки вопроса о месте и роли председателя колхоза, считая необходимым использовать при решении данной проблемы возможности науки управления, социально-правовые исследования и возможности качественного и количественного анализа. Подчеркивается необходимость в дифференцированном изучении управленческих связей председателя колхоза с другими органами управления.

Исходя из основной классификации руководящих работников председатель колхоза рассматривается как общий руководитель, который 1) непосредственно и при помощи специалистов оптимально информируется об узловых проблемах колхоза; 2) комплексно планирует, организует и направляет согласованную деятельность колхоза как целого; 3) обеспечивает планомерное перспективное социальное развитие колхоза; занимается общеколхозными узловыми проблемами развития сельской жизни; исследует, оценивает и решает, в пределах своей компетенции, стоящие перед колхозом стратегические, принципиальные вопросы; 5) как правило, непосредственно не руководит ни одним производственным участком; проверяет, контролирует и при необходимости координирует деятельность руководителей производства и специалистов; 6) является центральным единоличным руководителем при решении важных вопросов по кадрам, в том числе при решении вопросов подготовки и повышении квалификации кадров; 7) организует и обеспечивает функционирование коллегиальных органов управления; 8) отвечает перед колхозниками и обществом за оптимальное функционирование всей системы внутриколхозного управления, в том числе и за человеческое и эффективное использование людских ресурсов и за экономическую и социальную жизнеспособность колхоза. За работу частных подразделов председатель отвечает постольку, поскольку он оставил соответствующие права неделегированными, нераспределенными и неупорядоченными.

Исходя из этого, в статье приводится анализ управленческих отношений председателя колхоза, которые были установлены опросом 299 руководящих работников колхозов двух районов ЭССР. Из анализа автор выводит, что роль председателя и других единоличных руководителей колхоза должна повышаться через расширение их прав и обязанностей при разрешении частных, текущих и требующих оперативности вопросов.

Рассматривая вопрос о правах председателя составной частью вопроса о роли и месте его в системе внутриколхозного управления, автор статьи высказывается в пользу письменной фиксации распоряжений председателя колхоза, так как распоряжения руководителя являются неотделимой составной частью всякого

процесса управления. Их письменная фиксация содействует более точной фиксации, формулировке, учету, эффективной организации исполнения, контролю и законности распоряжений. Автор высказывается также в пользу расширения прав председателя в дисциплинарном производстве колхозников. Исходя из общего положения, что управление колхозами и совхозами должно друг друга взаимно обогащать, автор приходит к выводу, что председателю колхоза следует предоставить право наложения хотя бы неимущественных взысканий. В пользу этого приводятся, между прочим, следующие обстоятельства: а) наложение наказания, как правило, является решением частного (единоличного) вопроса, для чего нет необходимости в мнении правления, если соответствующие принципиальные положения коллегиально рассмотрены (правление, как известно, должно ориентироваться на обсуждение и решение стратегических, принципиальных вопросов); б) изучение личности и конкретных фактических обстоятельств проступка гораздо легче провести единолично, вследствие чего председатель имеет оптимальную информацию для правильного решения соответствующих вопросов; в) наложением взыскания председатель обеспечит оперативное реагирование на проступок и оперативное исполнение взыскания; г) применение определенных мер дисциплинарного воздействия (например, устранение от работы нетрезвого колхозника) немислимо иначе как через единоличные распоряжения; д) правление не будет перегружено частными вопросами; коллективное обсуждение для решения данных вопросов ничего нового не дает, мнение других может быть учтено и при единоличном решении вопроса; е) за правлением должно оставаться рассмотрение жалоб на решения председателя или утверждение соответствующих решений председателя, что обеспечит полную обоснованность и законность решений.

О КЛАССИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Канд. юрид. наук Ж. Ананьева

Кафедра гражданского права и процесса

Вопросу классификации гражданских правоотношений в учебниках уделяется обычно лишь несколько страниц. Из этого, однако, не следует, что данный вопрос окончательно разработан и поэтому можно ограничиться лишь кратким изложением результатов. Самый беглый обзор литературы убеждает в обратном.

Согласно традиционной точке зрения, гражданские правоотношения подразделяются на приведенные ниже виды.

1. По содержанию гражданские правоотношения подразделяются на имущественные и личные неимущественные. Это деление зафиксировано в законе (ст. 1 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик¹, ст. 1 ГК ЭССР).

2. По субъектному составу все гражданские правоотношения подразделяются на абсолютные и относительные. Абсолютным называют правоотношение, в котором управомоченному лицу противостоит неопределенное множество пассивных обязанных лиц. (Например, правоотношение собственности, авторства и др.). Относительным же называется такое правоотношение, в котором управомоченному лицу противостоит конкретно обязанное лицо или несколько лиц (например, правоотношение из договора и др.).

3. Вещные и обязательственные правоотношения принято различать по признаку реализации (осуществления) права. По установившемуся мнению, отличительный признак вещного правоотношения заключается в том, что управомоченное лицо может самостоятельно осуществлять свои правомочия без совершения каких-либо положительных действий со стороны обязанных лиц. В обязательственном же правоотношении реализация права управомоченным лицом возможна лишь при соверше-

¹ В дальнейшем «Основы».

нии определенных действий обязанным лицом. Вещные правоотношения являются абсолютными, а обязательственные относительными.

Такое деление гражданских правоотношений сложилось в литературе давно, однако оно никогда не было бесспорным. Нет спора о необходимости деления правоотношений на имущественные и личные неимущественные. (При этом является спорным само понятие имущественных общественных отношений вообще и входящих в предмет регулирования гражданского права, в частности, спорным является также вопрос о подвидах неимущественных отношений). Что же касается иных делений, то ряд видных цивилистов отрицает необходимость деления гражданских правоотношений на абсолютные и относительные, другие, признавая вышеуказанное деление, не считают необходимым разграничение правоотношений на вещные и обязательственные, а некоторые полагают, что ни то, ни другое из последних делений не имеет ни теоретического, ни практического значения.

Прежде чем перейти к анализу этих разногласий, необходимо остановиться на определении предмета классификации.

В литературе наблюдается разноречивое определение самого предмета классификации. Одни авторы классифицируют гражданские права², другие — правомочия³, третьи — правоотношения⁴, многие же не придерживаются последовательности в терминологии, а поэтому трудно определить принадлежность их к одной из вышеуказанных групп.

Исходя из понимания правомочия как составной части субъективного права, следует отказаться от классификации правомочий. Одни субъективные права, как известно, состоят из одного правомочия, тогда как другие содержат в качестве составных частей несколько правомочий (см. ст. 19 Основ). Следовательно, классификация правомочий оказалась бы попыткой классифицировать на единой основе как целое, так и части его.

При внимательном изучении изложенных в литературе классификаций, названных «классификацией субъективных гражданских прав», обнаруживается, что при этом в действительности, как правило, разграничиваются не сами субъективные права, а правоотношения, в содержание которых эти права входят. Так, например, разграничение абсолютных и относительных прав производится по признаку субъектного состава правоотношения, а деление прав на вещные и обязательственные — по способу реализации права. Как тот, так и другой критерий применим к

² См. «Советское гражданское право», т. 1, М., 1950, стр. 111—115.

³ См. А. Г. Певзнер. Понятие и виды субъективных гражданских прав. Ученые записки ВЮЗИ, вып. X, М., 1960, стр. 19—21.

⁴ См. «Советское гражданское право», т. 1, М., 1959, стр. 65—68. или «Советское гражданское право», т. 1, под ред. проф. О. А. Красавчикова, М., 1968, стр. 88—91.

правоотношению как целому, а не к субъективному праву, входящему в его содержание. Разумеется, термин «классификация гражданских прав» может быть употреблен условно в том случае, когда под этим подразумевается деление на виды соответствующих правоотношений, в содержание которых входят классифицируемые субъективные права. Большинство авторов пользуется и тем и другим термином, подразумевая в обоих случаях классификацию правоотношений. Деление правоотношений всегда означает в то же время и деление на виды субъективных прав, входящих в их содержание, но более точным все же будет деление на виды самих правоотношений, ибо основные отличительные признаки (например, особенности субъектного состава, содержания, объекта и др.) присущи правоотношению в целом.

Следует также отметить, что отдельные авторы считают важным не разграничение правоотношений, а разграничение институтов (права собственности, оперативного управления и обязательственного права)⁵. Представляется, что правильная классификация институтов права, при всем ее большом значении, не может заменить классификации явлений иного порядка — правоотношений.

Перейдем к рассмотрению классификационных подразделений гражданских правоотношений.⁶

Прежде всего, остановимся на делении гражданских правоотношений на имущественные и личные неимущественные. Как уже отмечено выше, данное деление как таковое не оспаривается. Спорно лишь определение имущественных отношений, поэтому и есть необходимость остановиться на вопросе о понятии имущественных отношений.

Исследованию имущественных отношений советского общества посвящена обширная литература, основные точки зрения обобщены и проанализированы в ряде научных трудов⁷. Из мно-

---

⁵ См. «Советское гражданское право», т. 1, М., 1969, стр. 92.

⁶ До рассмотрения отдельных видов правоотношений, необходимо оговориться, что автор данной статьи придерживается точки зрения, согласно которой: 1) гражданское правоотношение определяется как общественное отношение, урегулированное нормами гражданского права; 2) содержание гражданского правоотношения составляют субъективные права и соответствующие им обязанности, которые вне правоотношения не возникают; 3) объектом гражданских правоотношений могут быть вещи, иные имущественные и неимущественные блага, а также действия участников правоотношения. Подробную аргументацию автора по этим вопросам см.: Ж. К. Ананьева. О теории субъективного права в юридической литературе. Ученые записки Тартуского университета. Труды по правоведению, XII, Тарту, 1970.

⁷ См. Н. Г. Александров. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе. — «Вопросы философии», 1957, № 1; С. Н. Брагусь. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963 г.; Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. — «Проблемы гражданского и административного права». Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 136—214, а также ряд других исследований.

гих спорных точек зрения наиболее обоснованной представляется построенная на положении о том, что всякое экономическое отношение между отдельными лицами, составляя одно из многочисленных звеньев в цепи экономического развития, которая в целом является объективно необходимой, не зависящей от воли людей, представляет собой конкретное отношение неразрывного единства материального содержания и волевого опосредствования⁸.

В литературе обоснованно отмечалось,⁹ что марксистское положение об объективном характере производственных отношений нельзя трактовать, исключая из этих отношений волю и сознание людей. Производственные отношения — это не только объективно необходимая предпосылка и результат, но и сама «... форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»¹⁰. Поскольку эта деятельность протекает в общественных отношениях людей, возможно воздействие права на волевое поведение участников этих отношений. Всякое конкретное экономическое отношение, связанное с процессом производства, распределения и обмена, связано и с волей участников этого отношения. К. Маркс в своих исследованиях неоднократно подчеркивал волевой элемент в актах производства и обмена¹¹. Подходя к этим отношениям как к неразрывному единству материального содержания и волевого опосредствования, можно прийти к единственно правильному выводу, что право может регулировать эти отношения, воздействуя на них посредством воли и сознания людей — участников этих отношений. Производственные же отношения в их широком смысле охватывают не только все формы экономических отношений между людьми, но они шире этих отношений.

Практически применимое определение имущественных отношений должно быть связано с объектом. Таким объектом может быть только материальное благо, т. е. вещь или иное благо, имеющее экономическую ценность, а также и деньги¹². Поэтому правильным представляется определять имущественные отношения как отношения по поводу владения, пользования и распоряжения вещами и иные отношения, связанные с передачей (движением) материальных благ¹³. Это отношения, имеющие экономическое содержание.

---

⁸ Н. Г. Александров. Цит. статья, стр. 46.

⁹ В. А. Тархов. Имущественные отношения. — «Правоведение», 1962. № 3, стр. 33. Ю. К. Толстой. Цит. работа, стр. 146.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189, см. также: т. 21, стр. 306 и т. 23, стр. 94.

¹² К. Маркс говорит, что деньги, отношение, выраженное деньгами, «есть производственное отношение». (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 92 и соч., т. 4, стр. 110).

¹³ См. В. А. Тархов. Цит. статья, стр. 29.

Различные по форме имущественные общественные отношения распадаются между предметами регулирования различных отраслей права. К предмету регулирования гражданского права, согласно Основам, относятся имущественные отношения выступающие в товарно-денежной форме, причем участники этих отношений выступают как независимые друг от друга субъекты обособленного имущества. Отсюда и эквивалентность этих отношений, обуславливающая особенность метода регулирования равноправия сторон. Означенные имущественные общественные отношения, будучи урегулированы нормами гражданского законодательства, приобретают форму имущественных гражданских правоотношений. Имущественные правоотношения составляют подавляющую массу гражданских правоотношений.

Личные неимущественные гражданские правоотношения складываются между гражданами, между ними и организациями, а также между организациями как следствие урегулирования нормами гражданского права общественных отношений между этими субъектами по поводу личных неимущественных благ. Эти отношения направлены на удовлетворение личных неимущественных интересов граждан и организаций. Исходя из особенностей объекта, законодатель делит эти правоотношения на два вида:¹⁴ 1) Личные неимущественные отношения, связанные с имущественными, регулируемые гражданским правом, объектом которых являются результаты интеллектуального творчества, как-то: произведения литературы, искусства, научные открытия и т. п. (разд. IV—VI Основ). 2) Личные неимущественные правоотношения, не связанные с имущественными, направленные на охрану таких личных нематериальных благ, как честь, достоинство и т. п. (ст. 7 Основ).

Особенности объекта этих двух подвидов личных неимущественных отношений не могут не учитываться при правовом регулировании. Так, по первой группе личных неимущественных отношений гражданское законодательство регулирует возникновение, изменение и прекращение правоотношений, а также способы реализации и охраны личных субъективных прав, возникающих из этих правоотношений. Что же касается второй группы личных неимущественных правоотношений, то они в основном ограничиваются правоохранительной функцией, Гражданским правом здесь регулируются лишь те отношения, которые возникают из факта нарушения (умаления) неимущественных благ. В литературе правильно отмечалось, что гражданско-правовая защита личных прав в случае их нарушения возможна потому, что гражданское право и в этом случае выполняет ту же функцию, какую оно

---

¹⁴ Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. Под ред. проф. С. Н. Братусь и проф. Е. А. Флейшиц. М., 1962, стр. 31.

выполняет и при нарушении имущественных прав лица, т. е. функцию восстановления нарушенного состояния лица. При возмещении имущественного ущерба происходит восстановление имущественной сферы потерпевшего (см. ст. 6 Основ), при умалении же личного блага — восстановление тех неимущественных благ, обладателем которых являлся до их нарушения пострадавший (см. ст. 7 Основ). В тех случаях, когда такое восстановление объективно невозможно, невозможна и гражданско-правовая защита.

О. А. Красавчиков¹⁵ выделяет, кроме двух видов, указанных нами выше, еще третью группу гражданских неимущественных и в то же время не личных правоотношений — это организационные гражданско-правовые отношения. По мнению О. А. Красавчикова, гражданские организационно-правовые отношения представляют собой разновидность гражданских правоотношений, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников либо формирование (реорганизацию, ликвидацию) определенного социального образования. Их отличие от организационно-административных отношений автор видит в том, что они складываются между субъектами гражданского права, которые находятся в юридически равном положении по отношению друг к другу, и в том что данным отношениям не присущи начала власти и подчинения. Эти отношения не имеют имущественного содержания и в то же время не связаны непосредственно с благами, неотделимыми от личности (честь, достоинство и др.). Указывается, что они весьма разнообразны по своему содержанию. О. А. Красавчиков относит к ним отношения, складывающиеся между сторонами в процессе заключения того или другого договора (навигационные договоры, договоры централизованной автоперевозки) и ряд др.¹⁶, в учебнике¹⁷ они подразделены автором на четыре группы. Как ни заманчива перспектива расширения предмета регулирования гражданского права, следует согласиться с теми, кто находит, что отношения, выделенные в качестве организационных гражданско-правовых отношений, либо имеют имущественное содержание или же связаны с ними, либо не относятся к гражданско-правовым. Надо иметь в виду, что процесс установления определенных гражданских правоотношений между его сторонами может быть связан с целым комплексом сложных правоотноше-

¹⁵ См. Советское гражданское право, т. 1, под ред. проф. О. А. Красавчикова. М., 1968, стр. 90.

¹⁶ О. А. Красавчиков. Организационные отношения как элемент предмета гражданско-правового регулирования. Тезисы докладов и научных сообщений республиканской научной конференции на тему «Гражданское и гражданско-процессуальное законодательство Казахской ССР» 2—4 сент. 1965 г. Алма-Ата, 1965, стр. 7—9.

¹⁷ Советское гражданское право, т. 1, под ред. проф. О. А. Красавчикова. М., 1966, стр. 90—91.

ний.¹⁸ Это наблюдается и в процессе заключения договоров между социалистическими организациями, где возникают весьма сложные правоотношения и имущественного, и личного характера, неотделимые друг от друга.

Подразделение гражданских правоотношений на имущественные и личные неимущественные имеет большое значение. Особенности этих различных видов отношений учитываются советским законодательством при правовом регулировании. Так, например, права и обязанности, возникающие в имущественном правоотношении, обладают свойством возмездной и безвозмездной передаваемости; при их защите, как правило, применяются сроки исковой давности; при их нарушении применяются меры имущественного воздействия и т. п. Все это неприменимо к личным неимущественным правоотношениям. Права и обязанности, возникающие из этих отношений, неотделимы от личности их носителя, а поэтому непередаваемы; на требования из нарушения этих правоотношений, как правило, не распространяются сроки исковой давности, при их нарушении не допускается имущественная компенсация. Этим и ограничим рассмотрение первого, основного деления гражданских правоотношений. Как уже было сказано, оно общепризнано в теории и практике, а также закреплено в законе.

Рассмотрим возражения против деления правоотношений на абсолютные и относительные.

Основывается такое деление на конкретизированности круга обязанных лиц в правоотношении. Если в абсолютном правоотношении праву управомоченного субъекта противостоит обязанность всех других лиц, то в относительном правоотношении обязанные лица точно конкретизированы. Однако различие этих двух видов правоотношений усматривается не только в этом, а еще и в содержании обязанности. В абсолютном правоотношении обязанные лица должны воздерживаться от каких либо активных действий при осуществлении носителем абсолютного права своих правомочий. В относительном же правоотношении юридическая обязанность, как правило, предусматривает совершение активных действий, как-то: передачу имущества, оказание услуг и т. п.¹⁹ При этом утверждение о том, что носитель абсолютного права может осуществлять таковое независимо от поведения обязанных лиц, представляется не точным. Собственник может владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащей ему вещью только при условии, что это же самое в отношении той же вещи не будут делать другие лица, т. е. при условии испол-

---

¹⁸ См. Советское гражданское право, т. 1, под ред. проф. П. Е. Орловского и доц. С. М. Корнеева. М., 1969, стр. 91.

¹⁹ Это не означает, что объектом отдельных относительных правоотношений не может быть воздержание от совершения действий.

нения этими лицами их обязанности воздержания. Как только кто-то из обязанных лиц нарушит обязанность воздержания, так обладатель абсолютного права будет лишен возможности реализовать свое право. Таким образом, и в абсолютных, и в относительных правоотношениях осуществление субъективного права управомоченным лицом возможно только при условии должного поведения обязанных лиц. Разница заключается лишь в самом содержании должного поведения.

По своему содержанию абсолютные и относительные правоотношения могут быть имущественные и неимущественные. Очевидно, следует согласиться с тем, что это деление гражданских правоотношений, в известном смысле, условно, ибо обязанность «признавать», «уважать», «не нарушать» и т. п., что характеризует абсолютные правоотношения, является в то же время общим родовым признаком всякого правоотношения, независимо от того, будет ли оно по своей структуре абсолютным или относительным, вещным или обязательственным. На это как на признак условности указывал уже В. К. Райхер,²⁰ и это никем впоследствии не отрицалось.

В качестве признака условности данного деления правоотношений в литературе довольно часто приводится то обстоятельство, что на некоторые относительные правоотношения распространяется по закону способ защиты, присущий абсолютным правоотношениям. Определение характера охраняемого правоотношения через способ защиты нельзя признать обоснованным. Иначе пришлось бы признать, что во всех случаях, когда гражданские правоотношения защищаются не гражданско-правовыми, а административными или уголовно-правовыми способами, они (охраняемые отношения) теряют гражданско-правовой характер.

Деление правоотношений на абсолютные и относительные имеет много сторонников²¹, но немало и противников²². Из числа последних многие, отрицая само деление правоотношений, в то

---

²⁰ В. К. Райхер. Абсолютные и относительные права. Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института, вып. 1, 1928, стр. 304.

²¹ С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958, стр. 81; О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Курс лекций, т. 1. Л., 1958 (Этой же точки зрения О. С. Иоффе придерживается в своих последующих трудах); Ю. К. Толстой. К теории правоотношений. Изд. ЛГУ, 1959; В. Г. Вердников. См. Советское гражданское право, т. 1. М., 1965, стр. 62—63; Е. А. Флейшиц. Соотношение правоспособности и объективных прав. Сб. «Вопросы общей теории права», М., 1969; О. А. Красавчиков. См. Советское гражданское право, т. 1, под ред. проф. О. А. Красавчикова. М., 1968. Этот перечень мог бы быть продолжен.

²² Д. М. Генкин. Право собственности в СССР. М., 1961; С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963; В. П. Мозолин. См. Советское гражданское право, т. 1. М., 1969, стр. 79—80. и др.

же время признают существование абсолютных субъективных прав в составе правового статуса лица. Они полагают, что гражданские правоотношения могут иметь только относительный характер, поскольку, по их мнению, абсолютные права и обязанности возникают вообще вне правоотношений на основании нормы права. Ко всему сказанному по этому поводу в литературе остается лишь добавить, что сторонникам вышеуказанного взгляда пока не удалось развить его до конца последовательно. Так, например, Д. М. Генкин²³, трактуя право собственности как субъективное право вне правоотношения, в то же время не отрицает правовую связь между собственником и обязанными лицами. Более того, он писал, что для установления этой формы правовой связи необходимо наличие юридического факта²⁴. Но коль скоро правовая связь возникает на основе нормы права в силу юридического факта, то это и есть правоотношение, которое почему-то отрицал Д. М. Генкин. Подобного рода противоречия можно проследить и в трактовке данного вопроса В. П. Мозолиным²⁵. В. П. Мозолин определяет субъективное право «как установленную нормами права меру дозволенного поведения управомоченного лица в его отношениях с обязанными лицами гражданского правоотношения.»²⁶ В то же время, он отрицает абсолютные правоотношения, а, следовательно, выносит за пределы правоотношения «меру дозволенного поведения» носителя абсолютных прав. Спрашивается: можно ли в таком случае данную «меру поведения» считать субъективным правом вообще и как определять ее параметры вне отношений с обязанными лицами? В другом месте В. П. Мозолин²⁷ пишет, что нет оснований для признания в советском гражданском праве абсолютных и относительных правоотношений, «поскольку данное деление основано на неприемлемом для нас признании существования абсолютного права собственности и абсолютных личных неимущественных прав в составе гражданских правоотношений», дальше же пишет следующее: «продукты творческой деятельности составляют объекты правоотношений, возникающих в связи с авторским правом, правом на открытия и изобретательским правом . . . Личные неимущественные блага (имя, честь, достоинство и т. п.) образуют объекты гражданских правоотношений, складывающихся в неимущественной сфере жизни граждан и организаций.»²⁸

---

²³ Д. М. Генкин. Цит. работа, стр. 37—43.

²⁴ Там же, стр. 43.

²⁵ См. Советское гражданское право, т. 1. М., 1969, стр. 80—88.

²⁶ Там же, стр. 80.

²⁷ Там же, стр. 92.

²⁸ Там же, стр. 88.

Приведенные противоречия нечто иное, чем результат ошибочных исходных позиций авторов. Нельзя, с одной стороны, признавать марксистское положение о собственности как общественном отношении, а, с другой стороны, утверждать, что будучи урегулированным нормами права, это общественное отношение перестает быть отношением. К этому, по сути дела, сводится отрицание правоотношений собственности. Закрепление установившихся отношений собственности правом немыслимо вне правоотношений.

Взгляд, выносящий абсолютные права и обязанности за пределы правоотношения, подвергнут в литературе обстоятельной критике²⁹, показана его теоретическая необоснованность, поэтому нет необходимости на этом останавливаться. Точка зрения автора данной статьи по этому вопросу изложена ранее.³⁰ Особое значение имеет деление гражданских правоотношений на абсолютные и относительные с точки зрения защиты нарушенных субъективных прав, но этот вопрос целесообразнее рассмотреть на примере охраны вещных и обязательственных правоотношений.

Основанием разграничения гражданских правоотношений на вещные и обязательственные, по сложившемуся мнению, являются особенности способа осуществления субъективных прав, входящих в содержание правоотношений того и другого вида. Эти особенности усматриваются в том, что носитель вещных прав имеет возможность самостоятельно воздействовать на вещь без совершения каких-либо положительных действий со стороны обязанных лиц. Реализация же обязательственных прав управомоченным возможна лишь при условии активных действий обязанных лиц.³¹ Это правильное по существу положение было бы целесообразно сформулировать в иной редакции. Следовало бы подчеркнуть то обстоятельство, что управомоченный в вещном правоотношении имеет возможность осуществлять принадлежащее ему право при условии исполнения всеми остальными лицами лежащей на них обязанности воздержания от помех ему, тогда как в обязательственном правоотношении субъективное право управомоченного может быть реализовано, как правило, при помощи активных действий обязанного лица. Этот же признак, как мы видели, используется как один из критериев при разграничении правоотношений на абсолютные и относительные. Вещные права, действительно, имеют абсолютный, а обязательственные — относительный характер, но эти два подразделения не совпадают. Абсолютные правоотношения не ограничиваются только вещными, как

²⁹ Е. А. Флейшиц. «Абсолютная» природа права собственности. Сб. «Проблемы гражданского и административного права.» Изд. ЛГУ, 1962, стр. 214—233 и др. исследования.

³⁰ См. Ж. К. Ананьева. Цит. статья.

³¹ См. «Советское гражданское право», т. 1. М., 1965, стр. 62—63.

и относительные — только обязательственными. По-видимому, для более точного разграничения вещных и обязательственных правоотношений необходим дополнительный признак. Таковым является различие объекта.

Объектом вещных правоотношений всегда может быть только индивидуализированная вещь (вещи). Наличие такой вещи есть необходимое условие возникновения и сохранения данного вида правоотношения. Индивидуально определенные вещи незаменимы, гибель, уничтожение или потребление вещи влечет за собой прекращение вещного правоотношения.

Объектом же обязательственных правоотношений являются действия обязанных лиц. Это прямо вытекает из текста части 1-ой статьи 33 Основ (ст. 162 ГК ЭССР), где говорится: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.» Поскольку объектом обязательственных правоотношений являются такие действия обязанного лица, которые в большей части случаев заменимы, то из этого проистекает широкая возможность преобразования одних видов обязательственных правоотношений в другие. Это имеет большое практическое значение с точки зрения осуществления субъективных прав.

Существенные различия имеются в возникновении вещных и обязательственных правоотношений. Обязательственные правоотношения возникают не только из правомерных действий, но и из правонарушений, а правоотношения собственности или оперативного управления из правонарушений возникнуть не могут.

Различны по своему характеру и способы защиты, предусмотренные в законе для ликвидации последствий нарушения того или другого вида правоотношений. Определяющее значение характера нарушенного правоотношения для способа защиты будет рассмотрено особо.

Изложенные выше различия вещных и обязательственных правоотношений, учитываемые законодателем при регулировании осуществления и охраны вытекающих из них субъективных прав, свидетельствуют о том, что отрицание практического значения данной классификации³² ошибочно. Другой мотив отрицания необходимости данной классификации заключается в том, что признание вещных правоотношений привело бы к необоснованному включению абсолютного субъективного права собственности в рамки гражданского правоотношения. Несостоятельность этого мотива была показана нами выше при рассмотрении абсолютных и относительных правоотношений.

---

³² О. С. Иоффе. «Советское гражданское право». М., 1967, стр. 94.

Научно обоснованная классификация гражданских правоотношений имеет важное теоретическое и практическое значение для установления оснований их возникновения, принципов осуществления вытекающих из них прав, а также установления и применения способов и форм их защиты.

В последнее время опубликован ряд работ, посвященных проблемам осуществления субъективных гражданских прав, а поэтому данная статья не касается назначения рассматриваемой классификации в этом аспекте.

Значительный практический интерес представляют малоработанные в литературе вопросы соотношения классификации гражданских правоотношений и средств их защиты. На них и остановимся ниже.

Реализация гражданских прав и исполнение обязанностей в Советском государстве, как известно, обеспечивается системой экономических, политических, организационных и юридических гарантий. Регулятивные нормы гражданского права призваны, прежде всего, опосредствовать нормальное развитие общественных отношений, наряду с ними имеются и другие нормы, установленные на тот случай, когда процесс реализации права отклоняется от нормального развития. В литературе³³, кроме регулятивных норм, различаются предупредительные и охранительные нормы гражданского права. При этом правильно отмечено, что «охранительные нормы имеют несопоставимую с другими правовыми нормами специфику, так как обращены против неправомерного поведения или его угрозы и определяют последствия, которые могут или должны наступить в связи с поведением такого рода».³⁴ Среди охранительных норм имеет общее значение ст. 6 Основ (ст. 7 ГК ЭССР), устанавливающая способы защиты гражданских прав. Ими являются: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право; принуждение к исполнению обязательства в натуре; прекращение или изменение правоотношения; взыскание с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, — неустойки (штрафа, пени). Это меры государственного принуждения, применяемые судом или другим компетентным государственным органом. Данный перечень не является исчерпывающим, в отдельных нормах закона предусмотрены и дополнительные специальные средства защиты. Часть этих средств является мерами гражданско-правовой ответственности, а другая таковой не является³⁵, но это обстоятельство не имеет существенно-

³³ См. Гражданско-правовая охрана интересов личности. М., 1969, стр. 36—37.

³⁴ Там же, стр. 36.

³⁵ Точка зрения автора данной статьи по вопросу о разграничении мер гражданско-правовой ответственности и иных мер государственного принужде-

го значения для трактовки вопроса в аспекте данной статьи, где поставлена задача уяснить, как и на основе каких критериев суд или арбитраж, рассматривая и решая конкретное дело должен производить выбор соответствующих данному случаю способов защиты, из тех, что установлены ст. 6 Основ или иными нормами права. На вопрос о том, из чего должен исходить суд при определении юридической квалификации рассматриваемого им гражданского спора в процессуальной литературе обычно следует ответ: «из обстоятельств каждого дела». Это верно, но слишком абстрактно и мало помогает в деле применения соответствующей нормы. Закон же требует строжайшего соблюдения судом принципа социалистической законности. Так, ст. 12 Основ гражданского судопроизводства (ст. 10 ГПК ЭССР) обязывает суды разрешать дела не по своему усмотрению, а на основании действующего законодательства, причем в вынесенном решении этот закон должен быть точно указан (ст. 204 ГПК ЭССР). Применяться должны средства защиты, адекватные основаниям, предусмотренным в законе.

Основания применения конкретного средства защиты из предусмотренных статей 6 Основ и другими нормами гражданского права установлены охранительными нормами. Например, в ст. 88 Основ (ст. 448 ГК ЭССР) установлено, что лицо, причинившее вред имуществу или личности другого своими неправомерными и виновными действиями, обязано полностью возместить этот вред. Таким образом, в охранительной норме установлены основания для применения конкретного средства защиты, предусмотренного пунктом пятым части первой статьи 7-ой ГК ЭССР.

Практическая трудность заключается в том, что охранительных норм много, притом многие из них предусматривают применение одной и той же меры защиты на основаниях, которые внешне кажутся сходными. Например, о возмещении ущерба говорится не только в ст. 88 Основ (ст. 448 ГК ЭССР), но и ст. 36 Основ (ст. 222 ГК ЭССР) также предусматривает возмещение ущерба, выразившегося в убытках. Если не обратить внимания на то, что сравниваемые охранительные нормы регулируют совершенно различные правоохранительные отношения, то можно их легко смешать. Это, однако, приведет к неправильному решению, ибо в том и другом случае нарушенные правоотношения совершенно различны по своему характеру и основания ответственности в том и другом случае совпадают лишь частично. Имеется, как извест-

---

ния изложена в других работах. (См. Ж. К. А н а н ь е в а. О понятии гражданского правонарушения и мерах государственного принуждения. «Теоретические вопросы развития советского государства и права в период развернутого строительства коммунизма». Тезисы докладов на межвузовской научной конференции. Издание Ростовского университета, 1960. Ж. К. А н а н ь е в а. О повышении воспитательного воздействия гражданско-правовой ответственности. Труды по правоведению. Сборник статей. Тарту, 1964, стр. 3—25.)

но, существенная разница в формах и в степени вины и др. различия.

Нельзя упускать из вида то обстоятельство, что охранительные нормы, как и иные нормы права, реализуются не где-нибудь, а в конкретных гражданских правоотношениях. При этом каждая из охранительных норм реализуется не в любом, а в соответствующем правоотношении. Эти отношения различного вида по своему содержанию. Как же их различить? Для ответа, очевидно, необходимо проследить, каков механизм возникновения права на приведение в действие аппарата государственного принуждения, т. е. возникновения права на судебную (арбитражную) защиту.

По закону любое субъективное право, осуществляемое в соответствии с его назначением, обеспечено возможностью применения государственного принуждения (ст. 5 Основ, ст. 6 ГК ЭССР). Однако эта возможность не превращается в действительность в силу самого факта правообладания. Обладание субъективным правом само по себе еще не служит основанием для приведения в действие аппарата государственного принуждения. Статья 5-ая Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 3 ГПК ЭССР) устанавливает, что право на обращение в суд предоставляется всякому заинтересованному лицу для защиты нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса.

Следовательно, основанием для приведения в действие аппарата государственного принуждения является не факт правообладания сам по себе, а факт нарушения или оспаривания субъективного права.

В жизни нет безобъектных противоправных посягательств. Любое нарушение права посягает на какое-то правоотношение, а вместе с тем, и на социалистический правопорядок.³⁶ Гражданские правонарушения не составляют из этого исключения. Действие, нарушающее какое-либо правоотношение, есть юридический факт. Этот юридический факт в соответствии с правоохранительной нормой порождает особое правоотношение между обладателем нарушенного права и нарушителем. Содержание этого правонарушения (права и обязанности сторон) определяется соответствующей правоохранительной нормой. Поскольку правоотношения этого вида возникают на основе правоохранительных норм из факта нарушения (оспаривания) права и прекращаются с применением средств правовой защиты, их можно условно назвать правоохранительными правоотношениями и или короче — правоохранительными отношениями.

---

³⁶ См. Г. К. Матвеев. Вина в советском праве. Киев, 1955, стр. 36; О. С. Иоффе. Ответственность по советскому праву. Л., 1955, стр. 80; В. Н. Кудрявцев. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления. — «Советское государство и право», 1951, № 8, стр. 5—3.

В литературе можно найти указания на правоохранные отношения, но чаще всего их сущность не раскрывается или же они определяются как процессуальные правоотношения.³⁷ Процессуальные правоотношения можно рассматривать в качестве правоохранительных, но это не только не исключает материально-правовые отношения данного вида, а, наоборот, предполагает их наличие. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что принципы, а также формы и средства защиты гражданских правоотношений устанавливаются нормами материального права (см. статьи 5 и 6 Основ, а также иные нормы гражданского права).

Установленные гражданскими законами средства защиты лишь применяются в определенной процессуальной форме, но сами они носят материально-правовой характер и основанием их применения являются материальные правоотношения. Нормы процессуального права не устанавливают ни средств защиты, ни оснований их применения, а лишь регулируют те общественные отношения, которые складываются в области применения судом (арбитражем) норм материального права,³⁸ т. е. отношения применения средств защиты, предусмотренных в этих нормах. Возникновению процессуальных правоотношений должно предшествовать возникновение «материальных правоотношений, являющихся предметом судебного рассмотрения»³⁹. Представляется, что предметом судебного рассмотрения будет как нарушенное правоотношение, так и возникшее из его нарушения правоохранительное отношение. В правоохранительном отношении возникает субъективное право на обращение к государственному органу за защитой, право требовать применения определенных средств защиты судом. До тех же пор, пока не произошел факт нарушения субъективного права или оно не оспаривается, нет основания прибегать к принудительной силе государства.

В свете сказанного представляется неточным утверждение о том, что обладатель субъективного права может в любой момент обладания правом прибегнуть к принудительной силе государства⁴⁰. Конечно, практически не исключается обращение в суд с иском заявлением, где истец, умышленно или же ошибаясь, утверждает, вопреки действительности, что его право нарушено.

---

³⁷ См., напр., Ю. К. Толстой. К теории правоотношения. Изд. ЛГУ, 1959, стр. 48.

³⁸ И. А. Жеруолис. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969, стр. 25.

³⁹ Н. И. Авдеевко. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права. Изд. ЛГУ, 1969, стр. 25.

⁴⁰ См. Д. М. Чечет. Субъективное право и формы его защиты. Изд. ЛГУ, 1968, стр. 26.

Такое заявление может стать основанием для возбуждения дела, но если в судебном разбирательстве будет установлено, что спорное право истцу не принадлежит или же принадлежит, но не оспорено и не нарушено, то в таком иске судом будет отказано, ибо не возникло правоохранительное отношение, являющееся основанием для применения мер государственного принуждения.

Осуществление субъективного права с момента его возникновения гарантировано возможностью применения государственно-го принуждения. Это предусмотрено в нормах права, и без такой гарантии субъективное право не было бы правом. Однако эта возможность становится действительностью только тогда, когда в силу факта нарушения (оспаривания) права на основании охранительной нормы возникает правоохранительное отношение. При этом следует отметить очень существенный момент, заключающийся в том, что хотя с возникновением правоохранительного отношения возникает и право обратиться в суд (арбитраж) для приведения в действие аппарата государственного принуждения, управомоченный субъект этого отношения далеко не всегда обязан реализовать это право. Данное субъективное право, как и многие другие субъективные гражданские права, носит диспозитивный характер и, за исключением случаев, предусмотренных в законе, управомоченный субъект может, но не обязан прибегать к государственному принуждению. В практике многие правоохранительные отношения и прекращаются не путем обращения стороны в суд, а путем добровольного исполнения обязанности возмещения убытков, зачета, новации и посредством других способов, предусмотренных законом.

Гражданские правоохранительные отношения характеризуются определенными общими признаками: 1. Материально-правовые отношения, возникающие в соответствии с нормой права из факта противоправного нарушения, существующего до этого правоотношения. 2. Правоохранительное отношение возникает как дополнительное к нарушенному правоотношению, если последнее не прекратилось вследствие правонарушения (например, отношение, регулируемое ст. 155 ГК ЭССР), если же оно прекратилось, то возникшее правоохранительное отношение имеет самостоятельный характер (например, отношение, регулируемое ст. 448 ГК ЭССР). 3. Управомоченной стороной в правоохранительном отношении является обладатель нарушенного права, а обязанной стороной нарушитель этого права (возможно множество лиц на той и другой стороне). 4. Содержание правоохранительного отношения состоит из субъективного права требования и соответствующей ему обязанности. 5. Объектом, на который направлены права и обязанности сторон, будут действия нарушителя по восстановлению нарушенного правоотношения (например, возвращение вещи собственнику) или же по ликвидации последствий его нару-

шения (например, возмещение убытков и др.). Это признаки, общие для всех правоохранительных отношений.

Далее необходимо выяснить, чем же определяется специфика, т. е. конкретное содержание права требования и соответствующей обязанности в отдельных видах правоохранительных отношений.

Связь правоохранительных отношений с другими видами гражданских правоотношений, о которых говорилось выше, проявляется, как уже отмечено, прежде всего в том, что любое правоохранительное отношение возникает как результат нарушения какого-то иного гражданского правоотношения. Однако этим оно не исчерпывается. Различное содержание прав и обязанностей в конкретных правоохранительных отношениях обусловлено теми особенностями, которые присущи тому виду гражданских правоотношений, к которому относится нарушенное правоотношение. Кроме того, на содержание правоохранительного отношения оказывают решающее влияние способ и результат правонарушения. Следовательно, определение содержания прав и обязанностей конкретного правоохранительного отношения надо начать с установления вопроса о том, к какому виду относится нарушенное гражданское правоотношение. Для этого следует воспользоваться традиционной классификацией гражданских правоотношений.

Затем следует установить, в чем выразился результат правонарушения. Вызвало ли оно прекращение нарушенного правоотношения, или же таковое сохранилось, и результат выражается в нарушении отдельных правомочий, в ущемлении осуществления субъективного права. Пользуясь полученными данными, нетрудно правильно установить институт и правовые нормы, регулирующие нарушенное правоотношение и данное правоохранительное отношение, а также определить меры защиты. Это можно проследить на конкретных примерах. Так, например, нарушенное, но не прекратившееся вещное правоотношение возможно восстановить в первоначальном виде. Если индивидуально определенная вещь вышла из владения собственника против его воли и находится в неправомерном владении другого лица, то содержанием возникшего из нарушения правомочия владения правоохранительного отношения будет право собственника требовать принудительного изъятия вещи из незаконного владения и обязанность неправомерного владельца вернуть вещь собственнику. Для защиты нарушенного, но не прекратившегося вещно-правового отношения всегда может быть применено такое средство защиты, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права (п. 2 части 1-ой ст. 7 ГК ЭССР). Правоохранительное отношение в таких случаях имеет дополнительный характер. Абстрагировать его от охраняемого отношения можно лишь теоретически. Основанием возникновения правоохранительных отношений данного вида является факт неправомерного лишения собственника (обладателя права оперативного управления) воз-

возможности осуществлять принадлежащие ему правомочия и факт осуществления этих правомочий другим лицом без законного или договорного основания. Нормы, регулирующие данные правоохранительные отношения и предусматривающие конкретные меры защиты, содержатся в главе 14 ГК ЭССР (и в соответствующих главах гражданских кодексов других республик).

До тех пор, пока не отпала возможность восстановления нарушенного вещного правоотношения, они защищаются только специальными вещно-правовыми исками — виндикационным или негаторным, другие иски неприменимы.

Во всех случаях, когда нарушение вещного правоотношения выразилось или в уничтожении вещей, которые были его объектом, или в потере этих вещей (подразумевается, что вещи могут быть потеряны и вследствие утраты ими тех индивидуальных признаков, которыми они обладали, будучи во владении собственника), следствием нарушения является прекращение вещно-правового отношения. Поскольку охраняемое правоотношение прекратилось, то не может возникнуть и дополнительного характера вещного правоохранительного отношения. Это же означает, что вещно-правовые меры защиты (ст. 155—161 ГК ЭССР) к данным случаям неприменимы.

Во всех этих случаях возникает самостоятельное правоохранительное отношение обязательственного характера. В зависимости от способа нарушения им может быть или обязательство из причинения вреда, или же обязательство из неосновательного получения имущества. Вещные правоотношения имеют абсолютный характер, а поэтому все правоохранительные отношения из их нарушения возникают между обладателем нарушенного права и любым другим лицом, нарушившим это право.

Совершенно иначе складываются правоохранительные отношения из нарушения обязательств. Эти отношения, являющиеся по субъектному составу относительными, могут быть нарушены их участниками путем неисполнения или ненадлежащего исполнения лежащих на них обязанностей. При этом факт неисполнения или ненадлежащего исполнения, сам по себе, не является основанием, прекращающим нарушенное обязательство. Например, обязательство из договора поставки остается в силе и в том случае, когда одна из поставленных по договору партий товаров оказалась не надлежащего качества. В этом, как и в случае других подобных нарушений, рядом с основным обязательственным правоотношением между его сторонами возникает дополнительное отношение правоохранительного характера. Содержание прав и обязанностей в этом дополнительном отношении установлено нормами Положений о поставке, в иных случаях оно может быть предопределено дополнительным к основному договору соглашением сторон.

В числе установленных законом оснований прекращения обязательства правонарушение не указано (невозможность исполнения по ст. 240 ГК ЭССР не есть правонарушение). Это можно объяснить тем, что хотя некоторые противоправные действия должника и могут сделать исполнение невозможным или же неприемлемым для кредитора и, таким образом, привести к прекращению существовавшего между ними обязательства, на этом еще не прекращаются между ними всякие правовые отношения, связанные с нарушением. Из факта нарушения прекратившегося первоначального обязательства между его сторонами возникает новое самостоятельное обязательство правоохранительного характера. Например, в случае, когда исполнение обязательства о передаче индивидуально определенной вещи стало невозможным вследствие гибели ее по вине должника, образуется правоохранительное обязательство, содержанием которого будет право кредитора требовать возмещения убытков и соответствующая обязанность должника. Хотя в приведенном примере первоначальное обязательство фактически прекратилось и возникло новое, этот процесс характеризуется в литературе как преобразование обязательства. С этим можно и согласиться, поскольку основанием прекращения первоначального и возникновением последующего обязательства является один и тот же факт, а само прекращение и возникновение обязательств может быть проанализировано лишь путем теоретического абстрагирования.

Рассматривая споры из нарушения обязательств, суд или арбитраж сможет применить соответствующее средство защиты только в том случае, если он правильно установит: какого вида обязательственное правоотношение нарушено, каков результат нарушения и каково содержание возникшего правоохранительного отношения. В противном случае может быть применено средство защиты, неадекватное данному нарушению, и правовая реакция не достигнет установленной цели.

Строгое разграничение средств принудительной защиты права при их применении — одно из важных требований принципа социалистической законности. Как показывает практика, такое разграничение производится наиболее успешно путем использования традиционной классификации гражданских правоотношений.

Поступила в редакцию в декабре 1970 г.

О ПРИНЯТИИ НАСЛЕДСТВА

Х. Сепп

Народный судья г. Тарту

I

Наследственное право как институт гражданского права опосредствует юридически в социалистическом обществе переход имущества¹, принадлежащего гражданам по праву личной собственности, другим лицам в случае смерти этих граждан. Этот институт советского гражданского права, конкретизируя ст. 10 Конституции Союза ССР, позволяет каждому советскому гражданину свободно, в пределах, установленных законом, распорядиться своим имуществом на случай смерти. При отсутствии такого распоряжения закон призывает к наследованию лиц, близких к умершему в силу родства, супружества или же иждивенства. Если таких лиц нет или они отказываются от принятия наследства, то имущество переходит в порядке наследования советскому государству. Б. С. Антимонов правильно отмечает, что государство не может отказываться от принятия наследства.²

Следовательно, из-за данного гражданско-правового института не прекращается правоотношение собственности, возникшее при первоначальном обладании данной вещью, хотя управомоченный субъект этого правоотношения умер. Это правоотношение собственности продолжает существовать, пока существует конкретное имущество в качестве объекта правоотношения собственности. Изменения произойдут благодаря этому институту только в субъектном составе правоотношения собственности. Новыми управомоченными субъектами правоотношения могут быть гражд-

---

¹ Наследственное право опосредствует переход наследникам не только имущества, но и переход разных имущественных прав и обязанностей, а также некоторых личных, связанных с имущественными, прав. Так как в настоящей статье нас интересует только переход права собственности, то на проблемах перехода других прав мы не останавливаемся.

² Б. С. Антимонов. Наследственное право в Основах гражданского законодательства. — «Советское государство и право», 1962, № 5, стр. 84.

дане, юридические лица или же Советское государство, как особый субъект советского гражданского права.

Общественные отношения, возникшие при переходе имущества умершего гражданина другим лицам, регулируются наследственным правом как объективным правом. Из-за такого правового регулирования эти общественные отношения выступают правовыми отношениями наследования. Содержанием такого правоотношения является право наследования как субъективное право.

Представляется, что именно осуществление этого субъективного права управомоченным субъектом правоотношения наследования и является правовым основанием перехода права собственности, т. е. юридическим фактом, приводящим к изменениям в субъектном составе правоотношения собственности на стороне управомоченных субъектов.

Какое же взаимоотношение между правом наследования и правом собственности как субъективными правами?

Представляется, что в научном плане нельзя исследовать ни одного субъективного гражданского права вне правоотношения, элементом содержания которого оно является. Поэтому нельзя раскрыть существа права наследования как субъективного права путем ссылок на юридические факты, необходимые «для возникновения права наследования», хотя в некоторых исследованиях именно так и поступают.³ При таком подходе остается полностью вне поля зрения правоотношение, элементом содержания которого это субъективное право является.

Не раскроет существа права наследования и определение, согласно которому «наследование — это переход имущества умершего гражданина (наследователя) к другим лицам — наследникам».⁴ Здесь определяется по существу только наследование как совокупность общественных отношений. Эти общественные отношения, возникающие при переходе имущества граждан после их смерти к другим лицам, и являются предметом регулирования наследственного права как объективного права.

Таким же недостатком страдает определение, данное В. С. Макаровой и согласно которому «со дня открытия наследства у наследников возникает право наследования»⁵. Она не уточняет, что же из себя представляет это право наследования.

Нет сомнения, что правоотношение наследования возникает в момент смерти гражданина, т. е. в момент открытия наследства.

---

³ См. Советское гражданское право, т. II, М., 1965, стр. 460; K. Plutus. Nõikogude pärimisõigus. Тлп., 1965, lk. 68.

⁴ См., напр., Научно-практический Комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1962, стр. 389; Советское гражданское право, т. II, М., 1965, стр. 458; Советское гражданское право, т. II, М., 1969, стр. 493; K. Plutus. Ук. раб., стр. 6.

⁵ Советское гражданское право, т. II, М., 1969, стр. 514.

Что же является содержанием этого правоотношения и когда это правоотношение прекращается?

В нашей литературе учение о правоотношении наследования разработано В. И. Серебровским, Б. С. Антимоновым и К. А. Граве. Они утверждают, что правоотношение наследования возникает в момент открытия наследства и продолжает свое существование и после принятия наследства управомоченным субъектом этого правоотношения — наследником.⁶ Б. С. Антимонов и К. А. Граве называют правоотношение наследования до принятия наследства наследником «правоотношением, возникшим в связи с открытием наследства» и после принятия наследства «правоотношением, возникающим в связи с принятием наследства». При этом управомоченным субъектом правоотношения наследования в первом случае являются наследники. Во втором же случае наследники являются правопреемниками наследодателя как управомоченными, так и обязанными субъектами правоотношения наследования. Они полагают, что в первом случае содержанием субъективного права наследования как абсолютного права является право принять наследство, во втором же случае содержанием являются все переходящие права и обязанности наследодателя.⁷

Такой же точки зрения в этом вопросе придерживается В. И. Серебровский, когда он утверждает, что право наследования как субъективное право «имеет двоякое значение: 1) как принадлежащее данному лицу право на приобретение наследства и 2) как право данного лица из приобретения им наследства».⁸ В качестве содержания второго вида этого субъективного права В. И. Серебровский рассматривает приобретенные наследником как правопреемником субъективные права наследодателя.⁹

Нет сомнения, что сама идея о существовании правоотношения наследования является правильной и может быть использована в качестве отправной точки при исследовании наследственного правопреемства. Бесспорны и заслуги В. И. Серебровского, обосновавшего утверждение, согласно которому право наследования является именно субъективным гражданским правом.¹⁰

В то же время нельзя не отметить некоторые весьма спорные моменты в их учении о правоотношениях наследования. Это относится к вопросу о возможности существования этого правоотно-

---

⁶ В. И. Серебровский. Очерки советского наследственного права. М., 1953, стр. 47—50; Б. С. Антимонов, К. А. Граве. Советское наследственное право. М., 1955, стр. 47—48.

⁷ Б. С. Антимонов, К. А. Граве. Ук. раб., стр. 55—59.

⁸ В. И. Серебровский. Ук. раб., стр. 51.

⁹ В. И. Серебровский. Ук. раб., стр. 50.

¹⁰ В. И. Серебровский. Понятие наследства. — «Советское государство и право». 1950, № 6, стр. 18; Его же. Ук. раб., стр. 44—49.

шения после принятия наследства и о содержании этого правоотношения после принятия наследства.

Следует заметить, что вышеизложенные основные положения учения о правоотношении наследования изложены В. И. Серебровским, В. С. Антимоновым и К. А. Граве по существу тезисами без развернутой аргументации. Дальнейшее развитие эти положения нашли в трудах О. С. Иоффе. Но представляется, что спорные моменты в этом учении остались спорными и у О. С. Иоффе, когда он полагает, что наследственное правоотношение «проходит в своем развитии две стадии», причем «первая стадия начинается моментом открытия наследства, вторая — моментом его принятия».¹¹

Как В. И. Серебровский, В. С. Антимонов и К. А. Граве, так и О. С. Иоффе утверждает, что содержанием правоотношения наследования до принятия наследства является «единственное правомочие — право принять наследство».¹² Ту же точку зрения в этом вопросе имеет Е. А. Поссе¹³, и эта точка зрения не вызывает возражения.

Что же представляет из себя правоотношение наследования на второй стадии, когда наследник, осуществляя право наследования, принимает наследство?

В этом вопросе О. С. Иоффе по существу полностью разделяет точку зрения В. И. Серебровского, В. С. Антимонова и К. А. Граве, согласно которой содержанием этого правоотношения являются уже приобретенные наследником как правопреемником субъективные права наследодателя.¹⁴

Следовательно, наследственное правоотношение на второй стадии его развития существует, пока существуют права наследника как собственника на это имущество. Нам представляется, что указанные О. С. Иоффе права и обязанности являются не содержанием наследственного правоотношения, а содержанием правоотношения собственности, при наличии же обременений содержанием еще обязательственных правоотношений. Существование таких прав и обязанностей можно теоретически обосновывать в рамках именно этих правоотношений и всякая надобность в юридической конструкции наследственного правоотношения на второй стадии его развития отпадает. Следует отметить, что такая конструкция не позволяет четко разграничить право наследования, право собственности и другие субъективные права, являющиеся содержанием разных и самостоятельных правоотношений.

---

¹¹ О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Т. III. Л., 1965, стр. 290.

¹² Там же, стр. 290.

¹³ Гражданско-правовая охрана интересов личности. Под ред. Б. Б. Черепахина. М., 1969, стр. 246.

¹⁴ О. С. Иоффе. Ук. раб., стр. 295.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что наследодатель как субъект права выступал до своей смерти одновременно в качестве субъекта в разных правоотношениях. Притом в одних правоотношениях он выступал только в качестве управомоченного субъекта, в других же и в качестве управомоченного и обязанного субъектов. Поэтому теоретически не обоснованы попытки свести эти разные правоотношения и входящие в их содержание разные субъективные права к одному единственному правоотношению — наследственному правоотношению и к одному единственному праву — праву наследования. Поэтому представляется, что при такой правовой конструкции путаются совсем разные субъективные права. Разные же субъективные права существуют только в качестве элементов содержания разных правоотношений. Необходимость различения этих субъективных прав не вызывает сомнения. Исследуя вопросы легата, О. С. Иоффе сам правильно указывает, что «... легат порождает не наследственное, а обязательственное правоотношение, где в качестве кредитора выступает легатарий и в качестве должника — наследник, обремененный легатом».¹⁵

В литературе не всегда четко отличаются право наследования как субъективное право от субъективных прав, приобретенных наследником при осуществлении своего права наследования, т. е. при принятии наследства. Так, В. С. Макарова, раскрывая сущность свидетельства о праве наследования, отмечает, что наследник может и не принимать это свидетельство, «если осуществление наследственных прав возможно без него».¹⁶ При этом под термином «наследственные права» она имеет в виду приобретенные наследником при принятии наследства субъективные права, в том числе, в частности, право собственности. Представляет, что юридически будет неточно назвать эти права наследственными правами.

Ту же неточность допускает и К. Плутус, когда утверждает, что свидетельство о праве наследования удостоверяет наличие у данного лица права наследования, но оно не определяет его субъективных прав.¹⁷ Нет сомнения, что право наследования также является субъективным правом, и нет оснований для противопоставления права наследования и субъективных прав, приобретенных при осуществлении этого субъективного права. Как известно, свидетельство о праве наследования выдается наследникам, принявшим наследство. Следовательно, это свидетельство удостоверяет и, например, наличие у данного лица права собственности на принятое наследство. Оно является основанием для регистрации перехода права собственности в установленном порядке. Дру-

¹⁵ О. С. Иоффе. Ук. раб., стр. 319.

¹⁶ Советское гражданское право, т. II. М., 1969, стр. 521.

¹⁷ К. Plutus. Ук. раб., стр. 68.

гой вопрос — это вопрос об объеме приобретенных правомочий собственника. Объем правомочий собственника определяется действительно уже законом в зависимости от того, управомоченным субъектом какого вида и какой формы собственности является наследник.

Неточность у К. Плутуса проявляется и тогда, когда он называет юридические факты, приводящие к возникновению наследственного правоотношения, фактами, образующими право наследования.¹⁸ Юридические факты порождают, изменяют и прекращают правоотношения, в том числе и наследственные правоотношения, но непосредственно они не образуют никакого субъективного права.

Если содержанием наследственного правоотношения рассматриваются субъективные права и обязанности, приобретенные наследником при принятии наследства, то получается, что наследник, принявший наследство, является одновременно управомоченным субъектом двух абсолютных правоотношений — правоотношения наследования и правоотношения собственности. Он является одновременно наследником, который имеет единственное правомочие — право принять наследство, и собственником принятого наследства.

Если действительно надо сохранить правоотношение наследования и после принятия наследником наследства по тем соображениям, что в противном случае наследник не может защищаться при оспаривании его права собственности ссылкой на наследственное правоотношение как на основание возникновения своих имущественных прав, тогда надо признать двустадийными все правоотношения. Например, при купле-продаже возникновение права собственности у покупателя прямо зависит от общественного отношения, являющегося предметом регулирования договора купли-продажи. Но это не означает, что правоотношение купли-продажи продолжает существовать и после исполнения сторонами этого обязательства на всякий случай, так как возможность оспаривания прав покупателя теоретически никогда не исключается. Наоборот, ст. 233 ГК ЭССР прямо предусматривает, что надлежащим исполнением прекратится всякое обязательство. Обязательство же, как известно, по существу является правоотношением.

Представляется, что после осуществления наследником своего субъективного права — права наследования, т. е. после принятия наследником наследства, прекращается правоотношение наследования, содержанием которого и было вышеуказанное право наследника, аналогично исполнению обязательственных правоотношений. Закон связывает с принятием наследства уже изменения в субъектном составе правоотношения собственности, и наслед-

---

¹⁸ К. Plutus. Ук. раб., стр. 68—69.

ник тем самым становится управомоченным субъектом правоотношения собственности.

Такая интерпретация права наследования как субъективного права в рамках правоотношения наследования в принципе не противоречит содержанию наследственной трансмиссии. При наследственной трансмиссии происходит переход права на принятие наследства, т. е. право наследования как субъективное право переходит другому лицу на основании наследственного права как объективного права. В теоретическом плане здесь имеет место правопреемство в абсолютном правоотношении по общим основаниям.

Нельзя согласиться с утверждением, согласно которому наследник, принявший наследство, выступает в правоотношении наследования во второй его стадии одновременно как управомоченный, так и обязанный субъект.¹⁹

Наследнику, принявшему наследство, переходят как собственнику в порядке правопреемства и все обременения, обременившие наследственное имущество. Кредитор наследодателя не является управомоченным субъектом правоотношения наследования и правоотношения собственности, если он сам не является наследником. Наоборот, наследник, принявший наследство, не может быть обязанным субъектом правоотношения наследования и правоотношения собственности, объектом которого является наследственное имущество. Поэтому немыслима юридическая конструкция, при которой принявший наследство наследник выступает одновременно в качестве и управомоченного и обязанного субъекта наследственного правоотношения. Кредитор наследодателя в наследственном правоотношении выступает только в неопределенной массе обязанных лиц на стороне обязанного субъекта этого правоотношения, наследник же всегда выступает в этом правоотношении управомоченным субъектом. С принятием наследства наследником наследственное правоотношение прекращается и кредитор наследодателя выступает уже как входящий в состав обязанного субъекта правоотношения собственности, объектом которого является обремененное долгами наследственное имущество.

Интересно отметить, что О. С. Иоффе сам через несколько страниц утверждает, что «принятие наследства влечет за собой единственное правовое последствие: наследники становятся носителями всех перешедших к ним гражданских прав и обязанностей, которые ранее принадлежали наследодателю.»²⁰

Это утверждение совершенно правильное и полностью согласуется с предложенной нами интерпретацией права наследования и сроков существования наследственного правоотношения. Если

¹⁹ О. С. Иоффе. Ук. раб., стр. 291.

²⁰ Там же, стр. 337.

же переход права собственности и других прав и обязанностей является единственным правовым последствием принятия наследства, тогда не может быть и речи о сохранении наследственного правоотношения и его переходе во вторую стадию в момент принятия наследства. Это было бы уже вторым правовым последствием принятия наследства!

О. С. Иоффе правильно отмечает, что перешедшие от наследодателя к наследнику права и обязанности не входят в содержание наследственного правоотношения и составляют содержание правоотношений собственности, обязательственных правоотношений и других самостоятельных правоотношений.²¹

В то же время он недостаточно различает эти права и обязанности, входящие в содержание разных правоотношений, и указывает, что собственник может требовать «воздержания от всех третьих лиц и как собственник и как наследник: как собственник — если кто-либо нарушает его право по владению, пользованию и распоряжению вещью, как наследник — если кто-либо оспаривает факт приобретения им этой вещи в собственность».²²

Если это действительно так, тогда надо признать, что содержанием наследственного правоотношения является что-то большее, чем только право принять наследство. О. С. Иоффе же категорически утверждает, что у наследника только единственное правомочие — право принять наследство.²³ Какими же субъективными правами располагает наследник как управомоченный субъект наследственного правоотношения после осуществления этого единственного правомочия, т. е. после принятия наследства? Остается непонятным, почему принявший наследство наследник должен выступать в качестве наследника, а не собственника в тех случаях, когда оспаривают его право собственности. Если так рассуждать, то получается, что при оспаривании права собственности на купленную вещь, собственник этой вещи выступает не как собственник, а как покупатель, т. е. не в качестве управомоченного субъекта правоотношения собственности, а субъектом прекратившегося обязательственного правоотношения.

Наследование является производным способом приобретения права собственности. Этому выводу не противоречит то обстоятельство, что принятию наследства как юридическому факту присваивается при изменении правоотношения собственности обратная сила на основании ч. 5 ст. 551 ГК ЭССР.

Правоотношение собственности продолжает свое существование и после смерти гражданина как управомоченного субъекта этого правоотношения. До принятия наследником наследства круг

---

²¹ О. С. Иоффе. Ук. раб., стр. 295.

²² Там же, стр. 295.

²³ Там же, стр. 290.

управомоченных субъектов этого правоотношения был временно неопределен. О. С. Иоффе правильно указывает, что временная неопределенность управомоченных субъектов не означает их отсутствие вообще, так как эти управомоченные субъекты выясняются в каждом случае непременно.²⁴

Из вышеизложенного следует, что нет и не может быть такого момента, когда наследственное имущество не имело бы хозяина. При отсутствии других наследников или при отказе их принятия наследства имущество умершего гражданина переходит на основании наследственного права советскому государству. Поэтому после принятия Основ больше не существует никакого «вымороченного» имущества и О. С. Иоффе, говоря о «наследовании выморочного имущества»,²⁵ допускает явную неточность.

С принятием наследства наследник становится собственником наследственного имущества с момента открытия наследства. Поэтому неосуществление в дальнейшем своих правомочий собственника в отношении этого имущества или же непринятие мер по переводу на свое имя правоустановительных документов на это имущество не оказывает никакого влияния на факт приобретения права собственности на это имущество. Самый факт принятия наследства юридически означает, что право собственности на наследство приобретено наследником.

Переход прав и обязанностей наследодателя к наследнику не является возможным без принятия наследства как акта одностороннего волеизъявления наследника. Этот принцип в законодательном порядке зафиксирован в ГК союзных республик (ч. 1, ст. 551 ГК ЭССР; ч. 1, ст. 546 ГК РСФСР). Нам же представляется, что он все-таки соблюден не до конца в ч. IV, ст. 555, в ч. 1, ст. 551 и в ч. 1, ст. 559 ГК ЭССР и поэтому действующая редакция указанных статей ГК ЭССР вызывает некоторые возражения.

II

Принятием наследства закон квалифицирует действия наследника, свидетельствующие о его согласии вступить в права наследодателя. Согласно действующему законодательству, каждый из наследников может одним из трех способов принять наследство в течение 6 месяцев со дня его открытия: фактическим вступлением в управление, вступлением во владение наследственным имуществом или же подачей нотариальной конторе по месту открытия наследства заявления о принятии наследства (ч. II, ст. 551 ГК ЭССР). Такие действия наследника рассматриваются как односторонние сделки.

²⁴ О. С. Иоффе. Ук. раб., стр. 296.

²⁵ Там же, стр. 326.

Несмотря на это, ч. IV ст. 555 ГК ЭССР (ч. IV ст. 550 ГК РСФСР) не допускает отказа от принятия наследства, если наследство было принято путем подачи соответствующего заявления в нотариальную контору или в случае, когда наследник подал в нотариальную контору заявление для выдачи ему свидетельства о праве наследования.

Таким образом, из действующей редакции ч. IV ст. 555 ГК ЭССР, следует, что закон не распространяет этот запрет на тех наследников, которые приняли наследство путем фактического вступления и управление или во владение наследством.

Такие наследники имеют право отказаться от принятия наследства, несмотря на то, что они не только юридически, но и фактически приняли наследство и пользовались в отношении принятого наследства правами, предусмотренными ч. II ст. 554 ГК ЭССР. Тот же наследник, который не имеет в момент подачи заявления полного представления о наследственном имуществе, принимает наследство только юридически, путем подачи соответствующего заявления и не лишен права отказаться от своего заявления.

Представляется, что как данный запрет сам, так и вышеизложенное ограничение при применении этого запрета не могут быть обоснованы ни теоретическими, ни практическими соображениями.

При составлении завещания гражданин осуществляет принадлежащее ему как собственнику право собственности. При подаче же соответствующего заявления в нотариальную контору лицо осуществляет принадлежащее ему право наследования. Следовательно, они оба распоряжаются в предусмотренном законом порядке принадлежащими им субъективными правами. Завещатель всегда имеет право отменить составленное им завещание или же изменить его содержание. Поэтому было бы вполне логично, если бы подобное право принадлежало и наследнику и он мог бы в течение срока, предусмотренного для принятия наследства, отказаться от поданного им заявления. Принятие наследства как односторонняя сделка может быть совершена или письменно, или путем так называемых конклюдентных действий, при которых из поведения лица явствует его воля совершить определенную сделку. Но это обстоятельство никак не может повлиять на допущение применения отказа от этой односторонней сделки.

Следует отметить, что в литературе в большинстве случаев только констатируют наличие вышеуказанного положения закона²⁶. О. С. Иоффе²⁷ и К. Плутус²⁸ обосновывают это положение

²⁶ См., напр., Советское гражданское право. Т. II. М., 1969, стр. 514; О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Ук. раб. стр. 432; Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. М., 1966, комм. 3 ст. 546; ENSV Tsiiviikoodeks. Kommenteeritud väljaanne. Tln., 1969, § 555 komm. 8.

²⁷ О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Т. III, Л., 1965, стр. 298.

²⁸ К. Plutus. Уч. соч., стр. 56.

ние тем, что запрещение такого отказа установлено в интересах кредитора наследодателя. К этому сводится по существу и вся аргументация Н. Бондарева²⁹. В С. Макарова³⁰ и В. Серебровский³¹ в своих исследованиях проблем принятия наследства даже не пытаются аргументировать запрещение отказа принятия наследства. Они ограничиваются только утверждением, что запрет такого отказа правилен и обоснован.

В действительности для кредитора наследодателя не имеет по существу никакого значения то обстоятельство, кому именно переходит имущество его должника³². Он может затребовать обременивший наследственное имущество долг только в пределах стоимости этого имущества (ст. 558 ГК ЭССР). Поэтому личность наследника и его имущественное положение не имеет для кредитора существенного значения с точки зрения удовлетворения его претензий.

Допущение такого отказа не нарушает прав и законных интересов и остальных наследников. Их доля в наследственном имуществе в таком случае даже увеличивается. Не ущемляются в таком случае и права и законные интересы легатариев. Когда наследник умрет или откажется от принятия наследства, тогда легат переходит другим наследникам, которые получили причитающуюся этому наследнику долю. Следовательно, легат, обременивший наследственное имущество, вообще не связан с личностью наследника. Легатарий является кредитором принявшего наследство наследника и он имеет право требовать исполнения легата только в пределах действительной стоимости перешедшего этому наследнику наследственного имущества.

Кроме того, такое запрещение отказа и практически ничего не дает, так как может быть легко обойдено подачей иска против наследника, который впоследствии уже сам хотел бы отказаться от принятия наследства. Такой «наследник» исковым требованиям не возражает и стороны предъявляют суду уже заранее подготовленное соглашение, которое они просят утвердить судом. Так как такое соглашение сторон по вышеизложенным причинам не ущемляет прав ни сторон, ни третьих лиц, суд удовлетворяет просьбу сторон и своим определением утверждает отказ ответчика от принятия наследства. Такие дела в народных судах республики бывают.³³ Возможность же обхода закона легальным путем не повышает авторитет наших законов.

²⁹ Н. Бондарев. Новый гражданский кодекс и изменения в порядке оформления прав наследования. — «Советская юстиция», 1964, № 24, стр. 7.

³⁰ Советское гражданское право, т. II, М., 1969, стр. 516.

³¹ В. Серебровский. Наследственное право в будущем гражданском кодексе РСФСР. — «Социалистическая законность», 1962, № 8, стр. 4.

³² См. Б. С. Антимонов, К. А. Граве. Советское наследственное право. М., 1955, стр. 59.

³³ См., напр., Гражданское дело № 2—789/1969 Народного суда гор. Тарту.

Рассматривая эту проблему П. Никитюк правильно отмечает, что нет никаких оснований для запрещения отказа, даже от первоначального отказа, если другие наследники такой отказ от отказа не оспаривают, так как такой запрет все равно обходят путем подачи иска, против которого ответчики не возражают.³⁴

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем исключить ч. 4 ст. 555 ГК ЭССР. Следует отметить, что, например, ГК Молдавской ССР и ГК Украинской ССР не содержат правила, аналогичного ч. 4 ст. 555 ГК ЭССР.

III

Согласно ч. 1 ст. 559 ГК ЭССР кредиторы наследодателя вправе в течение 6 месяцев со дня открытия наследства предъявлять свои претензии принявшим наследство наследникам или исполнителю завещания, или нотариальной конторе по месту открытия наследства, либо предъявить в суде иск к наследственному имуществу. Итак, действующая редакция этой статьи предусматривает 4 варианта возможностей предъявить претензии со стороны кредитора, причем эти варианты исключают друг друга. В противном случае в тексте закона не пользовались бы союзом «или» в изложении этих вариантов. Следовательно, возможность кредитора предъявить в суде иск против наследственного имущества не является в то же время иском против принявшего наследство наследника. В противном случае указание в законе на возможность кредитора обратиться в суд с иском лишилось бы смысла, так как кредитор всегда имеет право обратиться в суд для получения защиты своих нарушенных или оспариваемых субъективных прав (ст. 7 ГК ЭССР).

Если же подача кредитором иска в суд против наследственного имущества является действительно самостоятельной формой предъявления претензий кредитором, тогда неизбежно возникает вопрос — кто же является в таких случаях ответчиком?

Ю. К. Толстой³⁵ и Т. Б. Мальцман³⁶ полностью одобряют существование права кредитора непосредственно обратиться в суд с иском против наследственного имущества, но они не указывают, кто же является ответчиком по таким делам. Ясность в этот вопрос не вносят и комментированные издания ГК РСФСР и ГК ЭССР. В то же время не может быть сомнения, что ответчик по этим делам должен быть, так как имущественные претензии кредитора не могут быть рассмотрены в порядке особого производства. Исковое же производство предполагает всегда наличие

³⁴ П. Никитюк. Наследование по новым гражданским кодексам. — «Социалистическая законность», 1965, № 7, стр. 31.

³⁵ О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Ук. раб., стр. 437.

³⁶ Научно-практический Комментарий к ГК РСФСР. М., 1966, комм. 1—3 ст. 554.

как истца, так и ответчика. Это бесспорное положение понимает В. С. Макарова, когда она указывает, что «ответчиками по таким искам выступают заинтересованные лица»³⁷. К сожалению, она не уточняет, кто же является такими «заинтересованными лицами». Кроме того, она явно упускает из виду, что согласно ст. 553 ГК РСФСР (ст. 558 ГК ЭССР) за долги наследодателя отвечают принявшие наследство наследники, а не какие-либо «заинтересованные лица».

О. С. Иоффе полагает, что ответчиками по таким искам выступают опекуны или хранители наследственного имущества, так как «на самом деле иски предъявляются не к имуществу, а к еще не определившемуся наследнику, представляемому хранителем или опекуном»³⁸.

Здесь тоже упускается из виду, что согласно ст. 553 ГК РСФСР (ст. 558 ГК ЭССР) за долги наследодателя отвечают только принявшие наследство наследники. Не определившийся же наследник не может быть рассмотрен как наследник, принявший наследство. В. И. Серебровский совершенно правильно отмечает, что наследник, не принявший наследства, не может быть привлечен к ответственности за долги, обременяющие наследство³⁹.

Следует отметить, что предоставленное ч. 1 ст. 559 ГК ЭССР кредитору право предъявить в суде иск к наследственному имуществу практически неосуществимо. Как известно, ст. 29 ГПК РСФСР 1922 года действительно допускала иски к имуществу после смерти собственника. Следовательно, суды были тогда обязаны принимать такие исковые заявления, хотя они не содержали указания на ответчика. Действующий же ГПК ЭССР норм аналогичного содержания не содержит. Наоборот, п. 3 ч. II ст. 136 ГПК ЭССР прямо предусматривает, что в исковом заявлении должен быть безусловно указан ответчик и его адрес. Если это правило истцом не соблюдено, судья оставляет исковое заявление без движения и предлагает в определенный срок этот пробел восполнить. Если же истец не сможет указать ответчика, судья истцу его исковое заявление с приложениями возвращает (ст. 141 ГПК ЭССР). Кроме того, надо иметь в виду, что согласно ч. III ст. 560 ГК ЭССР хранитель наследственного имущества назначается при наличии в составе наследства имущества, требующего управления, а также «в случае предъявления иска кредиторами наследодателя до принятия наследства наследниками». Получается, что закон связывает назначение хранителя с предъявлением иска кредиторами. В то же время закон, т. е. ч. II ст. 136

³⁷ Советское гражданское право, т. II. М., 1969, стр. 520.

³⁸ О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Т. III, Л., 1965, стр. 342.

³⁹ В. И. Серебровский. Очерки советского наследственного права. М., 1953, стр. 216.

ГПК ЭССР не допускает никакого предъявления иска без указания на конкретного ответчика.

Сторонами в советском гражданском процессе выступают субъекты материального правоотношения. Так как за долги наследодателя отвечают по закону только принявшие наследство наследники, как правопреемники должника, ответчиками по таким искам могут выступать только принявшие наследство наследники. Практически также нелегально, чтобы от имени непринявшего еще наследство наследника выступал какой-то хранитель имущества на основании ч. IV ст. 115 ГПК ЭССР и суд выносил бы решение до истечения 6-месячного срока, установленного для принятия наследства. Если наследник, непринявший наследство, сам не может отвечать за долги, обременившие наследственное имущество, то не может за них отвечать и хранитель наследственного имущества как представитель такого потенциального наследника. В связи с этим интересно отметить, что хранитель наследственного имущества на основании ч. IV ст. 115 ГПК ЭССР даже не может рассматриваться как представитель непринявшего наследства наследника. Таким представителем может быть только опекун наследственного имущества, но не хранитель этого имущества. Часть III ст. 560 ГК ЭССР допускает назначение только хранителя, но не опекуна наследственного имущества. Таким образом, действующая редакция ч. I ст. 559 ГК ЭССР не соответствует вышеуказанным нормам ГПК ЭССР и кредитор, который в настоящее время сочтет нужным обратиться в суд с иском к «наследственному имуществу», не выигрывает и во времени.

Исходя из вышеизложенных соображений, мы предлагаем исключить из редакции ч. I ст. 559 ГК ЭССР указание на право кредитора предъявлять иск против наследственного имущества.

IV

Согласно ч. I ст. 552 ГК ЭССР суд может продлить установленный законом срок для принятия наследства, если он считает причины пропуска срока уважительными. Использование же термина «продление» в самом законе кажется нам спорным по следующим соображениям.

Как известно, ст. 90 ГК ЭССР (ст. 87 ГК РСФСР) не говорит ни о продлении, ни о восстановлении пропущенного истцом срока исковой давности. Эта статья сама озаглавлена: «Последствия истечения срока исковой давности.» Часть II ст. 90 ГК ЭССР лишь устанавливает, что нарушенное право подлежит защите, если суд, арбитраж или третейский суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности. Таковую же формули-

ровку используют в судебной практике⁴⁰. О восстановлении пропущенного срока исковой давности говорится только в литературе.

Что же имеет в виду ч. I ст. 552 ГК ЭССР, говоря именно о продлении пропущенного срока?

Часть I ст. 552 имеет в виду случаи, когда наследник пропустил установленный законом срок для осуществления своего субъективного права, т. е. принятия наследства. Если он этот срок пропустил, тогда бесспорно, что этот срок уже истек. Не требует специального доказательства, что продлить можно только срок, который еще не истек. Именно о продлении такого, еще не истекшего срока правильно говорится в ч. IV ст. 551 ГК ЭССР. Если же срок истек, тогда о продлении такого срока не может быть речи. Когда же мы все-таки говорим о продлении такого истекшего срока, тогда мы по существу предоставляем новый срок взамен пропущенного. Иногда этого противоречия пытаются избежать путем употребления терминов «восстановить» и «продлить» рядом⁴¹. Но это никак не может быть выходом из положения.

Теоретически необоснованное использование термина «продлить» в ч. I ст. 552 ГК ЭССР (ч. I ст. 547 ГК РСФСР) отрицательно сказывается и на судебной, и на нотариальной практике. Н. И. Бондарев и Э. Б. Эйдинова указывают, что народные суды гор. Москвы, разрешая дела о продлении срока принятия наследства, оформляют свои решения по-разному: одни суды указывают в решении новый срок для принятия наследства, другие же суды имеют в виду по существу восстановление пропущенного срока и никакого нового срока в своих решениях не указывают. Вышеуказанные авторы не возражают против самого использования термина «продлить» в законе и поэтому предлагают, чтобы в нормативном порядке был установлен еще какой-то срок, который может быть дополнительно предоставлен судом при пропуске срока на принятие наследства по уважительным причинам. Авторы считают, что такой дополнительный срок не должен превышать 6 месяцев.⁴²

Н. И. Бондарев и Э. Б. Эйдинова, по-видимому, сами не заметили, что принятие их предложения по существу аннулирует надобность всякого продолжения вышеуказанного срока. Ведь в этом случае суд уже не продлевает установленный законом срок, а установив, что этот срок пропущен по уважительным причинам, определяет новый срок в пределах 6 месяцев.

---

⁴⁰ См., напр., Гражданское дело № 20 — II — 1970. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Эстонской ССР от 9 января 1970 г.

⁴¹ О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Ук. раб. стр. 443; К. Plutus, Ук. соч., стр. 60—61.

⁴² Н. И. Бондарев, Э. Б. Эйдинова. Координация работы судебных и нотариальных органов по наследственным делам. — «Советское государство и право», 1968, № 4, стр. 98—99.

Мы полагаем, что выходом из создавшегося положения было бы изменение редакции ч. I ст. 552 ГК ЭССР таким образом, чтобы в тексте закона было выпущено слово «продлить». При этом изменение действующей редакции ч. I ст. 552 ГК коснется только первого предложения, которое могло бы быть изложено примерно в следующем виде: «Суд может считать наследство принятым, если он признает причины пропуска срока, установленного статьей 551, уважительными.» В связи с этим мы предлагаем озаглавить ст. 552 ГК ЭССР: «Последствия пропуска срока для принятия наследства.» Таким заглавием полностью охватывается как предложенное нами новое содержание ч. I, так и содержание действующей редакции ч. 2.

При предложенной нами редакции ч. I ст. 552 ГК ЭССР не надо было бы в судебных решениях указывать каких-либо новых сроков для принятия наследства и не надо было бы в нормативном порядке устанавливать каких-либо дополнительных сроков. Если суд признал причины пропуска срока уважительными, тогда и наследство считается принятым. Принятие нашего предложения не приведет к затушевыванию грани между сроком исковой давности и преклюзивными сроками. Признав наследство принятым, несмотря на пропуск наследником установленного срока, суд тем самым придает правовое значение действиям наследника, перечисленным в ч. II, ст. 551 ГК ЭССР. В противном случае эти действия наследника остаются действиями чисто фактического характера и не порождают никаких юридических последствий, за исключением случая, регулируемого вторым предложением ч. I, ст. 552 ГК ЭССР.

В связи с этим надо отметить, что Г. Б. Мальцман, хотя и недостаточно раскрывает юридическое значение термина «продлить», все-таки правильно указывает, что при продлении этого срока судом наследство считается принятым.⁴⁵ Вопрос о признании наследства принятым решается судом одновременно с рассмотрением иска по существу. Если нет оснований для признания причин пропуска срока уважительными, тогда совершенные истцом после 6 месячного срока действия, предусмотренные ч. ст. 551 ГК ЭССР, не имеют юридического значения и заявленный истцом иск остается без удовлетворения. Так как разрешается спор о праве гражданском, эти дела рассматриваются в общеисковом порядке.

Процессуально дело осложняется в тех случаях, когда других наследников нет или наследники, кроме истца, отказались от наследства. По таким делам потенциальным наследником является Советское государство, но переход наследства ему на основании ст. 557 ГК ЭССР может быть еще не оформленным. Согласно

---

⁴⁵ Научный Комментарий судебной практики по гражданским делам за 1964--1965, М., 1966, стр. 163.

п. «г» ст. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 6 от 1 июля 1966 года «О судебной практике по делам о наследовании»⁴⁴ в этих случаях «вопрос о продлении пропущенного срока на принятие наследства» разрешается «судом по месту открытия наследства с привлечением к участию в деле в качестве третьего лица представителя финансового органа».

Как известно, третьи лица выступают только в исковом производстве (ст. III ГК ЭССР). В исковом же производстве мы имеем всегда дело со сторонами, т. е. в процессе выступают истец и ответчик (ч. I ст. 105 ГПК ЭССР). Следовательно, если представитель финансового органа выступает в процессе третьим лицом, тогда в процессе должен быть и ответчик. К сожалению, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении не разъясняет, кто является ответчиком по таким делам. Если наследство уже перешло государству на основании ст. 557 ГК ЭССР, тогда возникает спор о праве гражданском и дело рассматривается в порядке искового производства, где ответчиком является финансовый орган и в качестве третьего лица последний уже не может быть привлечен.

Мы полагаем, что в настоящее время нет законных оснований для рассмотрения таких дел и в порядке особого производства. Статья 250 ГПК ЭССР перечисляет дела, рассматриваемые судом в порядке особого производства. Этот перечень не содержит дел о продлении пропущенного срока принятия наследства. Следовательно, без дополнения ст. 250 ГПК ЭССР нет законных оснований рассматривать такие дела в порядке особого производства и тогда, когда в п. «г» ст. 7 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда СССР слова «в качестве третьего лица» заменить словами «в качестве заинтересованного лица» (ч. 2 ст. 251 ГПК ЭССР).

Представляется, что в действительности нет никакой надобности рассматривать такие дела судами в порядке особого производства. При отсутствии спора о праве гражданском нотариус сам может признать наследство принятым. При этом следовало бы установить, что при поступлении такого заявления нотариус немедленно извещает местный финансовый орган, который в течение определенного времени должен должен нотариусу сообщить свою позицию по данному делу. Если последний оспаривает признание наследства принятым, налицо спор о праве гражданском и нотариус предлагает заявителю обратиться в суд на общих основаниях. Здесь налицо известная аналогия с ч. III ст. 251 ГПК ЭССР. Если же местный финансовый орган не оспаривает признание наследства принятым, тогда нотариус сам уполномочен оформить принятие наследства, хотя установленный срок для принятия наследства заявителем был пропущен.

⁴⁴ «Советское право», 1967, № 1, стр. 56.

Наконец, следует отметить, что ни закон, ни вышеуказанное Постановление Пленума Верховного Суда СССР не содержат указаний в отношении порядка рассмотрения вопросов «продления»⁴⁵ пропущенного срока в тех случаях, когда все наследники пропустили срок на принятие наследства. Н. Бондарев⁴⁶ полагает, что в таких случаях нотариус всегда уполномочен разрешать вопрос о «продлении» пропущенного срока. Е. А. Поссе⁴⁷ полагает, что в этих случаях вопрос о «продлении» срока разрешается всегда судом. К сожалению, она не уточняет, в порядке какого производства суд рассматривает такие вопросы. Представляется, что и в этих случаях вопрос о порядке признания наследства принятым может быть разрешен аналогично случаям, когда других наследников нет или же они, кроме заявителя, отказались от наследства. Лишь тогда будут полностью соблюдены интересы государства, как потенциального наследника по этим делам. Если местный финансовый орган оспаривает признание наследства принятым, тогда нотариус не уполномочен разрешать этот вопрос. Этот вопрос в данном случае разрешается уже судом в порядке общесоюзного производства, в котором истцами выступают лица, считающие себя наследниками, ответчиком же выступает местный финансовый орган.

---

⁴⁵ Имеется в виду действующая редакция, ч. I ст. 552 ГК ЭССР.

⁴⁶ Н. Бондарев. Новый гражданский кодекс и изменения в порядке оформления прав наследования. — «Советская юстиция», 1964, № 24, стр. 6—7.

⁴⁷ Гражданско-правовая охрана интересов личности. Под. ред. Б. Б. Черепихина. М., 1969, стр. 246—247.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЗА КАЧЕСТВО ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТ

Канд. юр. наук Э. Л. Плом

Кафедра гражданского права и процесса

1. В советской юридической литературе является общепризнанным положение о том, что гражданско-правовые договоры направлены на достижение определенного правового результата, к которому стремятся стороны, имея в виду удовлетворение своих производственных, хозяйственных, бытовых или иных потребностей.¹

Из этого вытекает, что стороны договора бытового обслуживания заинтересованы в достижении определенного результата — изготовлении соответствующего предмета, ремонте предмета домашнего обихода или культурного потребления и т. д. Для достижения определенного результата заключается сторонами соответствующий договор бытового обслуживания, или иначе говоря, стороны вступают в соответствующие правоотношения.

Однако установление гражданских прав и обязанностей между субъектами не гарантирует само по себе совершенствование целей, намеченных сторонами договора. Для этого необходимо, чтобы сторона исполняла точно все обязанности, установленные для них самим договором. Двухсторонний характер договора бытового обслуживания предполагает и ответственность обеих сторон договора за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Последствия нарушения обязанностей предусматриваются «Основами», гражданскими кодексами и специальными актами, регулирующими отдельные виды данного договора. Но несмотря на это, социалистические организации (предприятия бытового обслуживания), выступая одной из сторон договора, фактически никогда не несут ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей.²

¹ См., напр., В. Г. Вердников, А. Ю. Кабалкин. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. «Юрид. лит.», 1970, стр. 52.

² См. В. Г. Вердников, А. Ю. Кабалкин. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. «Юрид. лит.», 1970, стр. 206.

Тем и объясняется то положение, что в последнее время многие авторы посвящают специальные работы исследованию проблем о договорах бытового обслуживания³, в том числе и вопросам об ответственности. Стороны имеют целый ряд разных обязанностей, за нарушение которых должна быть установлена определенная ответственность. Поэтому при исследовании ответственности сторон по договору бытового обслуживания возникает масса вопросов и проблем. Мы ограничиваемся в рамках данной статьи рассмотрением лишь некоторых из них.

2. Одна из основных обязанностей предприятия бытового обслуживания по договору — исполнение заказа качественно. Для достижения этой цели и заключается договор между обеими сторонами: заказчиком и предприятием бытового обслуживания. Разумеется, что законом должны быть предусмотрены и установлены соответствующие последствия для тех случаев, когда стороны договора не исполняют или исполняют свои обязанности ненадлежащим образом. В советском гражданском праве большое внимание обращено на выработку и уточнение условий договора, а также на установление ответственности за неисполнение договорных обязательств. Среди них центральное место занимают обязанности, включенные в договор для обеспечения качества заказанных работ.

Названные обязанности сторон в договорах бытового обслуживания имеют иногда специфический характер. Качество работы зависит обычно от навыков и квалификации исполнителя работы и от качества выбранного материала при договоре подряда, а при договоре бытового обслуживания, в частности, играют особую роль качество и свойства материала, переданного заказчиком. Так, по ст. 355 ГК ЭССР подрядчик обязуется выполнить работу по заданию заказчика из его или своих материалов. Если работа выполнена из материалов подрядчика, то в применении последствий, установленных за некачественное исполнение заказа, никаких трудностей не возникает. А именно, ответственность под-

---

³ См. напр. А. Ю. Кабалкин. Гражданско-правовые договоры как форма удовлетворения потребностей трудящихся. «Росвузиздат». М., 1963; Н. Г. Катанян. Договор подряда с организациями бытового обслуживания. «Юрид. лит.», М., 1964; В. С. Тадевосян. Бытовое обслуживание и некоторые вопросы правовой науки. — «Бытовое обслуживание населения, правовые вопросы», «Юрид. лит.», М., 1968; И. П. Проконченко. Правовые вопросы бытового подряда (там же); В. А. Тархов. Материальная ответственность предприятий бытового обслуживания перед заказчиком (там же); М. К. Сулейманов. Ответственность за нарушение сроков в договорах бытового обслуживания населения (там же); А. А. Мельников. Некоторые вопросы судебного рассмотрения дел о бытовом обслуживании граждан (там же); Гражданско-правовая охрана интересов личности. Отв. ред. Б. Б. Черепяхин. «Юрид. лит.», М., 1969; В. Г. Вердников, А. Ю. Кабалкин. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. «Юрид. лит.», М., 1970; Н. А. Баринов. Ответственность сторон по договору бытового заказа. — «Советская юстиция», 1970, № 14 и др. авторы.

рядчика за качество выполненных работ есть ответственность за его вину.⁴ По ч. 2 ст. 358 ГК ЭССР подрядчик, выполняющий работу из своего материала, отвечает за недоброкачество материала.

Но установление вины и наложение ответственности на исполнителя работы иногда не так просто, особенно если подрядчик при выполнении работы пользовался материалом заказчика. Исходя из того, что подрядчик должен, как правило, обладать специальными техническими знаниями и опытом, закон возлагает на него ответственность за недоброкачество материалов и тогда, когда материалы предоставляются заказчиком.⁵ Поэтому подрядчик не может оставаться равнодушным к качеству, техническим и иным свойствам материала, полученного от заказчика. От свойств и качества материала зависит и качество результата работы, выполняемой подрядчиком. Соответственно ст. 363 ГК ЭССР подрядчик обязан своевременно предупредить заказчика о непригодности или недоброкачестве материала, полученного от заказчика и о наличии обстоятельств, грозящих годности или прочности выполняемой работы. Для этого необходимо, чтобы подрядчик при приеме заказа осмотрел бы материалы, передаваемые заказчиком. Так, в п. 2 «Правил приема и выдачи заказов в приемных пунктах химической чистки и крашения одежды»⁶ установлено, что при приеме заказа приемщик обязан тщательно осмотреть вещи, установить вид материала, дефекты и степень износа, а также проверить, чтобы в карманах не оказалось посторонних предметов. Значит, при приеме материала предприятие бытового обслуживания должно тщательно выяснить его состояние и свойства. Кроме этого, иногда предусматривается обязанность подрядчика подготовить материалы к производству. Так, по п. 7 «Правил химической чистки» до сдачи вещей в обработку предприятие химчистки обязано снять с вещей фурнитуру, которая может испортить химикаты или которая может подействовать на другие вещи. При этом надо отметить, что названная обязанность выполняется предприятием химчистки по собственной инициативе, без дополнительного вознаграждения и без согласования с заказчиком.

⁴ Ответственность подрядчика за вину вытекает прямо из общих принципов Основ и ГК. К сожалению, Правила бытового обслуживания остаются в этой части голословными. Так, «Правила приема и выдачи заказов в приемных пунктах химической чистки и крашения одежды» (утверждены приказом министра коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения Эстонской ССР от 7 октября 1966 № 298) лишь констатируют, что комбинат бытового обслуживания несет ответственность за качество выполненных работ (п. 11), но не уточняет при каких условиях несет названную ответственность комбинат.

⁵ Отдельные виды обязательств. Госюриздат. М., 1954, стр. 226; Н. Г. К а н я н. Договор подряда с организациями бытового обслуживания. «Юрид. лит.», М., 1964, стр. 56.

⁶ В дальнейшем — «Правила химической чистки».

По п. 7 «Правил на ремонт жилых помещений»⁷ комбинат бытового обслуживания обязан своевременно сообщить о некачественности и непригодности материалов, полученных от заказчика для производства ремонта; по п. 6 «Правил бытовых заказов по ремонту легковых автомашин и прочих моторизованных средств передвижения, технически сложных предметов культурно-бытового назначения и домашнего обихода, а также по ремонту и изготовлению металлоизделий»⁸ мастерская обязана своевременно предупредить заказчика о недоброкачественности или непригодности полученного от него материала, деталей узлов и агрегатов. По п. 5 «Правил бытовых заказов по ремонту мебели и изготовлению нестандартизированной мебели»⁹ мастерская обязана своевременно предупредить заказчика о недоброкачественности или непригодности полученного от него материала. Аналогичные пункты содержатся и во многих других правилах бытовых заказов.

Приведенные примеры показывают, что вопрос о качестве и пригодности переданных заказчиком материалов отрегулирован в разных правилах более детально (правила химической чистки) или же ограничивается лишь требованием о своевременном сообщении заказчику о недостатках. При этом надо отметить общее для всех правил обстоятельство: выяснение недостатков в материалах происходит в процессе исполнения заказа, т. е. в ходе работ. Нам кажется, что такой порядок не удовлетворяет интересам заказчика, а в некоторых случаях способствует возникновению нежелательных последствий как для заказчика, так и для предприятия бытового обслуживания. Поэтому представляется целесообразным Правилами установить обязанность при приеме материалов от заказчика проводить полную проверку материалов, в результате которой предприятие пришло бы к твердому выводу о пригодности или о непригодности материала уже в момент передачи, т. е. до начала работы. Для полной и всесторонней проверки предприятие бытового обслуживания имеет все необходимое — опытных специалистов, технические средства и т. д. Такая предварительная проверка качества и свойств материала исключает возникновение некоторых возможных отрицательных последствий. Например, если в результате предварительной проверки выяснилась непригодность материала для данной работы или для такой технологии, или для определенных работ, то целесообразно не использовать такой материал или договориться на другую технологию работы и т. д. В ином случае действие предприятия при-

---

⁷ Утверждены приказом министра коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения Эстонской ССР от 7 октября 1966 г. № 298.

⁸ Утверждены приказом министра коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения Эстонской ССР от 5 августа 1966 г. № 229.

⁹ Утверждены приказом министра коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения Эстонской ССР от 5 августа 1966 г. № 229.

ведет к порче материала. Кроме того, использование непригодных материалов может повлечь за собой задержку в работе предприятия — незаконченные работы стоят до получения новых указаний заказчика.

Предупреждение заказчика о непригодности или недоброкачественности в ходе исполнения работ может приобрести юридическое значение лишь тогда, когда подрядчик не обнаружил и не мог обнаружить недостатков в ходе проверки при приеме материала, т. е. если в материале имелись скрытые недостатки.

Такая постановка вопроса увеличила бы внимание предприятия на проверку качества и пригодности материала. В то же время это было бы и определенной гарантией для заказчика. Если материал проверен и принят от заказчика, то последний может быть уверен в том, что из переданного материала на самом деле возможно выполнить заказ качественно.

В Правилах надо установить обязанность предприятия обслуживания проводить практическую проверку свойств материала, если его пригодность показалось сомнительной. Для иллюстрации приведем пример из судебной практики. Гр. Д. сдал пальто в химчистку. После чистки выяснилось, что его новое пальто испортили — ворс пальто взлохмачен, пальто так село, что невозможно его надеть. Гр. Д. отказался принять пальто и потребовал с комбината «Кийр» стоимость пальто. Народный суд удовлетворил иск.¹⁰ Из примера видно, что предприятие бытового обслуживания не проверило и не выяснило свойства материала пальто и в ходе химической чистки оно было испорчено. Все вышеизложенное доказывает необходимость установления обязанности проведения предварительной проверки свойств материала, передаваемого заказчиком.

Ответственность подрядчика за качество работы основывается в соответствии со ст. 37 Основ на его вине.¹¹ Выше мы отметили обязанность предприятия обслуживания предупредить заказчика о недостатках материала. При неисполнении этой обязанности предприятие обслуживания теряет право ссылаться на недостатки материала как на причины неисполнения договора надлежащим обзором и несет ответственность за последствия. Предприятие несет ответственность лишь при наличии его вины (умышленность или неосторожность). Для освобождения от ответственности предприятие должно доказать, что предмет испорчен не по его вине. Приведем следующий пример. Гр. Г. предъявил иск о взыскании с комбината «Кийр» стоимость пальто, которое он сдал в химчистку и которое испортили. Комбинат

¹⁰ Дело № 2—440 Нарсуда Центрального района Таллина за 1969 г.

¹¹ Гражданско-правовая охрана интересов личности. Отв. ред. Б. Б. Черепанов. «Юрид. лит.», М., 1969, стр. 157; Н. Г. Катанян. Договор подряда с организациями бытового обслуживания. «Юрид. лит.», М., 1964, стр. 35.

«Кийр» возражал требованиям истца и обосновывал возражение тем, что указанные истцом дефекты могли быть только до приема пальто в химчистку. Народный суд удовлетворил иск. Из заключения эксперта было видно, что на обеих лапах пальто имеются светлые полосы, которые могли образоваться только в процессе химчистки.¹² Вина в данном случае состояла либо в том, что при приеме не обнаружили недостатков (должны обнаружить) и отправили пальто в производство, либо в том, что никаких недостатков материала не было и последствия причинены только действием предприятия в процессе химчистки.

Дело обстоит иначе, если последствия вызваны такими недостатками материала, наличие которых предприятие не знало и не могло знать (скрытые недостатки). Если предприятие докажет, что последствия были причинены такими недостатками материала, наличие которых оно не могло обнаружить при предварительной проверке материала, то оно освобождается от ответственности. Но при этом необходимо иметь в виду, что обвинение снимается лишь в том случае, если последствия были причинены на самом деле только наличием названных недостатков, а не иными обстоятельствами, в которых виновен подрядчик.

В практике довольно часто предприятия обслуживания сообщают заказчику о наличии недостатков материала, т. е. исполняют свои законные обязанности. Какие же последствия причинит такое поведение предприятия? Надо отметить, что Правила бытовых заказов решают этот вопрос по-разному. Они либо не устанавливают¹³ никаких последствий, либо предусматривают, что дальнейшая работа может проводиться только при согласии и ответственности заказчика¹⁴, либо дают комбинату право отказаться от договора и взыскать понесенные по вине заказчика убытки.¹⁵ Статья 364 ГК ЭССР устанавливает, что если заказчик, несмотря на своевременное и обоснованное предупреждение со стороны подрядчика, не заменит непригодный или недоброкачественный материал, не изменит указаний о способе выполнения работы, подрядчик вправе отказаться от договора и взыскать понесенные им убытки. Так, по договору бытового обслуживания в некоторых случаях возможно отказаться от договора, а иногда можно выполнить заказ, при условии исключения всякой ответственности. Но и в данном случае сохраняется ответственность предприятия за виновные действия. Значит и в данном случае за

---

¹² Дело № 2 — 1427 Нарсуда Центрального района Таллина за 1970 г.

¹³ См., напр., «Правила бытовых законов по ремонту легковых автомашин и прочих моторизованных средств передвижения, технически сложных предметов культурно-бытового назначения и домашнего обихода, а также по ремонту и изготовлению металлоизделий»; «Правила бытовых заказов по ремонту мебели и изготовлению нестандартизированной мебели».

¹⁴ «Правила химической чистки», п. 8.

¹⁵ «Правила на ремонт жилых помещений», п. 8.

последствия, которые причинены по умыслу или неосторожности предприятия, ответственность не снимается.

3. Надо отметить, что не всегда правила и практика выполнения бытовых заказов следуют вышеуказанным требованиям. В некоторых случаях дело доходит уже до того, что даже при наличии определенных обстоятельств предприятие обслуживания не несет ответственности вообще. Так, например, по п. 8 «Правил химической чистки» стирка одежды, сданной в химическую чистку, без согласия на это заказчика, не может производиться. В случае стирки без согласия на это заказчика за последствия несет полную ответственность комбинат бытового обслуживания. Эту мысль Правил иногда понимают так, что если имеется согласие заказчика на стирку, то предприятие вообще не несет ответственности за последствия. Так, например, гр. А. сдала в химчистку платье, на котором были пивные пятна. При получении платья выяснилось, что оно потеряло свой цвет, а пятна сохранились. Поэтому гр. А. требовала взыскания стоимости платья. На судебном заседании представитель комбината «Кийр» возражал требованию и объяснял, что так как стирка была произведена с согласия гр. А., комбинат никакой ответственности не несет.¹⁶ Эту неправильную позицию, которую, к сожалению, иногда поддерживает и судебная практика, комбинаты стараются применять для освобождения от ответственности. Характерным примером может служить следующий судебный спор. Гр. А. сдала 22. VII 1968 в химчистку платье белого цвета, на котором было кровавое пятно. Заказ в срок исполнен не был. Потом показали заказчице платье, но оно было испорчено, и гр. А. отказалась принять платье. 16 августа 1968 заказчица согласилась с предложением комбината на стирку, так как ей обещали вычистить платье таким путем. Но стирка не дала нужного результата, а, наоборот, материал стал плотным и стягивался. По заключению экспертизы (акта № 5883/1 13/IX 1968 г.) данный материал не выдерживал стирки стиральным порошком «Новость» и поэтому потерял свой ярко-белый цвет и стянулся. На судебном заседании представитель комбината «Кийр» возражал требованию истца на том основании, что платье потеряло цвет и стягивалось в результате стирки, а на стирку было соглашение истца. К сожалению, Народный Суд принял такую же ошибочную позицию и отказался от удовлетворения иска. При этом интересно отметить, что суд брал за основу заключение эксперта о том, что платье потеряло цвет и стягивалось вследствие стирки стиральным порошком «Новость» и мотивировал свой отказ от удовлетворения иска тем, что истец, давая согласие на стирку, брал этим на себя всю ответственность.¹⁷ Так комбинат и Народный Суд

¹⁶ Дело № 2—162 Нарсуда Центрального района Таллина за 1969 г.

¹⁷ Дело № 2—2037 Нарсуда Центрального района Таллина за 1968 г.

в данном споре заняли единую позицию: если заказчик был согласен с предложенным способом чистки, то комбинат освобождается от всякой ответственности и даже тогда, когда комбинат стирает предмет стиральными веществами и химикатами, которые заведомо его портят. Такая ошибочная практика приводит к тому, что при стирке комбинат не отвечает за последствия даже при наличии его вины. Получается так, что при сдаче предмета в стирку в прачечную интересы заказчика защищены (прачечная несет ответственность за свое виновное действие), а при стирке через химчистку его интересов никто не защищает (комбинат не отвечает даже за свою вину.).

В чем же вопрос? Что представляет из себя согласие заказчика на стирку и какое значение оно имеет?

Заказчик вступает с предприятием обслуживания в договорные отношения с определенной целью — вычистить определенный предмет. Это достигается разными способами: стиркой, химической чисткой и т. д. Если субъект сдает предмет в химчистку, то уже этим он указывает способ чистки — химическая чистка. А комбинат должен действовать по указанию. Для этого он должен выбрать и приготовить подходящие химикаты, отнестись к работе добросовестно. Если в ходе работы предмет испортится; то комбинат несет перед заказчиком материальную ответственность. Словом, интересы заказчика защищены.

Если химическая чистка ожидаемого результата не дала и заказчик дает согласие на стирку, то по существу согласие есть его новое указание. Естественно, для выполнения заказа, для стирки предмета, комбинат должен поступать точно так же, как и для исполнения всех других указаний заказчика. По п. 11 «Правил химической чистки» комбинат бытового обслуживания несет ответственность за качество выполненных работ. Естественно, это требование действует и тогда, когда способом выполнения работ является стирка. Никакое ограничение ответственности за виновное поведение предприятия обслуживания не является обоснованным и находится в противоречии с принципами действующего гражданского законодательства. Интересы заказчика должны быть защищены одинаково, независимо от выбранного им способа работы (химчистка или стирка). Предприятие обслуживания должно нести ответственность перед заказчиком за свое виновное поведение всегда. Такой принцип должен быть прямо высказан и в Правилах бытовых заказов.

EHITUSORGANISATSIOONIDE KINDLUSTAMINE KAADRIGA

Oigustead. kand. I. Orgo

Riigi- ja haldusõiguse kateeder

Ehitustegevuse olukorrast olenevad suurel määral teiste rahvamajandusharude arendamise võimalused. Kui esineb puudusi ehitustegevuses — ehitajad ei suuda täita neile kinnitatud ehitustööde plaane, viivitavad ehituste ekspluatatsiooni andmisega või ehituste kvaliteet ei vasta nõuetele — siis kannatab selle all nii tööstuse, põllumajanduse, transpordi kui ka teiste rahvamajandusharude ettevõtete ja asutuste edukas töö.

Seetõttu on arusaadav, miks viimastel aastatel nii palju on räägitud ehitusalase töö olukorrast, ehituste kvaliteedist, ehitajate tööviljakusest, ehitajate kaadri ettevalmistamisest ja nende kvalifikatsiooni tõstmisest, tööjõu voolavusest ehitusorganisatsioonides, ehitajate töötingimuste parandamisest jne.

Ehitustegevuses esinevate kitsaskohtade kiire lahendamine on seda vajalikum, et järgneval viisaastakul suurenevad ehitajate ülesanded tunduvalt, võrreldes käesoleva viisaastaku ülesannetega. Nii on eelseisva viisaastaku (1971—1975) plaani projektis ette nähtud, et ehitus- ja montaažitööde üldmaht vabariigi territooriumil kasvab 48 protsenti, tööviljakus peab ehitustegevuses aga kasvama 40 protsenti¹.

Nende ülesannete täitmine ehitusorganisatsioonidel ei ole mõeldav ilma ajakohase ettevalmistuse saanud püsiva ehitajate kaadrita. Kuid kaadri olukord ehitusorganisatsioonides ei ole käesoleval ajal kaugeltki rahuldav. Näiteks 1968. aastal võeti Eesti NSV-s ehitustele tööle üle seitsme tuhande töölise, samal ajal aga vallandati üle kuue tuhande töölise.² See näitab, et 1968. aastal oli vabariigi ehitusorganisatsioonides tööjõu voolavus erakordselt suur. On päris

¹ EKP Keskkomitee sekretäri K. Vaino ettekandest «Parteioorganisatsioonide ülesannetest tööviljakuse kasvutempo kiirendamisel ehitustegevuses» EKP Keskkomitee pleenumil 29. juulil 1970. a. — «Noorte Hää!», 30. juulil 1970.

² N. A b r a m o v. Kuidas vähendada tööjõu voolavust ehitustel? — «Rahva Hää!», 8. augustil 1969.

selge, et sellistes tingimustes ei ole mõeldav tähtajaline ja kvaliteetne ehitamine.

Olukord ei paranenud oluliselt ka 1969. aastal, sest üle neljandiku Eesti NSV Ehitusministeeriumile alluvate organisatsioonide ehitustöölise kaadrist asendus uute töötajatega.³ Kui arvestada veel asjaolu, et töövaheaeg ühest organisatsioonist teise üleminekul moodustab vabariigis keskmiselt 20—22 päeva, siis saab selgeks, kui suurt kahju toob rahvamajandusele ehitajate kaadri pidev voolavus. Paljud hooned jäävad kaadri voolavuse tõttu õigeaegselt eksploatatsiooni andmata, sest kaadri voolavus mitte ainult ei takista ehitustööde tegemist, vaid avaldab mõju ka ehitajate tööviljakusele.

Tänu partei ja valitsuse viimastel aastatel vastuvõetud otsustele⁴, on kaadri voolavus mõningal määral vähenenud. See aga ei anna alust rahuloluks, sest eelseisvad ülesanded nõuavad senisest suuremaarvulist ja parema kvalifikatsiooniga ehitajate kaadrit.

Ehitustöölise arvu tunduvaks suurendamiseks täiendava tööjõu värbamise teel ei ole meie vabariigi tingimustes kuigivõrd soodsaid väljavaateid. Nagu Eesti NSV-s läbiviidud uurimused näitavad, ei moodusta rakendamata töövõimeline elanikkond meie linnades ja rajoonides majanduslikult nimetamisväärset tööjõureservi. Tallinnas on tööhõive protsent 96,8, Tartus 97 ja ka enamikus teistes linnades ning rajoonides töötab üle 90% töövõimelisest elanikkonnast.⁵

Mittetöötavast töövõimelisest elanikkonnast moodustavad enamiku naised, kes ei saa töötada objektiivsetel põhjustel, ning nende arvel ehitusorganisatsioonid kaadrivajadusi rahuldada ei saa.

Seega tuleks peamine tähelepanu suunata meil noorteie, neude kaasatõmbamisele ehitustegevusse. Arvestades aga vabariigi tagasihoidlikku loomulikku iivet ja samuti teiste rahvamajandusharude vajadusi noore kaadri järele, ei ole mõeldav, et ehitusorganisatsioonid suudaksid oma plaaniülesanded eeloleval viisaastakul täita ainult tööliiskaadri suurendamise arvel.⁶

Järelilikult tuleb põhiline tähelepanu pöörata ehitusorganisatsioonide tööviljakuse suurendamisele. Tööviljakuse suurendamine eeldab omakorda ehitustegevuse paremat organiseerimist, tööprotsesside mehhaniseerimist, tehnika uute saavutuste rakendamist. Kõige selle teostamine aga eeldab kõrge kvalifikatsiooniga ehitajate kaadri olemasolu. Ainult hea ettevalmistuse saanud ehitustöölised

³ Eesti NSV ehitusminister U. Jürisoo. Millest sõltub ehitajate tööviljakus? — «Rahva Hääle», 26. juulil 1970.

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 января 1968 г. СП СССР 1968; ЕКР Keskkomitee ja Eesti NSV Ministrite Nõukogu 3. aprillil 1968. a. määrus «Kapitaalehituse kaadriga varustamise abinõude kohta». — ENSV ÜVT, 1968, nr. 17, art. 121.

⁵ E. Leheruu. Paremini kasutada tööjõuresursse. «Eesti Kommunist», 1969, nr. 9, lk. 64—65.

⁶ T. Raitviir. Ehitus, ehitus... «Edasi», 4. märtsil 1969.

suudavad teenindada ehitustel rakendatavat uusimat tehnikat, tõsta tööviljakust ja täita partei ning valitsuse poolt ehitusorganisatsioonidele kavandatud ülesandeid.

Ehitajate kvalifikatsiooni tasemest sõltub ka ehitajate kaadri püsivus. Eesti NSV Ehitusministeeriumi andmetel lahkuvad ehitustelt just eelkõige noored, ilma kvalifikatsioonita või madala kvalifikatsiooniga (I—II kategooria) töölised, sealjuures ainult 6—15 protsenti lahkujaist on kõrgema kategooriaga ja pikema tööstaažiga töölised.⁷

Seega on ehitustegevuse parandamiseks vaja kindlustada ehitusorganisatsioonid eelkõige kvalifitseeritud ehitajate kaadriga.

Tööliiskaadrit ehitusorganisatsioonidele valmistatakse käesoleval ajal ette põhiliselt kahes liinis: linnakutsekoolides ja ehitusorganisatsioonides enestes, sealjuures ehitusorganisatsioonides nii tootmistöö käigus kui ka tootmistööd katkestades. Ehitustöölise kvalifikatsiooni tõstmine toimub üldreeglina ehitusorganisatsioonides, kuna kutsekoolide osatähtsus selles osas on käesoleval ajal veel väike.

Ehitustöölisi on kutsekoolides ette valmistatud juba pikema aja vältel. Enne kutseharidussüsteemi õppeasutuste reorganiseerimist⁸ õpetati välja kvalifitseeritud ehitustöölise tööjõureservide ehituskoolides. Pärast kutseharidussüsteemi reorganiseerimist hakati ehituserialasid õpetama põhiliselt linnakutsekoolides. Ehitusorganisatsioonid on kutsekoolidest saanud aasta-aastalt hulgaliselt noori ehitajaid, kuid nagu näitavad praktika andmed, lahkuvad paljud neist kohe pärast tööleasumist organisatsioonidest, kuhu nad on suunatud.

Seoses sellega on meie partei ja valitsusorganid pööranud suurt tähelepanu kutsekooli lõpetanud ehitustöölise töö paremale organiseerimisele, nende töö- ja elutingimuste parandamisele.

Kehtiva korra kohaselt paigutatakse kutsekooli lõpetanud ehitustöölised tööle kutseharidusorganite poolt antud suunamiskirjade alusel. Viimaste alusel sõlmitakse noortöölise ja ehitusorganisatsioonide vahel töölepingud, mille põhjal noored ehitajad vormistatakse tööle töölevõtulehe või vastava käskkirjaga.

Enne faktilist tööleasumist on kutsekoolide lõpetanutel õigus eriotstarbelisele puhkusele⁹ ehitusorganisatsioonide arvel, kuhu nad on tööle suunatud. Puhkusetasu arvutatakse noortele ehitajatele tariifsest palgamäärast või ametipalgast lähtudes. Puhkuse kestus on kindlaks määratud Eesti NSV kutsekoolide põhimäärus-

⁷ N. Abramov. Kuidas vähendada tööjõu voolavust ehitustel? — «Rahva Hääl», 8. augustil 1969.

⁸ Eesti NSV Ülemnõukogu 24. aprilli 1959. a. seadus «Kooli ja elu sidemete tugevdamisest ning haridussüsteemi edasiarendamisest Eesti NSV-s» — ENSV T, 1959, nr. 31, art. 164.

⁹ Я. Давидович. Правовое регулирование труда молодых рабочих и специалистов. — «Социалистический труд», 1960, № 6, стр. 27.

sega.¹⁰ Nimetatud põhimääruse kohaselt saavad alla 18 aasta vanused noortöölised puhkust ühe kalendrikuu ulatuses. Täisealiste noortööliste puhkuse kestus oleneb antud ehitusorganisatsiooni vastava kutse- või eriala ehitajate puhkuse kestusest.

Kehtiv tööseadusandlus näeb ette kutsekooli lõpetanutele ka sõidu- ja kraamiveokulude ning päevaraha maksmise nende organisatsioonide arvel, kuhu nad tööle asuvad. Nimetatud kompensatsiooniliste maksetele tekib kutsekooli lõpetanutel õigus neil juhudel, kui nad asuvad tööle väljapoole nende alalist elukohta.¹¹ Üldreeglina makstakse kutsekooli lõpetanutele välja sõidu- ja kraamiveokulud ning päevaraha teel oleku aja eest 75 kop. päevas.¹² Kutsekooli lõpetanud noorte ehitajate osas teostatakse aga kompensatsioonilisi väljamakseid mõnevõrra teisiti. Vastavalt EKP Keskkomitee ja Eesti NSV Ministrite Nõukogu 3. aprilli 1968. a. määrusele¹³ rakendatakse ehituseriala omandanud kutsekooli lõpetanute suhtes kompensatsioonide maksmise korda, mis on ette nähtud NSV Liidu Kesktäitevkomitee ja Rahvakomissaride Nõukogu 23. novembri 1931. a. määruses¹⁴ kõrgema või keskeriõppeasutuse lõpetanute kohta.

1931. a. määruse järgi makstakse teise paikkonda tööle määramisel kompensatsioon kõigile neile kutsekoolide lõpetanuile, kes on suunatud NSV Liidu Ehitusministeeriumide, NSV Liidu Montaaži- ja Eriehitustööde Ministeeriumi, NSV Liidu Energeetika ja Elektrifitseerimise Ministeeriumi, NSV Liidu Maaparanduse ja Vee-majanduse Ministeeriumi ning Gaasitööstuse Ministeeriumi ehitus- ja montaažiorganisatsioonidesse.

Seega siis makstakse ehitus- ja montaažiorganisatsioonidesse töölesuunatud noortele ehitajatele teise paikkonda asumisel kompensatsioonie käesoleval ajal järgnevalt:

1) kutsekooli lõpetanud ehitaja enda ja tema perekonnaliikmete sõidu- ning kraamiveokulud, kusjuures kraamiveokulud tasutakse kuni 240 kg eest töötaja enda ja 80 kg eest iga ümber asuva perekonnaliikme kohta;

2) päevaraha teel oleku aja eest $\frac{1}{3}$ suuruses uue töökoha tariifist palgamäärast lähtudes, kuid mitte vähem kui 25 kop. ja mitte rohkem kui 1 rbl.;

3) ühekordset toetust töötajale endale ja tema perekonnaliikmetele, sealjuures töötajale endale uue töökoha tariifse palgamäära

---

¹⁰ ENSV MKK, 1961, nr. 24, art. 92.

¹¹ Alalise elukohana vaadeldakse kooli asukohta.

¹² Постановление СНК СССР от 31 марта 1941 г. и распоряжение Совета Министров СССР от 24 марта 1947 г. (Государственные трудовые резервы СССР. Сборник руководящих материалов. Гострудрезервиздат, 1957, стр. 329—330).

¹³ ENSV ÜVT, 1968, nr. 17, art. 121.

¹⁴ Tööõiguslikud aktid. Tln., 1969, lk. 527.

pooles suuruses ja igale perekonnaliikmele töötaja enda toetuse ühe veerandi suuruses.

NSV Liidu KTK ja RKN-i 23. novembri 1931. aasta määruse kohaselt kannab eespool toodud kulud see organisatsioon, kuhu kutsekooli lõpetanu tööle suunatakse.

Töötamise algperioodil võidakse noortele ehitajatele kohaldada madaldatud töönorme. Madaldatud töönormide rakendamise võimalus nähti ette NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 12. jaanuari 1968. a. määrusega. Kuni selle määruse ilmumiseni ei olnud ehitusorganisatsioonidel madaldatud töönormide rakendamise võimalust kutsekooli lõpetanud ehitustöölistes osas. Madaldatud töönorme võidi küll rakendada masinaehitustööstuse ettevõtetes¹⁵, polügraafiatööstuse ettevõtetes¹⁶ ja mõningates teistes rahvamajandusharudes. 12. jaanuari 1968. a. määruse kohaselt võivad ehitus- ja montaažorganisatsioonide administratsioonid kehtestada kooskõlastatult ametiühingu vabriku-, tehase- või kohaliku komiteega kutsekooli lõpetanutele madaldatud töönormid, kuid seda ainult vastava organisatsiooni plaanilise palgafondi piires. Madaldatud töönorme võidakse kehtestada kutsekooli lõpetanud ehitajatele NSV Liidu Ministrite Nõukogu 8. veebruari 1965. a. määruses¹⁷ toodud ulatuses. Seega võidakse töönorme alandada töötamise esimese kolme kuu jooksul 40% võrra ja järgneva kolme kuu kestel 20% võrra. Järelikult võidakse rakendada noortele ehitajatele soodustusi töönormide osas nende iseseisva töötamise algperioodil 6 kuu jooksul.

Madaldatud töönormide rakendamise võimalus kutsekooli lõpetanud ehitustööliste suhtes on vajalik eelkõige sellepärast, et garanteerida noortöölisele töötasu, mis oleks ligilähedane kaadritöölisele töötasule. Kutsekoolist tulnud noortel on küll erialal head teoreetilised teadmised, kuid praktiliste tööülesannete täitmine vajab vilumust ning on otstarbekohane alustada madaldatud töönormidega. Töösukste kasvamisel võib ehitusorganisatsiooni administratsioon nõuda juba tavaliste töönormide täitmist.

Kutsekooli lõpetanud noorte töö õiguslikul reguleerimisel on keskne koht küsimusel kohustuslikust töötamisajast. Selles osas ei ole käesoleval ajal veel täit selgust, sest kutseharidussüsteemi reorganiseerimise ja linna ning maakutsekoolide loomise tulemusena jäi ebaselgeks, kas nende koolide lõpetanutele laiendatakse endiste tööjoureservide koolide lõpetanute suhtes kehtinud kohustuslikku töötamisaega või mitte. Mõningatel erialadel on kutsekooli lõpetanud noortöölise osas see küsimus veel käesoleva ajani lahendamata. Ehitajate osas aga lahendas olukorra NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 12. jaanuari 1968. a. määrus.

¹⁵ ENSV MKK, 1965, nr. 10, art. 36.

¹⁶ ENSV T, 1966, nr. 26, art. 172.

¹⁷ Tööõiguslikud aktid, lk. 619.

Selle määruse kohaselt peavad ehituserialasid õppinud kutsekooli lõpetanud noored töötama ettevõtetes ja organisatsioonides, kuhu nad tööle suunatakse, kas kaks või kolm aastat. Kaheaastane kohustuslik töötamisae on kehtestatud neile noortele ehitajatele, kes kutsekooli lõpetasid poolteiseaastase õppeajaga, kolm aastat peavad aga töötama need, kelle õppeaeg oli üle poolteise aasta. Seega siis on kohustusliku töötamisaja kestus õppeaja kestusest.

Nagu eespool öeldust selgub, peavad kõik kutsekooli lõpetanud, kes on tööle asunud suunamise korras, töötama vastavates ehitus- ja montaažorganisatsioonides kas kaks või kolm aastat. Kohustusliku töötamisaja rakendamisel kutsekooli lõpetanute osas on kaks põhilist eesmärki: esiteks rakendatakse kohustuslikku töötamisega selleks, et noortööliste kindlustada võimalus omandada eriala praktilise töö oskusi, teiseks sellepärast, et kvalifitseeritud tööliiskaadri ettevalmistamine kutsekoolides on seotud küllaltki suurte kulutustega riigile ning pärast lõpetamist nad peaksid töötama just neis organisatsioonides, kus nende töötamine on rahvamajanduse huvides kõige hädavajalikum.

Vaatamata sellele, et 12. jaanuari 1968. a. määrusega on kehtestatud kutsekooli lõpetanud ehitajate kohustuslik töötamisae, esineb praktikas väga palju juhtumeid, et kutsekooli lõpetanu ei asu tööle suunamiskirjal märgitud organisatsiooni või lahkub sealt enne kohustusliku töötamisaja möödumist.¹⁸ Sellist olukorda ei saa normaalseks pidada, kuna see kahjustab oluliselt ehitusorganisatsioonide plaanipärast varustamist noore tööliiskaadriga. Tekib küsimus, millised õiguslikud tagajärjed siis saabuvad, kui kutsekooli lõpetanu lahkub ehitusorganisatsioonist enne kohustusliku töötamisaja möödumist.

Kehtiv tööseadusandlus näeb ette, et enne kohustusliku töötamisaja möödumist võib administratsioon noortöölise vallandada ainult neil juhtudel, kui töötamine on muutunud võimatuks haiguse või invaliidsuse tõttu, kui noortööline asub õppima riikliku kutseharidussüsteemi tehnikumi või kui ta on scoritanud kuriteo, mis on otseselt seotud tema tööga.¹⁹ Käesoleval ajal ei või administratsioon kutsekooli lõpetanud noortöölise vallandada enne kohustusliku töötamisaja möödumist isegi mitte siis, kui viimane süstemaatiliselt töödistsipliini rikub või tööluusi sooritab.

Kutsekooli lõpetanud noortööliste vallandamist reguleerivad eeskirjad on mõnes osas ilmselt vananenud. Nii töödistsipliini rikumise korral kui ka noortöölise omavolilise lahkumise juhtudel ei ole mõtet teda hoida organisatsiooni nimekirjas kohustusliku tööta-

---

¹⁸ Tartu Ehitustrusti andmeil lahkub enamus kutsekooli lõpetanute eest enne kohustusliku töötamisaja möödumist.

¹⁹ Е. А. Голованова, А. Р. Трошин. Трудовые права подростков в СССР. М., 1960, стр. 35.

misaja lõpuni. Seetõttu on praktikas täiesti õigustatult hakatud kutsekooli lõpetanud noortöölisi vallandama nii tööluusi kui ka süstemaatilise töödistsipliini rikkumise pärast.

Omavalitsustel soovitakse lahkumise õigust kutsekooli lõpetanutele nende kohustusliku töötamisaja jooksul ette nähtud ei ole.

Kui noor kutsekooli lõpetanud ehitaja kohustusliku töötamisaja jooksul omavalitsuselt lahkuks või süstemaatilisel töödistsipliini rikkumise tõttu administratsioon ta ettenähtud korras vallandada ning teha vastava sissekande ka tööraamatusse.

Seejuures on vallandatud noortööline kohustatud tagastama kõik ehitusorganisatsiooni arvel saadud kompensatsioonilised summad: sõidu- ja kraamiveokulud, päevaraha ning ühekordse toetuse. Nimetatud summad on kutsekooli lõpetanu kohustatud tagastama ka siis, kui ta üldse antud ehitusorganisatsiooni tööle ei asugi.

Ehitusorganisatsioon ei maksa kutsekooli lõpetanule aga välja mitte ainult ülekõlbliku seotud kompensatsioonilisi summasid, vaid ka puhkustasu puhkuse eest, mille kutsekooli lõpetanu saab pärast kooli lõpetamist ja enne tööleasumist. Puhkustasu tagasinõudmiseks puudub aga administratsioonil seaduslik alus. Selles osas oleks kehtivat seadusandlust vaja muuta ning kehtestada säte, mis annab aluse ka puhkustasu tagasinõudmiseks, kui kutsekooli lõpetanu ilma mõjuva põhjusega lahkuks enne kohustusliku töötamisaja möödumist ehitusorganisatsioonist või ei asugi suunamise korras tööle.

Nagu eespool nägime, põhjustavad omavalitsuselt töölt lahkumine ja töödistsipliini rikkumise tõttu vallandamine noortöölisele mõningaid ebameeldivusi. Lahendamata on aga jäänud kehtiva seadusandlusega nende ettevõtete ja organisatsioonide juhatajate vastutuse küsimus, kes võtavad tööle kutsekooli lõpetanud ehitajaid ilma suunamiskirjata. Võttes tööle noore, kes korra kohaselt peaks töötama teatud aja jooksul teises ehitusorganisatsioonis, rikuvad kehtivat seadusandlust ka ehitusorganisatsioonide juhatajad. Nende suhtes oleks otstarbekohane kehtestada distsiplinaarvastutus.

Nagu eespool toodust nähtub, kaasnevad kohustuslikul töötamisajal töölt lahkumisega küllaltki ebasoodsad õiguslikud tagajärjed. Vaatamata nendele õiguslikele tagajärgedele lahkuvad omel paljud kutsekooli lõpetanud enne kohustusliku töötamisaja möödumist ehitusorganisatsioonidest, kuhu nad on pärast lõpetamist suunatud.

Ei ole põhjust arvata, et enamus ehituserialal kutsekooli lõpetanud noori ei soovi töötada ja läheb ühest ehitusorganisatsioonist teise ainult sellepärast, et suuremat töötasu saada, või lahkuks samal eesmärgil oma õpitud erialalt üldse. Sagedasti on töölt lahkumise põhjuseks elamispinna puudus, töö ebaõige organiseerimine jne. Kuid paljudel juhtudel tuleb noortöölise ehitustelt lahkumise põhjusi otsida juba kutsekoolide komplekteerimisel tehtud vigadest. Need vead on seotud puuduliku kutsevalikualase tööga.

On arusaadav, et igast noorest ei saa ehitajat isegi siis mitte, kui ta seda ise soovib. Ehitajate töötingimused on küllalt rasked, suur osa tööajast tuleb sageli välistingimustes töötada, ehitaja peab taluma kõrgusi ja külma. Mõningaid ehituseriala elukutseid võib õppida ainult noor, kes on füüsiliselt täiesti terve ja kel peale selle on suur huvi antud elukutse omandamiseks. Vastupidisel juhul võib kutsekoolist tulnud noor ehitustööline kergesti kaotada huvi oma eriala vastu juba esimesel töökohal ja esimeste raskustega kokku puutudes.

Kuni käesoleva ajani on kahjuks just ehituserialasid suunatud õppima sageli üldhariduslikus koolis halvasti edasijõudvaid õpilasi. Sealjuures ei ole asjaomased organid pööranud erilist tähelepanu noorukite eelduste väljaselgitamisele.

Kutsevalikualase tööga on senini tegelnud põhiliselt üldhariduslikud koolid koos alaealiste asjade komisjonidega. Kutsevalikualane töö on piirdunud rohkem mõningate kutsealade tutvustamisega õpilastele. Õpilaste tegelike eelduste väljaselgitamiseks aga puudusid neil organitel ka võimalused.

Ehituserialade komplekteerimist juhuslike noortega on soodustanud ka noorte vähene huvi ehitustööde vastu. Alaealiste asjade komisjonil oli põhiliseks eesmärgiks suunata ehituserialadele vajalik arv noori. Kas nad ehitajateks sobisid või mitte, selle küsimusega ei olnud komisjonil võimalik tegelda.

Käesoleval ajal on kutsekoolide komplekteerimise küsimusele, eriti aga kutsevalikualase töö tõhustamisele hakatud senisest suuremat tähelepanu pöörama.

EKP Keskkomitee, ENSV Ministrite Nõukogu ja Eesti NSV Ametiühingute Nõukogu kehtestasid 9. aprillil 1970 määruse «Noorte kutsevaliku parendamise kohta»²¹. Selles määruses juhitakse tähelepanu kutsevalikualase töö parendamise vajadusele noorte hulgas. Märgitakse, et vabariigis ei ole organiseeritud veel vajalikku kutsenõuannet.

Kutsevalikualase töö parendamise eesmärgil moodustati Eesti NSV Ministrite Nõukogu Riikliku Tööjõuressursside Kasutamise Komitee juurde Vabariiklik Ametkondadevaheline Noorte Kutsevaliku Nõukogu, kelle ülesandeks on kutsevalikualase töö koordineerimine vabariigis ja vastavate soovituste väljatöötamine.

Kutsevalikualase töö plaanipärasemaks muutmisega paraneb tulevikus kindlasti ka kutsekoolide komplekteerimine, sealhulgas ka ehituserialade komplekteerimine.

Ehitustööliste kaadrit valmistatakse käesoleval ajal ette ka tootmistöö käigus. Kaadri ettevalmistamise ja ehitajate töö- ja elukondlike tingimuste parandamise eesmärgil kohustati Eesti NSV Ministrite Nõukogu 5. juuni 1968. a. määrusega²² Eesti NSV minis-

²¹ ENSV ÜVT, 1970, nr. 17, art. 139.

²² ENSV ÜVT, 1968, nr. 25, art. 178.

teeriume ja keskasutusi moodustama aastail 1968—1970 ettevõtetes ja organisatsioonides vajalik õppetootmisbaas tööliste ettevalmistamiseks ja kvalifikatsiooni tõstmiseks tootmises. Nähti ette ettevõtetes ja organisatsioonides õppetsehhide, -jaoskondade, -töökodade, -kabinetide ja -laboratooriumide moodustamine ning töölerakendamine. Sama määрусega kohustati ministeeriume ja keskasutusi parendama tootmises toimuva tööliste ettevalmistamise ja kvalifikatsiooni tõstmise planeerimist selliselt, et nendes plaanides kajastuksid tootmise arendamise perspektiivid ja tootmise profiili muutused, uue tehnika ja tehnoloogia arendamine, tööjõu voolavusest tingitud täiendav vajadus kvalifitseeritud tööliste järele.

Uute tööliste ettevalmistamine ja kvalifikatsiooni tõstmine vahetult tootmises, sealhulgas ka ehitusorganisatsioonides, toimub käesoleval ajal NSV Liidu Ministrite Nõukogu Riikliku Töö ja Töötasu Komitee, NSV Liidu Ministrite Nõukogu Riikliku Kuusehari-duse Komitee ja Uleliidulise Ametiühingute Kesknõukogu poolt 18. oktoobril 1968. a. kinnitatud tüüppõhimääruse alusel.²³

Kaadri voolavuse vähendamise eesmärgil on hakatud tähtjalisi lepinguid sõlmima töölistega, kes saavad erialase ettevalmistuse tootmistöö käigus ehitusorganisatsiooni kaudu.

NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 12. jaanuari 1968. a. määruse kohaselt on tootmises tööliste ettevalmistamist ja kvalifikatsiooni tõstmist teostavad ehitus- ja montaažorganisaatsioonid kohustatud sõlmima tootmistöö katkestamisega õppivate isikutega lepingud, kus nähakse ette õppiija kohustus töötada selles organisatsioonis pärast õppuse lõpetamist vähemalt kaks aastat. Tingimus kahe aasta töötamise kohta võidakse sisse võtta õpilasega sõlmitavasse lepingusse järelikult neil juhtudel, kui erialase ettevalmistuse saab õpilane õppekombinaatides. Õppekombinaatides on ette nähtud õppeaeg kuus kuud, mille kestel õpilasele makstakse stipendiumi esimese kategooria tööliste tariifimäära ulatuses.

Ehitusorganisatsioonide tööjõuvajaduse tagajärjel on tekkinud Eesti NSV ehitusorganisatsioonides omapärane kaadri komplekteerimise vorm — ehitustööliste töölevõtmine tähtjaliste töölepingute alusel.

Tähtjaliste töölepingute alusel võetakse käesoleval ajal ehitustele tööle töötajaid teistest ettevõtetest ja organisatsioonidest ületoomise korras. Vastavate töötajatega sõlmitakse vormikohane kirjalik leping, milles on üksikasjalikult fikseeritud nii töötaja kui ka administratsiooni kohustused, aga samuti ka lepingu rikkumise tagajärjed.

Töölise kohustus on eelkõige töötada ehitusorganisatsioonis teatud aja jooksul (kas kaks või kolm aastat). Pärast lepingus märgi-

²³ «Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы», 1969, № 4, стр. 23.

tud tähtaja möödumist on ehitusorganisatsioon kohustatud andma tööliselise elamispinna suurusega mitte alla 6 m² iga perekonnaliikme kohta.

Töötaja on kohustatud lepingu kohaselt töötama ehitusel ausalt, hoidma sotsialistlikku omandit, suhtuma hoolikalt seadmetesse ja tema kätte usaldatud instrumentidesse, hoidma eririidetust, kinni pidama töödistsipliinist jne.

Administratsioon on kohustatud organiseerima ehitusalase väljaõppe ja looma ehitustel vajalikud töötingimused. Töötasu maksakse tähtajalise lepingu alusel tööle võetud töötajatele ehitustel kehtivate üldiste töötasustamiseskirjade kohaselt.

Ülalmärgitud lepingutesse võetakse tavaliselt ka tingimus, mille kohaselt ehitusorganisatsioon vabaneb töötajale elamispinna andmise kohustusest, kui töötaja ei täida lepinguga endale võetud kohustusi, kui ta näiteks omastab sotsialistlikku omandit, süsteematiliselt rikub töödistsipliini jne. Neil juhtudel võib administratsioon lepingu lõpetada enne tähtaja möödumist ilma elamispinna andmiseta. Elamispinna ei kindlustata töötajat ka siis, kui ta lahkub omal soovil enne tähtaja saabumist.

Ehitusorganisatsioonid hindavad ise eespool nimetatud lepingute alusel tööle võetud kaadrit võrdlemisi kõrgelt. Nende hulgas ei ole harilikult töödistsipliini rikkujaid, kuid nende töö ei ole ka eriti efektiivne, sest töötamise algperioodil nad alles õpivad eriala. Pärast ehituseriala täielikku omandamist, kui nende tööviljakus on juba küllalt kõrge, lõpeb lepingu tähtaeg ning vastavad töötajad lahkuvad ehitustöödelt ja pöörduvad tagasi oma endistele töökohadele.

Lepingute alusel ehitajate värbamine on ajutine abinõu. See ei võimalda formeerida ehitustel püsivat kaadrit. Seda vormi tuleb kasutada aga seni, kuni ehitusorganisatsioonid jõuavad nii kaugemale, et tekib juba püsiv tööliiskaader.

Ehitusorganisatsioonide kaadriga komplekteerimise ja selle püsivuse kindlustamise eesmärgil on käesoleval ajal ette nähtud ehitustööliste lisapuhkuste andmine, on iõstetud töötasu ning täiustatud premeerimissüsteeme jne.

NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 12. jaanuari 1968. a. määrusega kehtestati täiendavad lisapuhkused töölistele, kes töötavad ehitus- ja montaažitöödel, ning kõigile rahvamajandusharudele objekte ehitavates ehitus- ja montaažiorganisatsioonide abiettevõtetes. Lisapuhkuste kestus oleneb ehitusorganisatsiooni asukohast ja pidevast tööstaažist ühes ja samas organisatsioonis. NSV Liidu Põhja-Euroopa osas, Uraalis, Kaug-Idas ja Kasahstanis paiknevates ehitusorganisatsioonides on ette nähtud lisapuhkus kaks päeva iga aasta eest, mis ületab kolmeaastase pideva tööstaaži. Kuid selle lisapuhkuse üldkestus ei või ületada kuut päeva. Seega saavad näiteks Kasahstanis asuvates ehitus-

organisatsioonides töölised seitsmeaastase pideva tööstaaži korral antud organisatsioonis kuus päeva lisapuhkust.

Teistes paikkondades asuvates ehitus- ning montaažiorganisatsioonides antakse lisapuhkust alates neljandast tööaastast üks päev iga aasta eest, kuid mitte rohkem kui kolm päeva.

Vaatamata sellele, et vastavasisuline määrus kehtestati alles 12. jaanuaril 1968, arvatakse lisapuhkuse õiguse andvasse tööstaaži töötamise aeg ehitus- ja montaažiorganisatsioonides alates 1. jaanuarist 1965.

Eespool märgitud lisapuhkused liidetakse nagu teistelegi töötajatele puhkuste andmise puhul korralise puhkusega, kuid nende puhkuste liitmise kord on mõnevõrra erinev puhkuste liitmise üldisest korrast.

Kehtestatud korra kohaselt liidetakse käesoleval ajal enamik töölistele ja teenistujatele antavaid lisapuhkusi kahe teistkümnepäevasele põhipuhkusele.²⁴ Järelikult kolme päeva lisapuhkuse õiguse korral saavad töötajad kokku viieteist päeva puhkust.

Ehitus- ja montaažiorganisatsioonide töölistele antav lisapuhkus aga liidetakse viieteistpäevasele põhipuhkusele. Seega saavad ehitustöölised olenevalt ehitusorganisatsiooni asukohast neljanda tööaasta eest puhkust koos lisapuhkusega vastavalt kas 16 või 17 päeva, kusjuures iga järgneva tööaasta eest samas organisatsioonis see puhkus pikeneb veelgi, kuid mitte üle 18 või 21 päeva.

Seoses lisapuhkuste andmisega ehitus- ja montaažitöödel töötavatele töölistele, aga samuti ka teistele rahvamajandusharudele objekte ehitavate ehitus- ja montaažiorganisatsioonide abiettevõtete töölistele tekib küsimus, kas õigus vastavale lisapuhkusele säilib ka neil töölistel, kes lahkuvad ühest ehitusorganisatsioonist ja lähivad tööle teise organisatsiooni, kus samuti on ette nähtud lisapuhkus.

Kehtiv seadusandlus sellele küsimusele otsest vastust ei anna. Lähtudes aga NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 12. jaanuari 1968. a. määruse mõttest — kehtestada soodustusi püsivale tööliskaadrile — võib arvata, et lisapuhkus pideva töötamise eest on ette nähtud ikkagi ainult neile ehitus- ja montaažitöödel töötavatele töölistele, kes on töötanud pidevalt ühes ja samas organisatsioonis.

Ülemineku korral ühest organisatsioonist teise võiks eelmises organisatsioonis töötatud aeg arvesse tulla ainult sel juhul, kui töötaja on üle viidud administratsioonidevahelisel kokkuleppel või kõrgemalseisva organi korralduse alusel.

Omavalitsustel lahkumise korral tuleb aga lisapuhkuse õigust andev tööstaaž lugeda katkenuks ning õigus lisapuhkusele tekib alles pärast kolm aastat töötamist uuel töökohal.

²⁴ Tööõiguslikud aktid. Tln., 1969, lk. 352.

Lisapuhkus pideva töötamise eest oli aga mõningates ehitusorganisatsioonides kehtestatud juba varem, enne NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 12. jaanuari 1968. a. määruse kehtestamist. Vastavalt NSV Liidu KTK ja RKN-i 15. novembri 1930. a. määrusele²⁵ on õigus kolmepäevasele lisapuhkusele ehitustöölistel, kes töötavad suurehitustel. Kolmepäevane lisapuhkus antakse suurehitustel pärast kaheaastast pidevat töötamist.

Kuivõrd käesoleval ajal kehtivad mõlemad määrused, nii 15. novembri 1930. a. kui ka 12. jaanuari 1968. a. määrus, siis vajab lahendust küsimus, kas suurehitustel töötavatel töölistel on õigus saada lisapuhkust mõlema määruse alusel. Mõlema määruse alusel lisapuhkuse andmist siiski ette ei ole nähtud, sest vastavalt NLKP Keskkomitee ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu 12. jaanuari 1968. a. määrusele antakse lisapuhkust NSV Liidu KTK ja RKN-i 15. novembri 1930. a. määruse alusel senikaua, kuni töölised omandavad tööstaaži 1968. a. kehtestatud lisapuhkuse saamiseks²⁶

Erikord lisapuhkuste andmise osas on ette nähtud veel neis ehitus- ja montaažiorganisatsioonides, mis tegelevad musta metallurgia ettevõtete ja organisatsioonide ehitamisega. Lisapuhkusi neis ehitus- ja montaažiorganisatsioonides antakse töötajatele juhul, kui musta metallurgia ettevõtete ja organisatsioonide ehitusmoodustab antud ehitusorganisatsiooni aastaplaanist vähemalt 50%.

Nimetatud ehitus- ja montaažiorganisatsioonides töötavatele töölitele ja teenistujatele on alates 20. juulist 1967. a. ette nähtud täiendavad lisapuhkused²⁷. Ka neid lisapuhkusi antakse lähtudes pidevast tööstaažist ja organisatsiooni asukohast.

Ida- ja Kesk-Euroopa osas paiknevates ehitus- ja montaažiorganisatsioonides on töölistel ja teenistujatel õigus saada lisapuhkust alates kolmanda tööaasta eest kolm päeva ja iga järgneva tööaasta eest üks päev. Kui aga pidev tööstaaž antud organisatsioonis ületab viis aastat, siis on ette nähtud lisapuhkus kestusega 6 päeva.

Põhja-Euroopas, Uraalis, Siberis, Kaug-Idas, Kasahstanis ja Usbekistanis asuvates ehitus- ja montaažiorganisatsioonides, kes tegelevad musta metallurgia ettevõtete ehitamisega, antakse aga töölitele ja teenistujatele lisapuhkust pideva tööstaaži korral üle kahe aasta kolm päeva, iga järgneva aasta eest kaks päeva ning pideva tööstaaži korral üle viie aasta on õigus saada lisapuhkust üheksa tööpäeva ulatuses. Seega siis võivad musta metallurgia ettevõtete ja organisatsioonide ehitamisega tegelevate ehitus- ja montaažiorganisatsioonide töölised ja teenistujad saada lisapuhkust

---

²⁵ Tööõiguslikud aktid, lk. 351.

²⁶ NSV Liidu Ministrite Nõukogu Riikliku Töö ja Töötasu Komitee ja Üleliidulise Ametiühingute Kesknõukogu Presiidiumi 1. novembri 1967. a. seletus. — Tööõiguslikud aktid, lk. 352.

²⁷ «Социалистический труд», 1969, № 12. стр. 146.

pideva tööstaaži eest olenevalt organisatsiooni asukohast vastavalt kuni kuus või üheksa päeva.

Kui üldreeglina lisapuhkus pikaajalise töötamise eest nii ehituses kui ka teistes rahvamajandusharudes on ette nähtud ainult töölistele, siis viimati kirjeldatud lisapuhkuse andmise korra omapäraks on asjaolu, et seda lisapuhkust antakse nii töölistele kui ka teenistujatele.

Musta metallurgia ettevõtete ehitusega tegelevate ehitus- ja montaažiorganisatsioonide töölistele ja teenistujatele antav lisapuhkus pideva töötamise eest liidetakse kehtiva korra kohaselt kaheteistkümnepäevasele põhipuhkusele.

Nagu eeltoodust nähtub, on juba ainuüksi ehitusorganisatsioonides antavate lisapuhkuste liitmise kord väga keeruline. Ühe seadusandliku akti alusel kehtestatud lisapuhkus liidetakse kaheteistkümnepäevasele põhipuhkusele, teise seadusandliku akti alusel kehtestatud lisapuhkus jälle viieteistkümnepäevasele põhipuhkusele. Selline lisapuhkuste liitmise kord ei ole sisuliselt õigustatud ja vajab tulevikus ühtlustamist.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАДРАМИ

И. Орго

Резюме

Развитие народного хозяйства, всех его отраслей тесно связано со строительством. Если строительные организации не выполняют своих заданий, то это влияет на работу предприятий и организаций всех других отраслей народного хозяйства. В связи с этим наша Партия и правительство уделяют большое внимание дальнейшему развитию строительства, повышению производительности труда и обеспечению строительства квалифицированными рабочими кадрами.

Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых более актуальных правовых вопросов, связанных с обеспечением строительных организаций рабочими кадрами.

В статье освещаются правовые вопросы подготовки рабочих кадров и правовое положение молодых рабочих кадров в строительных организациях.

Особое внимание уделено правовому положению молодых строителей, окончивших профессионально-технические училища. Автор анализирует правовой порядок направления на работу молодых строителей, выплаты им компенсации, предоставления отпуска, применения сроков отработки, увольнения их во время сроков отработки и т. д.

В результате анализа правового положения молодых строителей, окончивших профессионально-технические училища, в статье выдвигаются некоторые предложения, направленные на изменение и совершенствование действующего трудового законодательства.

Далее в статье рассматриваются вопросы, связанные с правовым положением строителей, получивших профессиональную подготовку на производстве. Освещаются правовые вопросы, связанные с заключением срочных трудовых договоров, с предоставлением дополнительных отпусков строителям и другие подобные правовые вопросы.

По мнению автора, правовое положение строительных рабочих требует дальнейшего правового регулирования.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ЭСТОНИИ В XIX В.

Доцент, канд. юрид. наук Ю. Егоров

Кафедра истории государства и права

Прибалтийско-немецкая правовая и историческая литература всегда уделяла большое внимание местному гражданскому праву.¹ Это и понятно, ибо в местном гражданском праве были зафиксированы существенные привилегии местных дворян, возникшие еще в предыдущих столетиях.

В период владычества польских и шведских феодалов (XVI—XVII вв.) гражданское право Прибалтики было крайне многообразным. Помимо ранее действующего права Ливонии применялись польские, шведские законы, издавались новые постановления местных ландтагов и т. п. Стремление шведского правительства ввести шведское право в Лифляндии и Эстляндии было отражено в целом ряде королевских постановлений, признающих за шведским законодательством характер субсидиарного источника права (например, королевская грамота 12 июля 1707 г. на имя лифляндского гофгерихта, 27 марта 1688 на имя эстляндского оберландгерихта).² Несмотря на это, по-прежнему развивалось местное право (примером может служить решение лифляндского гофгерихта об установлении наследственной доли дочерей при сыновьях, постановление Таллинского магистрата об опеках 1690 г.).

Остзейское дворянство упорно противилось преобразованиям

---

¹ См. Л. Кассо. Обзор остзейского гражданского права. Юрьев, 1896. Eesti NSV ajalugu. II. Tallinn, 1963, lk. 7—12, 282—285, 664—674. Eesti NSV ajaloo lugemik. II. Tallinn, 1964, lk. 55, 75, 105 jt.

² Шведские короли издавали законы специально для Эстляндии и Лифляндии. См. A. Stiernman. Kongl. Stadgar, Förordningar, Privilegier och Resolutioner, Angående Justitien och Hushållningen wid Bergwerken och Bruken. Med hwand som ther til hörer både inom och utom Bergslagerne uti Sweriges Rike, och Ther under lydande Provincer. Stockholm, 1736. Rootsiaegsed sea-dused ja plakatid 1622—1696 (Таллинский городской архив). Л. Леесмент Об особенностях применения шведского права в Прибалтике в XVI—XVIII вв. — Проблемы истории государства и права Эстонской ССР (Материалы республиканской научной конференции 19—20 ноября 1968). Тарту, 1968, стр. 3.

местного права, боясь, что этим будет подорвана их власть.³ «Освобождение» крестьян (Эстляндии в 1816 г., Лифляндии в 1819 г.) без земли хотя и расшатало устой крепостного общества, однако юридическое упразднение личной зависимости не уничтожило крепостнических отношений в деревне.⁴ Помещики получили полную свободу действий над крестьянской землей. Отказавшись от вакенбуха (Wackenbuch — книга, в которую записывались повинности крестьянина данного имения и способы их отбывания), помещики стали заключать с хозяевами краткосрочные (1—3 года) «свободные» договоры. Но это ставило крестьян еще в большую зависимость от помещиков, чем раньше. Отсутствие у крестьянина права на землю и права свободного выбора занятий (крестьянин без разрешения помещика и волостного общества не мог покинуть местожительство) было использовано помещиками. Кроме того, помещик переложил из своих рук на волостное правление взимание государственных податей, выполнение общественных повинностей, рекрутский набор, содержание зерновых магазинов. В Эстонии издавна образовался ряд правоотношений, имеющих своим предметом определенного рода повинности, сборы, обязанным субъектом которых являлся владелец определенной недвижимости. Все земские повинности (денежные и натуральные) взимались в основном с податной земли (крестьянская земля и незначительная часть мызной, т. е. помещичьей). В силу этой привилегии дворянство использовало платежные способности мызной (неподатной) земли на удовлетворение тех потребностей, которые были необходимы для поддержания власти в губернии. При содействии местных немецких юристов возникло особое «местное право», по которому на податных крестьянских землях лежало выполнение всех без исключения земских сборов, от которых мызные земли были совершенно свободны. Дворянство являлось юридически владельцем большинства земель Прибалтийских губерний, однако закон, предоставляя местному дворянству, как собственнику земли, право делать раскладку земских повинностей по имениям, ни словом не упоминал о том, кто же определяет объем этих повинностей. Царское правительство в XIX и XX столетии не раз пыталось себе уяснить эти раскладки и требовало отчетов в расходовании получаемых сумм, но все эти попытки не увенчались успехом.

Немецкое дворянство всемерно охраняло свои имения от раздела, измельчания, разорения и перехода в руки других сосло-

---

³ См. Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1948, стр. 48 и сл.; В. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967, гл. I, § 3.

⁴ Положение об эстляндских крестьянах ПСЗ т. XXXIII, № 26277; положение о лифляндских крестьянах, № 26278.

вий.⁵ На это была направлена и законодательная деятельность местных немецких юристов.⁶ Ф. Бунге и другие юристы, прикрываясь либерализмом, выступали в защиту средневековых прав и привилегий немецкого меньшинства в прибалтийских губерниях.⁷ Объединившись в Общество для изучения истории остзейских провинций России, прибалтийские немецкие историки и юристы провели в 30—40-х гг. XIX века соответствующую работу по извлечению из архивов и т. д. жалованных грамот и других актов, которые должны были подтвердить «привилегии» местного дворянства.⁸ Таким образом, деятельность Общества была направлена как на сохранение привилегий местного дворянства, так и на составление Свода местных узаконений губерний прибалтийских. Необходимость пересмотра и согласования местных прав, столь многосложных по содержанию своему и разнообразных по своим основаниям и источникам, была признана еще Петром I. В царствование императора Петра I указом от 12 сентября 1728 года повелено было составить собрание местных узаконений. С этого времени начинается существование целого ряда комиссий, продолжавших свое существование в течение целого столетия.⁹ Таким образом, для составления Свода местных узаконений губерний прибалтийских были образованы следующие комиссии: первая — в 1728 году; вторая — в 1767 году; третья — в 1803 году; четвертая — в 1819 году.¹⁰ Комиссия для составления законов (образована указом Павла I сенату от 30 декабря 1796 г.) была 21 октября 1803 года передана в ведение министра юстиции. 28 февраля 1804 последовал указ об упразднении комиссии и образовании новой комиссии составления законов.¹¹ Образованная указом Александра I от 28 февраля 1804 г. комиссия по составлению законов должна была составить свод существующих законов и подготовить кодекс новых законов.

---

⁵ С. Удачин. Земельная реформа в Советской Латвии. Рига, 1948, стр. 27. Т. Друдин. О ликвидации помещичьего землевладения в Латвии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Известия АН Латвийской ССР. 1953, № 11 (76), стр. 22.

⁶ См. Я. З у т с. Очерки по историографии Латвии, т. I. Рига, 1949, стр. 126—132.

⁷ См. "Bunge, Friedrich." — Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. 1. Tallinn, 1968, lk. 403.

⁸ См. Коллекция материалов Рижского общества по изучению древностей. Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР. Фонд 7363, оп. 1, ед. хр. 205—207, 289—294 и др.

⁹ См. Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде, ф. 1408, оп. 4, ед. хр. 14913, л. 5 и сл. (В дальн. — ЦГИАЛ).

¹⁰ См. Обзорные исторические сведения, послуживших к составлению свода местных законов остзейских губерний. ЦГИАЛ, библиотека № Р-14. Сборник материалов и статей по истории прибалтийского края, том IV. Рига, 1882, стр. 434 и сл. ЦГИАЛ, ф. 1251, оп. 1, ед. хр. 146 (I).

¹¹ См. ЦГИАЛ, ф. 1256. Инвентарная опись № 1 (1796—1804 гг.) Ленинград, 1961.

Эта комиссия находилась в ведении министра юстиции. В 1809 г. было образовано специальное отделение Свода законов остзейских губерний.¹² Общий Свод законов послужил основанием и руководством для управления всеми теми частями губернского устройства, которые в прибалтийском крае устанавливались на началах общедействующих в империи постановлений.¹³ С преобразованием комиссии составления законов в «Отдельную Собственной Его Императорского Величества Канцелярию» труды по составлению Свода местных остзейских узаконений приняли другое направление. По повелению императора были образованы местные и правительственные комиссии для подробного и окончательного просмотра всех собранных документов и сведений и для редакции Свода. В 1830 и 1831 гг. была окончена первая редакция двух частей Свода. Труд этот был передан на пересмотр местным комитетам в каждой прибалтийской губернии. Представленные этими комитетами замечания послужили основанием ко второй редакции Свода местных узаконений особой комиссией, составленной из чиновников Второго отделения «Собственной Его Императорского Величества Канцелярии». Вторая редакция была окончена в 1836 году. Для большей уверенности в правильности труда все статьи Свода были подвергнуты новому пересмотру посредством «высочайше утвержденной» в С. Петербурге общей для всех трех остзейских губерний ревизионной комиссии из депутатов различных сословий, под председательством статсекретаря Балучьянского. В 1840 году возникла необходимость установить проверку местного свода в отношении связи местного законодательства с общим, для чего по повелению императора при Втором отделении был учрежден особый комитет из сенаторов, оберпрокуроров и других лиц. На основании пересмотра и замечаний третьей ревизии проекта приступили к последней редакции Свода местных узаконений, которая была окончательно пересмотрена комиссией из среды членов Государственного Совета и на общем собрании Совета. В то же время Второе отделение занималось собиранием всех исторических документов, на которых основывались разные права и привилегии местных сословий и учреждений, и составлением исторического Свода остзейского законодательства. Вышеизложенные многосложные труды Второго отделения императорской канцелярии по части местного законодательства в конечном счете были закончены.¹⁴

¹² См. А. Э. Нольде. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. II Кодификация местного права прибалтийских губерний. СПб., 1914. ЦГИАЛ, ф. 1260. Инвентарная опись № 1 (1804—1826 гг.) Ленинград, 1961, стр. 2 и др.

¹³ См. ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 4, ед. хр. 14913. л. 4.

¹⁴ См. ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 4, ед. хр. 14913, лл. 6—8. Об отдельных вопросах, возникших при составлении первых двух томов Свода узаконений остзейских губерний. См. материалы Особой комиссии (1845 г.) ЦГИАЛ, ф. 1186.

Для предварительного рассмотрения Государственным Советом внесенного II отделением представления Свода узаконений остзейских губерний были учреждена 24 апреля 1845 г. при Государственном Совете комиссия, которая заседала пять раз (11. V., 20. V., 22. V., 5. VI 1845 г.).¹⁵ Для устранения недостатков Свода 5 пункт императорского именного указа от 1 июля 1845 г. разрешал входить по установленному порядку с представлениями о пояснении и дополнении статей Свода местных узаконений.¹⁶ В 1845 г. были изданы две части Свода местных узаконений прибалтийских губерний под заглавием «Свод местных узаконений губерний остзейских».¹⁷

Первые две части Свода местных узаконений губерний остзейских были посвящены государственному и административному праву Прибалтики (организация местного управления и сословное самоуправление). Первая часть Свода, состоящая из введения и шести книг, излагала законы о правительственных учреждениях в городе и в деревне, о судебных учреждениях и частично о церковных учреждениях. Вторая часть Свода, состоящая из введения и трех книг, излагала права и привилегии сословий (дворян, горожан, духовенства, но о крестьянах — сельских обывателях — ничего не говорилось). К этим двум частям были в дальнейшем изданы дополнения. Комиссия для рассмотрения Свода местных узаконений остзейских губерний продолжила свою работу в области гражданского права (составление Свода законов гражданских прибалтийских губерний).¹⁸

оп. XVI т. I, ед. хр. I, лл. 1—57; ед. хр. II, лл. 1—102. Проект неуставленного автора об основах эстляндского провинциального права, доставленный в комиссию составления законов [в 1816—1820 гг. (?)] ЦГИАЛ, ф. 1260, оп. I, ед. хр. 443—444.

¹⁵ См. Опись дел архива Государственного Совета. Том шестнадцатый. Дела Государственного Совета и Государственной Канцелярии с 1807 года по 1910 год. СПб., 1912, стр. 133—134.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 4, ед. хр. 14913, л. 8.

¹⁷ Свод местных узаконений губерний остзейских. Часть первая. Учреждения. 1845. СПб., Часть вторая. Законы о состояниях. СПб., 1845.

¹⁸ См. Высочайше утвержденная Комиссия для рассмотрения внесенных II Отделением записок по вопросам, возникшим при составлении Свода законов гражданских прибалтийских губерний 1862 г. — Опись для архива Государственного Совета, том шестнадцатый. Дела Государственного Совета и Государственной канцелярии с 1907 года по 1910 год. СПб., 1912, стр. 137—138. П. А. Валуев. Курляндский гражданский губернатор (1853—58). Председатель комиссии для пересмотра торговых постановлений в остзейских губерниях. ЦГИАЛ, ф. 908, инв. опись I, Л., 1962. Комиссия Свода гражданских законов остзейских губерний 1862 г. (состав и о деятельности) ЦГИАЛ, ф. 1189, оп. I, ед. хр. 16. См. также оп. XVI, I, ед. хр. 15 лл. 1—58. М. Я. Пергамент. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов. СПб., 1907. А. Е. Нольде. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. II. Кодификация местного права прибалтийских губерний. СПб., 1914.

В 1864 г. была издана и с 1 июля 1865 г. вступила в силу третья часть Свода местных узаконений остзейских губерний, которая содержала законы гражданские.¹⁹

Третья часть Свода воспроизвела действующее в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии гражданское право. В дальнейшем было издано несколько изданий, в том числе «Продолжение 1890 года» и «Продолжение 1912 г.» Свода гражданских узаконений губерний прибалтийских с соответствующими включениями к изданию Свода 1864 года.²⁰

Таким образом, в XIX столетии источниками действующего гражданского права в Прибалтике были:

I Законы, которые содержались в:

- а) третьей части Свода местных узаконений Остзейских (Прибалтийских) губерний;
- б) крестьянских положениях;
- в) законы империи, по вопросам, не предусмотренным третьей частью Свода.

II Обычаи.

В местном гражданском праве различалось применение норм права:

- 1) по отношению к лицам, вещам;
- 2) по отношению к месту.

Что касается применения норм права в отношении лиц, то здесь сфера различия норм особенно богата (привилегии церкви, дворянства, особое положение крестьян и т. д.).

Помимо прав дворянства, духовенства, горожан и крестьянства следует еще учитывать ограничения в отношении евреев; права в зависимости от пола (ограничения прав женщин). В применении норм исходили из:

- 1) общих норм (*ius generale*) для всех прибалтийских губерний;
- 2) норм, касающихся лишь отдельных местностей (*ius particulare*).

Иногда в применении нормы права исходили одновременно в зависимости от места и от звания лица.

«Особенными» нормами являлись:

- 1) Лифляндское земское право;
- 2) Эстляндское земское право;
- 3) Курляндское земское право;
- 4) Пильтенское земское право;

¹⁹ Свод местных узаконений губерний остзейских. Часть третья. Законы гражданские. СПб., 1864.

²⁰ Так до 1893 г. именовался «Свод гражданских узаконений губерний Остзейских».

- 5) Лифляндское городское право;
- 6) Эстляндское городское право;
- 7) Курляндское городское право;
- 8) Нарвское городское право;
- 9) Гражданское право крестьян трех прибалтийских губерний регулировалось в соответствующих Положениях о крестьянах.

Таким образом, характерной чертой как действующего в прибалтийских губерниях гражданского права, в том числе и Свода местных узаконений, было то, что различные лица не только пользовались различными правами, в зависимости от принадлежности их к тому или иному сословию, но даже к лицам одного звания применялись различные законы, в зависимости от местности. Так, например, житель города Таллина, если он проживал в Нижнем городе, пользовался городским правом, если же проживал в Вышгороде — эстляндским земским правом. Для сохранения местных сословных привилегий и воспрепятствования распространению действующего в России права в качестве источника в значительной степени было использовано измененное римское право и другие источники местного права. Измененное римское право своим авторитетом должно было юридически закрепить привилегии местных, главным образом, немецких помещиков. Третья часть Свода состояла из вводной части («Введение»), где давались предписания для применения местного и «иноземного» частного права. Далее следовали четыре книги, которые подразделялись на разделы, главы и отделы. В первой книге излагались права и обязанности семейные, во второй — право вещное, в третьей — право наследования, в четвертой — право требований (обязательственное право).²¹ К своду был приложен указатель источников и предметный указатель.

Свод состоял из 4600 статей. Казуистичность статей является характерной чертой третьего тома «Свода местных узаконений губерний Прибалтийских».

Дробность и партикуляризм норм местного права не был устранен. Применение свода местных узаконений усложняло еще и то, что постановления о частном праве, в том числе и договоры крестьян, регулировались отдельно — посредством крестьянских законов (Положений об эстляндских крестьянах 1816, лифляндских — 1819 г., Учреждение о курляндских крестьянах 1817 г., позже замененное Положением о крестьянах Эстляндской губернии 1856 и о лифляндских крестьянах 1860). Неясным остается и вопрос о взаимоотношении местного права к общему.

Местные дворяне всячески пытались приобщить издание трех частей Свода к сохранению своих привилегий.

²¹ О системе третьей части см. E. Ilus. Piiratud asjaõigused omale asjale. — Acta et commentationes universitatis Tartuensis (Dorpatensis). В. Humaniora. XLIV. Tartu, 1939, lk. 118 jt.

Различие сословий обуславливало различие в правах. Кроме того, лица мужского пола пользовались преимуществами перед женщинами (например, в наследственном праве, относительно вотчин).

Вещное право

Вещное право Свода заимствовано из римского права и особенно сильно отражает интересы местного немецкого дворянства.

Деление вещей на движимые и недвижимые; различные нормы для тех и других видов. Особое значение имеют земельные (сельскохозяйственные) участки т. н. вотчины, для них подробные нормы. Особые виды имений (казенные, земские, дворянские). Имена родовые и наследственные. Здесь особенно сильно сохранились феодальные пережитки. Однако иногда имеет место и отход от принципов римского права: например, если римское право дает каждому право на дичь, рыбу, то местное (вещное) право дает это право только землевладельцу (в пределах его землевладения).²² Мызная земля предоставила владельцу т. н. реальные права, т. е. право участия в ландтагах и других местных собраниях. К реальным правам относилась также полицейская власть помещика; право на охотничьи угодья, в том числе и на землях, проданных крестьянам; производство и торговля спиртными напитками; права на владение мельницами и организацию ярмарок.²³

Таким образом, некоторые т. н. реальные права предоставили местному дворянству помимо сословных прав (зафиксированных в первых двух частях Свода) еще и права политические.²⁴

Собственность

Большое внимание Свод уделяет понятию о защите собственности, причем сюда причисляют и различные виды собственности.

Существенную особенность придают Своду различные виды недвижимого имущества (постановления о земских имениях), неизвестные римскому праву. Особо был выделен собственник

²² Вопрос об ограничении права охоты, особенно крестьян, вызвал ряд судебных процессов. См. А. Невзоров. Краткое изложение курса местного права Прибалтийских губерний, ч. I. Юрьев, 1904, стр. 63—64. Jahiõigus talumaadel. — «Seadus ja Kohus», 1910, nr. 4, lk. 60—62. Liivimaa talupoegade jahioõiguse asjus. — «Seadus ja Kohus», 1909, nr. 1, lk. 19—22. Jahipidamise õigusest. — «Seadus ja Kohus», 1909, nr. 5—6, lk. 77. 1908. a. kohtuotsus omavõlilise jahipidamise kohta. — «Seadus ja Kohus», 1909, nr. 1, lk. 13. Jahioõiguse kohta Tallinna kubermangu talumaa peal. — «Seadus ja Kohus», 1909, nr. 7—8, lk. 112. Liivimaa kuberner ringkiri jahioõiguse asjus talumaadel. — «Seadus ja Kohus», 1911, nr. 3—4, lk. 54—55.

²³ См. Свод местных узаконений губерний Прибалтийских, ч. III, ст. 552, 883.

²⁴ См. Ю. Егоров. Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции. Тарту, 1966, стр. 45, 55.

дворянской вотчины и его особые права в области сделок по приобретению земельных участков, в области винокурения, продажи вина, содержания корчем (в пределах владельческих имений), охоты и т. п. Собственник дворянской вотчины имел определенные права в ландтаге.

Некоторые ограничения прав собственника вотчины были предусмотрены в пользовании, например, общественными реками (в интересах судоходства и сплава). По общему правилу (статья 1011 Свода местных указаний, ч. III) море, Чудское и Псковское озера не составляли ничьей частной собственности и представлялись каждому в свободное пользование. Несмотря на это, помещик пользовался исключительным правом рыбной ловли на протяжении трех верст от берега. И хотя дальше этой черты каждый мог свободно и беспрепятственно ловить рыбу, однако право сдачи прибрежного участка земли зависело от помещика. Собственник имения, находящегося у морских берегов Эстляндии, не обязан был оставлять свободным бечевник, и мог пользоваться всем побережьем неограниченно и исключительно (ст. 1029), от помещика, например, зависело допускать или нет перевозку шхун через принадлежащую ему прибрежную полосу.

Статья 1032 части III Свода местных указаний содержит права имений, прилегающих к морю, в отношении рыболовства, однако термин «имение» законом не был точно определен: этот «пробел» закона помещики пытались «восполнить» тем, что произвольно расширяли свои права.

В XIX—XX вв. неоднократно пытались ограничить права помещиков в области т. н. берегового права.²⁵ Вопрос о т. н. береговом праве уходит в далекое прошлое²⁶ и находит неоднократное отражение в местном праве.²⁷

Помещики, не довольствуясь привилегиями, зафиксированными в своде, устанавливали себе еще новые: например, при продаже крестьянских участков они включали во многих случаях в купчие контракты условие, запрещающее устройство на проданном участке торговых или промышленных предприятий, ибо условие договора зависело от воли помещика, на стороне которого находилась экономическая сила.²⁸

²⁵ См. Rannaõiguse asjus on Eesti talurahva saadikute poolt seaduse eelnoü koostatud (BES, III k. § 1028 kohta). «Seadus ja Kohus», 1910, nr. 11—12, lk. 161—163.

²⁶ См. S. Vahtrre. Põllumajandus ja agraarsuhted Eestis XIII—XIV sajandil. Tartu, 1966, lk. 44.

²⁷ C. Russwurm. Ueber des Strandrecht in den Ostseeprovinzen. Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichten Liv-, Ehst- und Kurlands X. Riga, 1861, S. 17—22. A. Cederberg, H. Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des XVIII Jahrhunderts. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. B. XVII. Tartu, 1930. Beilage 1. S. 5—6. Manaseina revizija. Riga, 1949 стр. 227.

²⁸ См. Mis õigus on Eestimaa mõisaomanikul vallarendimaa kohta? — «Seadus ja Kohus», 1909, nr. 7—8, lk. 89—93.

Собственность владельцев крестьянских участков ограничивалась еще постановлением крестьянского положения (например, помещик имел право во всех сданных в аренду или проданных участках поместья произвести экспроприацию земель (за вознаграждение) в целях проведения дорог, рвов, каналов и т. п., для спуска воды или для искусственного орошения, или для устройства сухопутных или водных сообщений (ст. 42, 43, 44 Положения о крестьянах Лифляндской губернии 1860 г.) Ограничение прав предусмотрено и в интересах сохранения целостности наследственного имущества (родовые имения).

Кроме права собственности, особо богата область вещных прав на чужое имущество:

а) сервитутное право (заимствовано из римского права и частично обычного права),²⁹

б) т. н. право оброчного содержания, т. е. особое вещное право на строение (дома); право это бессрочное;

в) наследственная аренда — объектом являлись сельскохозяйственные земельные участки.

г) залоговое право.

Особенно развито в Своде залоговое право, где много видов. Главное внимание уделено залому недвижимостей, т. е. имений и домовладений. В центре сложная система, т. н. ипотеки недвижимостей. Третья часть Свода знает еще древнегерманскую форму залога — заставное владение; здесь, в отличие от обыкновенного залога недвижимостей, владение имением передается залогодержателю.

Право требований

В обязательном праве больше всего взято норм непосредственно из римского права и частично использовано местное право.³⁰ Оно имеет две части: 1) общая; 2) особенная. Третья часть Свода, не имея в начале обычной для гражданских кодексов общей части, содержит многие общие нормы в общей части обязательного права (например, учение о сделках). В вопросе в взимании процентов закон исходил из принципа, что нельзя взимать свыше указанного размера (в Лифляндии 5% годовых, в Эстляндии 6%). В дальнейшем (1882 г.) в Эстонии был распространен общеимперский закон 6 марта 1879 с его дальнейшими изменениями.

²⁹ К. Абрамович. О крестьянских сервитутах в губерниях Западных, Прибалтийских и царства Польского. СПб., 1895, стр. 21, 29—85.

³⁰ Л. Кассо. Обзор Остзейского гражданского права. Юрьев, 1896, стр. 104 и сл. А. Нольде. Происхождение части текста действующего Свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских. Таблица заимствований текста статей из литературы римского права и иностранных кодексов. СПб., 1912.

Договор мог быть заключен в любой форме в зависимости от усмотрения заинтересованных.³¹ До судебной реформы 1889 г. некоторые договоры должны были совершаться в суде или при участии его.

Дарение было ограничено (в отношении наследственных имений).

Договор о пожизненной ренте (получение ренты) находился в зависимости от благосостояния «продавца ренты». Однако более распространенными стали процентные бумаги, в особенности ипотечные облигации.

Договоры об отдаче крестьянской земли в аренду должны были оформляться письменно, а долгосрочные (более 6 лет) подлежали утверждению комиссаров по крестьянским делам.

В Прибалтийском гражданском праве особое внимание следует уделить арендным отношениям.

Специальные обязанности предусмотрены были при аренде вотчин. Договор аренды прекращался при одностороннем отказе (при наличии указанных в законе причин, например, неуплата нанимателем в срок арендных денег, даче приюта распутным и бесчестным людям).

При рассмотрении вопроса о переходе крестьянской земли в собственность крестьян невольно возникает сравнение этого процесса с выкупом земли в центральных губерниях Российской империи. В последних крестьяне освобождались от крепостной зависимости одновременно с обязательным наделом их той землей, которая обеспечивала им средства существования; в Прибалтике же крестьяне освобождены были ранее, но без земли. В центральных губерниях выкупной платеж был соразмерен со средствами выкупающих, в Эстонии же действовали «вольные соглашения», дающие землевладельцу возможность повышать цену земли по личному усмотрению. Если в центральных губерниях выкупная операция наделяла землей именно того, кто уже сидел на этом участке и на нем работал, то в Эстонии обязательного выкупа частных земель не существовало. Таким образом, землевладелец имел право вовсе не продавать своей крестьянской земли, а отдавать ее только в аренду и таким образом сохранять зависимость положение крестьянина. Крестьянин, пользующийся

---

³¹ A. Traat. Ankeet talumaade raharendi leviku kohta Liivimaal 1847. aastal. — Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. VI köide. Ühiskonnateaduste seeria. 1957, nr. 2, lk. 192—204. В. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига, 1967, стр. 37. К. Ландер. Прибалтийский край в первой половине XIX века. — История России в XIX веке, том 2, изд. А. Гранат, стр. 343—344, 347—349. Крестьяне ставили себя в невыгодное положение, уклоняясь от заключения формальных арендных контрактов, без которых они не пользовались предусмотренным в законе правом на вознаграждение в случае удаления с арендуемого участка. См. ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 100, л. 12.

участком, не мог требовать, чтобы этот участок был продан именно ему.

Большое количество крестьянских усадеб состояло в аренде без требуемых законом контрактов. Судьба этих безконтрактных арендаторов была печальной, ибо существование их ничем прочно не было обеспечено.³² По настроению владельца их в любой момент могли лишить оседлости. Они не пользовались предусмотренным в законе правом на вознаграждение в случае удаления с арендуемого участка.

С распространением на Прибалтийские губернии крестьянского поземельного банка положение крестьян-арендаторов немного улучшилось.

Что же касается комиссаров по крестьянским делам (учреждены в 1889 г. для надзора за применением законов о поземельном устройстве крестьян и деятельностью волостных правлений), то они не имели права входить в рассмотрение выгоды или невыгоды арендного или купчего контракта для крестьян, но обязаны были соблюдать лишь установленные в законе формальности.³³

В отчете за 1912 года эстляндский губернатор указал на то, что при продаже и сдаче в аренду помещиками помещичьих участков неоднократно возникали и возникают неразрешенные споры между крестьянами и помещиками о юридическом свойстве участков.³⁴ Курляндский губернатор также указывал на сложность и шаткость признаков крестьянских арендных участков.³⁵

Определенный интерес вызывает также договор поклажи и договор личного найма и найма домашней прислуги. Сущность и предмет договора поклажи определен в ст. 3777 местного закона Прибалтийских губерний. Статья 3778 говорит о том, что договор поклажи, являясь договором строго реальным, считается заключенным лишь с момента фактической передачи вещи, но что, тем не менее, и предварительное соглашение о заключении в будущем договора поклажи имеет обязательную силу в том смысле, что отступившийся от такого соглашения подвергается ответственности за причиненные этим убытки. Прибалтийский губернский закон признает договор поклажи, в принципе, безвозмездным. В случае же если при заключении договора поклажеприниматель выговорил себе вознаграждение за хранение вещи, договор считается не поклажей, а наймом (примеч. к ст. 3788).

Договор личных услуг предусматривал обязанность аккуратно исполнять известные действия по указанию хозяина, возна-

---

³² См. ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 100, л. 12.

³³ См. Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР (ЦГИА ЭССР), ф. 296, оп. 1, ед. хр. 67 лл. 6—17.

³⁴ См. ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 100, л. 11.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 543, ед. хр. 1219, л. 23.

граждать хозяина за убытки, причиненные неисполнением услуги или неловкостью (в порученной работе — небрежное отношение к инструментам, неосторожность, в доверенных животных — недосмотр за ними). Если случайность воспрепятствовала закончить услугу, то вознаграждение уплачивалось в размере исполненного, причем выданное вперед не возвращалось.

Обязанность имеющего право на услугу — отвечать за вред, причиненный несущим услугу третьему лицу, если при выборе наемного человека не обнаружена должная осмотрительность. Вознаграждать же несущего услугу за понесенный им случайный вред при исполнении услуги имеющий право на нее не был обязан (ст. 4185). В статье 4184 говорилось лишь о случае «перерыва» в исполнении договора, а случай неприятия, вообще нанявшегося нанимателем прямо не предусматривался. Об этом говорит ст. 4197, относящаяся, собственно, лишь к найму домашней прислуги. Закон не охватывал все случаи, в которых нанявшийся не мог исполнить договор по вине нанимателя. «Местный обычай» (см. ст. 1951) допускал полную неопределенность в отношениях сторон и послужил на практике источником постоянных споров и недоразумений.

Договор личных услуг, в частности, прекращался при недобросовестности, грубой вине, безнравственном поведении, неспособности к услуге или преступлении нанявшегося. Договор найма слуг предусматривал службу продолжительное время, состоящую в исполнении обязанностей в должностях при условии получения за это, сверх платы, квартиры и стола. Слуга обязан был быть послушным (ст. 4200) и подчиняться домашнему порядку (ст. 4201), сносить выговоры и «жесткие выражения» (ст. 4203). Особенность этого договора состоит в том, что он нормировался не столько Сводом, сколько местными положениями и обычаями (ст. 4193). Нельзя было нанимать слуг до получения ими свидетельства об отпуске от прежнего хозяина (ст. 4199). В обязанность слуги входило: являться в условленное время к месту служения, под страхом уплаты господину вознаграждения (ст. 4196); проявлять почтение, верность, скромность и послушание к господину и посвящать все свое время и всю деятельность на его пользу (ст. 4200); подчиняться домашнему порядку и без дозволения не удаляться из дому (ст. 4201); сносить выговоры и жесткие выражения (ст. 4203); исполнять круг услуг, определяемый надобностями господина, силами слуги и обычаями, исключая недозволенные и опасные для жизни и здоровья (ст. 4202); возмещать вред, причиненный намеренно, по грубой неосмотрительности и по нарушению приказаний господина (ст. 4204). Господин мог отступить от договора при намеренных упущениях слуги, постоянном его непослушании, грубых оскорб-

лениях, безнравственном поведении (забеременение незамужних), недобросовестности, проступках и преступлениях (ст. 4220).

В местном законе правила о найме домашней прислуги изложены гораздо подробнее, чем правила о личном найме вообще, вследствие чего практика пользовалась ими для восполнения пробелов в этих последних правилах (см. ст. 1957), ибо найм домашней прислуги представлял собой не самостоятельный институт права, а лишь вид договора личного найма.

Несмотря на господствующее в местном законе основное начало диспозитивности обязательственного права вообще, и в этом законе были установлены нормы императивные, не подлежащие отмене по частному соглашению договаривающихся сторон. Предусмотренное ст. 4192 получение нанявшимся сверх платы еще и квартиры и стола являлось не признаком договора, а зависящим от воли сторон условием его. Статья 4199 имела в виду не досрочное, своевольное прекращение договора служащим, но действие третьего, не участвующего в договоре лица, которое, насколько оно представлялось действием недозволенным, давало потерпевшему от этого убытка право на вознаграждение. Ст 4206 содержала понятие «задаток» — своеобразие местного права — т. н. партикулярное правило. Ст. 4203 — «нехорошее обращение» с прислугой — давала последней право на досрочное прекращение договора лишь в том случае, если оно выразилось в таких, со стороны хозяина, действиях, которые подходили под условия соответствующей статьи. В условиях, когда судебный аппарат прочно находился в руках помещиков, наличие всевозможных «каучуковых правил» давало господину дополнительные преимущества перед прислугой.³⁶

Семейное право

До вступления в силу III части Свода местных узаконений семейное право Эстонии характеризовалось наличием партикуляризма.

Согласно Своду местных узаконений семейное право состояло из трех частей:

- а) брачное право;
- б) отношение детей и родителей;
- в) опека и попечительство.

---

³⁶ См. об обвинении в нарушении договора о найме. — «Московские Ведомости», 1869, № 52, 7. III. См. также «Seadus ja Kohus», 1911, nr. 3—4, lk. 56. A. T r a a t. Talurahva õiguslik olukord Liivimaal feodalismi lagunemise perioodil. Диссертация, рукопись в научной библиотеке ТГУ, Тарту, 1955, стр. 417—434 и др. О договоре личных услуг см. А. Нолькен. Свод гражданских узаконений губерний прибалтийских с включением изменений и дополнений по продолжению 1890 года. СПб., 1891, стр. 524 и сл.

Во всех этих трех частях делается различие между личными и имущественными отношениями. В области брачного права в вопросе определения условий установления и прекращения супружеских отношений (заключение и расторжение брака) Свод местных узаконений ссылается на нормы «церковного права» в зависимости от вероисповедания (Свод законов, т. X., ч. I., первая книга — для православных; Свод законов, т. XI, ч. I. — Устав евангелистическо-лютеранской церкви — для лютеран).

Что касается имущественных отношений супругов, то часть третья свода особенно богата системами этих отношений (из которых главные системы: система соединения имуществ, система общности имуществ). Эти весьма сложные системы действовали партикулярно на различных территориях Прибалтийских губерний, а также в зависимости от сословия, звания.³⁷

Таким образом, и семейное право Прибалтики отличается существенными особенностями и пестротой своих норм (различно в земских, городских, крестьянских правах). Заимствования из римского права встречаются здесь значительно реже. Постановления о браке и о личных имущественных отношениях супругов покоились на власти мужа (муж — «опекун, советник и ассистент своей жены», ему принадлежало право защищать права жены на суде и вне его; при отчуждении своего отдельного недвижимого имущества жена обязана испросить совет мужа; подпись мужа в качестве советника необходима на всех актах, которыми жена обязывается в отношении к этому имуществу). В правах родительской власти над детьми предпочтение принадлежало отцу. В вопросе опеки и попечительства свод исходил из принципов римского права (дополненного и измененного шведским, русским законодательством и местными постановлениями).

Наследственное право

В основе наследственного права по части третьей свода лежат принципы римского права, а также нормы древне-германского права.³⁸

Особенностью части третьей свода является то, что в ней предвидены три основания наследования: 1) закон; 2) завещание; 3) наследственный договор.³⁹

Само собой разумеется, что и порядок наследования по третьей части зависел от: 1) видов имущества (движимое или недви-

---

³⁷ См. Л. Кассо. Обзор Остзейского гражданского права. Юрьев, 1896, стр. 116 и сл.

³⁸ В дальнейшем законодательство о наследовании частично было изменено. См. Из архива князя С. В. Шаховского, т. I. СПб., 1909, стр. 195.

³⁹ См.: Л. Кассо. Обзор Остзейского гражданского права. Юрьев, 1896, стр. 132 и сл.

жимое, родовое); 2) нахождения имущества (место нахождения наследства); 3) от сословия, звания и пола субъектов наследственного права.

Свобода завещания была ограничена. Наследование по закону исходило из того, что супруги призывались совместно с кровными родственниками; если последних не было, то тогда наследовали определенные корпорации и, наконец, казна. При наследовании (относительно супругов) закон исходил еще из того — остались вдовец или вдова, был ли брак бездетен или нет. Этот же принцип применяли при наследовании родственников.

По сравнению с вещным правом наследственное право Эстонии в XIX веке политически (с точки зрения привилегий феодального порядка) не имело такого веса. Поэтому этому разделу здесь уделено меньше внимания.

Согласно местному законодательству помещики сохранили свои привилегии в области гражданского права и в XX веке.⁴⁰

---

⁴⁰ См. Г. Виграб. Прибалтийские немцы. Их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев, 1916, стр. 172 и др. Р. Антонс. Аграрные отношения в буржуазной Эстонии. — К вопросу об истории народного хозяйства Прибалтики. Таллин, 1956, стр. 125—126. Ю. Егоров. Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции. II. Тарту, 1969, стр. 93—94, 224. В 1907—1908 гг. в Эстляндии вне городских поселений мызная земля составляла 60%, т. е. состоящая в полном распоряжении помещиков, и крестьянская арендная — 40%, подлежащая продаже или сдаче помещиком в арендное пользование крестьянскому населению. ЦГИАЛ ф. 1284, оп. 194, ед. хр. 100, л. 10. «Seadus ja Kohus». Oigusteadusline ajakiri. Peterburg, 1911, nr. 1, lk. 12—16. H. Sepp. Balti aadel ikka seesama enne ja nüüd. «Postimees», 1919, nr. 146, 16. VII.

SISUKORD — ОГЛАВЛЕНИЕ

A. Uustal. V. I. Lenin poliitikast	3
A. Уустал. В. И. Ленин о политике. <i>Резюме</i>	20
Я. Каарма. IX Съезд РКП(б) о коллегиальности и единоначалии в управлении	22
E.-J. Truuväli. Kodanliku Eesti ühiskondlik-poliitilised ja majanduslikud organisatsioonid ja nende likvideerimine 1940. aastal	34
Э.-Ю. Труувяли. Общественно-политические организации буржуазии в Эстонии и их ликвидация в 1940 году. <i>Резюме</i>	49
M. Ruus. Kodanliku Eesti majanduslike organisatsioonide likvideerimine 1940. aastal	51
M. Руус. Ликвидация хозяйственных организаций буржуазной Эстонии в 1940 году. <i>Резюме</i>	64
V. Kelder. О понятии функции управления	66
L. Saarnits. Kolhoosi esimehe osa ja koht kolhoosisiseses juhtimises	75
Л. Саарнитс. Роль и место председателя во внутриколхозном управлении. <i>Резюме</i>	87
Ж. Ананьева. О классификации гражданских правоотношений	90
X. Sepp. О принятии наследства	109
Э. Пloom. Об ответственности предприятия бытового обслуживания за качество выполненных работ	127
I. Orgo. Ehitusorganisatsioonide kindlustamine kaadriga	135
И. Орго. Обеспечение строительных организаций кадрами. <i>Резюме</i>	147
Ю. Егоров. Гражданское право Эстонии в XIX в.	149

ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДИЮ
XIV

На эстонском и русском языках.

Тартуский государственный университет,
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Vastutav toimetaja V. Kelder

Korrektorid E. Oja, N. Tšikalova

Ladumisele antud 17. XII 1971. Trükkimisele antud 14. VII 1972. Trükipoognaid 10,5. Arvestuspoognaid 11,2. Trükiarv 500. Kohila paberivabriku trükipaber nr. 2. 60×90. 1/16. MB-12076. Tell. nr. 7662.

Hans Heidemanni nim. trükikoda. ENSV, Tartu, Ülikooli tn. 17/19. I.

Hind rbl. 1.—

1—14

Rbl. 1.—

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00188598 9